

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**АПРЕЛЬ
2002**

**НИСАН
5762**

№ 4 (120)

В НАШИХ СИЛАХ ИЗМЕНИТЬ МИР

К ЛУЧШЕМУ...

11 Нисана 5762 года (24 марта 2002-го) исполняется сто лет со дня рождения знаменитого Любавичского Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона (1902 – 1994). Это имя хорошо знакомо религиозным и нерелигиозным евреям во всем мире. Его влияние на жизнь мирового еврейства и, в частности, еврейства Израиля, США и СССР трудно переоценить.

Это особая дата для евреев всего мира. Наверное, и для неевреев тоже, потому что Ребе был человеком, ценившим в мире добро и не разделявшим его между евреями и неевреями.

Для человека главное – привнести в мир добро, обогатить им других. И мечта, которая есть у каждого еврея, – приход Мошиаха, когда весь мир станет жить по-другому. Никаких войн и никакой жестокости – только добро вокруг нас. Это новый мир, который мы создаем для прихода Мошиаха.

Чтобы понять, что значил для Ребе приход Мошиаха, расскажу один случай. Однажды Ребе посетил детский лагерь недалеко от Нью-Йорка. Он выступил перед детьми, и один ребенок, когда отец навестил его и спросил, что было интересного в лагере, рассказал, что у них был Ребе. Отец спросил: «И что же Ребе сказал?». Ребенок ответил: «Ребе сказал: “Вот-вот придет Мошиах”». Отец засмеялся: «Я тоже говорю тебе это каждый день, он не сказал ничего нового». – «Но Ребе в это верит!». Ребенок слышал, как говорил это Ребе и как – отец.

Это был самый главный вопрос для Ребе, вопрос веры. Веры в Б-га, в приход Мошиаха и веры в то, что в наших силах изменить мир к лучшему.

Интересно, что возраст для Ребе не имел никакого значения. Он иногда выступал перед маленькими детьми, а иногда – перед людьми, которым было за девяносто. Ребе всегда говорил, что у любого человека независимо от возраста, есть потенциал, который он обязан раскрыть. Стар ли человек или молод, ему надо продолжать учиться, если он уже учился, а если еще не учился, он должен начать учиться. Никакого отдыха на пути добра для Ребе не было.

В любом человеке, приходившем к нему, Ребе видел хорошее. Он не говорил людям, что они делают что-то неправильно, он считал, что каждый человек обязан сделать шаг к лучшему. К свету и чистоте. И почти никогда в публичном выступлении или в личной беседе не высказывался о ком-либо плохо.

К нему приезжало много людей: лидеры разных стран, политики, артисты, писатели, врачи, музыканты, ученые, обычные люди. Они просили у него совета, размышляли о важных делах, происходящих в мире. И Ребе беседовал с ними как днем, так и в ночное время. Беседы длились до пяти, шести, до восьми утра. И после разговора с Ребе многие признавались, что он изменил их взгляды на жизнь. Он умел передать людям свой энтузиазм, свою веру. Причем, после смерти Ребе этот энтузиазм у людей не только не ослабевает, но даже возрастает. Люди уезжают распространять еврейские традиции в

самые невероятные края – в Сибирь, в Африку, в Новую Зеландию... Они знают, что так хотел Ребе, что именно там они нужны.

У Ребе было высочайшее понимание Торы и совершенно оригинальный подход к решению любых вопросов в Талмуде, Торе, Кабале. Это было что-то поразительное. Многие говорили, что не понимают, как могли раньше толковать Тору без знания, которое они получили от Ребе. Его трактовки были глубоки и, вместе с тем, он говорил на языке, понятном любому человеку. Самые высокие, самые сложные вопросы Торы он соотносил с повседневной жизнью. Главное, считал Ребе, – это действие. Человек может быть очень умным, многое понимать, но если это понимание не воплощается в жизнь, то никакой пользы от его знания нет. Поэтому Ребе полагал, что если о чем-либо говорится в Торе, нужно непременно подумать, как это можно реализовать, перенести в обыкновенную жизнь, чтобы в мире приумножилось добро. В этом он видел смысл своего существования и смысл существования каждого человека на земле.

Он был удивительно активным человеком. Ребе жил в маленькой комнате, в доме, где находится центральный офис Хабада, и где на третьем этаже была квартира предыдущего Ребе, его тестя. Эту комнату Ребе получил, когда в 1941 году приехал в Америку. И он остался в ней жить даже после смерти своего тестя. Там он учил Тору, принимал людей, читал и отвечал на письма, которые получал целыми мешками. Практически никуда не выходя из своей комнаты, Ребе влиял на еврейскую и даже нееврейскую жизнь.

Когда он только приехал в Америку, у американских евреев был свой взгляд на то, каким будет еврейство в этой стране. Тогда евреи жили словно в гетто, практически не общаясь с внешним миром. Многие еврейские магазины работали по субботам, люди не ходили по улице в кипе. Вся еврейская жизнь протекала дома или в синагоге. Между религиозными и нерелигиозными евреями общение было сведено к минимуму. Ребе находил подобное положение вещей неприемлемым. Нельзя существовать отдельно от всего остального мира и нельзя порывать связи с большей частью народа. Он воспринимал еврейский народ как единое целое несмотря на то что внутри него много разного. Но главным для него было – вернуть евреев к Торе. Поэтому Ребе стал первым выступать по телевидению и рассказывать о ней. И это при том, что подавляющее большинство его аудитории было нееврейским.

Вместе с тем, когда речь заходила о Торе, Ребе не позволял себе идти на компромиссы. Он говорил, что те годы, которые он провел в Советском Союзе, научили его не поддаваться давлению власти, конъюнктуре и будет делать только то, что считает правдой.

Возможно поэтому он так хорошо понимал положение советского еврейства, находившегося под страшным давлением государственной репрессивной машины. Он всеми силами стремился оказывать ему помощь и поддержку, присылая в СССР своих посланцев. Это могли быть бизнесмены, дипломаты, просто туристы. Они привозили еврейскую литературу и письма, которые писал Ребе. Существовала целая сеть нелегальных еврейских школ, ешив. Во многом именно благодаря усилиям Ребе в Советском Союзе сохранялось религиозное еврейство. И когда Союз распался, Ребе усмотрел в этом знак грядущего избавления и прихода Мошиаха.

Каждый год празднуется день рождения Ребе, и люди хотят делать ему подарки. Но Ребе всегда говорил, что для него лучший подарок – это еще одно доброе дело, будь то почитание родителей, молитва или помощь бедным и детям. Поэтому в день

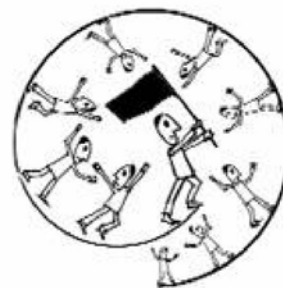
рождения Ребе многие рассказывали ему в своих письмах о совершенных ими добрых поступках. И сегодня, когда исполняется сто лет со дня рождения Ребе, лучший подарок в память о нем – это содействие тому, чтобы мир стал добрее. Ребе часто цитировал Рамбама, уподоблявшего мир уравновешенным чашам весов. Если на чашу весов класть добрые дела, в мире будет больше добра, если злые – больше зла. Цель жизни человека – делать добро, к этому он должен стремиться.

Áëááí ùé dáááéí Dítíéé Áádé Éáçáð

Èè ñèñ

ВРЕМЯ

*È áääò òðàí è òü Ñááí ò óñíí ú Èðàèèÿ, í òääèÿÿ
Ñááí ò ó í ò ï òí: è ò áí áé áí áñá ï ï è í è áí è ÿ ò ñá è ò; ...
òáñ ò ú áí áé ò áí ðè è Á-áí ááí è çáí è ð, à á ñááü í é -
í ðá è ðá ò è è è ï ðááü ááè á í í è í á*

Øì í èñ 31:16,17

Áñáí ó ñáá á áðáí ÿ, è áðáí ÿ áñÿ è í é ááí è

í ñá í ááí ï ... áðáí ÿ áí é í á, è áðáí ÿ ï è ðá

Èíÿ è áñ 3: 1, 8

Кажется, что мы постоянно пребываем в состоянии войны. Есть войны «настоящие» – сражения регулярных армий, вооружение которых год от года все изощренней. Такие войны сплачивают нацию в едином порыве: все как один выступают против врага, угрожающего «жизненным интересам» как каждого индивида, так и целого народа. Но даже в мирные, с точки зрения политики, времена мы ведем непрерывное сражение с демонами, угрожающими нашему материальному и моральному благополучию, – с преступностью, наркоманией, болезнями, неграмотностью, наконец. При этом мы ведем еще борьбу с собой – будь то наши лень или эгоизм или вредные привычки, – борьбу с курением, со склонностью к обжорству...

Дело не ограничивается борьбой со злом, с силами разрушения и отрицания: в социуме, в школе или на работе, мы постоянно боремся за место в первых рядах, боремся с тем, что мешает нашему продвижению к успеху. Боремся, чтобы получать больше денег, эффективнее тратить время, реализовать заложенные в нас таланты, отточить ум, выковать характер. В человеческой сущности заложено неизбывное стремление к совершенствованию, преодолению себя, к тому, чтобы превзойти прошлые свои достижения. Борьба человека с прошлым непрерывна.

Даже если мы победим очевидное зло, заполонившее этот мир, даже если нам удастся извлечь из-под спуда материальности Б-жественность, то есть самую суть творения Б-га, обретем ли мы при этом покой и умиротворенность?.. Нас обступает хаос. Солнечная система вращается, как волчок, галактики разбегаются друг от друга; земное ядро пульсирует, погода зависит от атмосферных вихрей, океаны грозят выйти из берегов... Жизнь как физический процесс сопряжена с постоянным движением: толкая кровь, бьется сердце, сокращаются, выдыхая воздух, легкие... Что касается неодушевленного бытия, то оно кажется нам неподвижным, только пока мы не постигли, что на атомном и молекулярном уровнях мы также имеем дело с движением. Пребывать в движении – значит меняться, а всякое изменение – борьба, борьба за то, чтобы нарушить столь неустойчивое статус-кво и вызвать к жизни новую реальность.

Не осознавая необходимости постоянных изменений, в том, что ситуация такова, мы склонны винить в первую очередь время. Только оно одно властно над тем, что прошлое остается за спиной, настоящее не может нас полностью удовлетворить, а будущее – ускользающая цель, к которой обращены все наши помыслы. Время – прародитель движения, изменений и борьбы. Время – та канва, по которой «вышиваются» все столкновения этой жизни. Может закрасться мысль, что, покуда мы существуем во времени и наша жизнь зависит от биения сердца и дыхания, жизнь так и будет оставаться сражением.

Дано ли нам выйти за границы времени? Там, за его пределами, нет движения, напряженности, столкновения противоречий. Но такому существованию неведомы ни принятие вызова, ни изменения к лучшему, иными словами – неведом прогресс.

Так будет ли конец нашему беспокойству в этой жизни? Должен ли быть положен ему конец?

Сотворение времени

У каждого дня – своя функция.

Зоар, ч. III, 94б

Мудрецы утверждают: время – сотворенная сущность. Как все тварное, оно было извлечено из небытия волей Всесильного. Иначе говоря, до сотворения мира

Б-гом оно не существовало не просто потому, что не было физических объектов или сил и не происходило ничего, что могло бы «маркировать» течение времени, а потому, что такая сущность, как время, сама природа, субстанция и понятие времени еще не были сотворены.

Б-г сотворил вселенную в семь дней, в каждый из этих дней создавая новый класс элементов, соответствующий сущностной природе данного дня. Эти семь дней изначально служат проводниками семи Б-жественных атрибутов (сфиройс), которые Всесильный привлек в сотворенную Им реальность. Сотворенное в первый день обладает «дающей», или «дарующей» природой, соответствующей Б-жественному атрибуту Хесед, «под знаком которого» и проходит этот день творения. Сотворенное во второй день проникнуто началом «принуждения» и «суровости», соотносённых с атрибутом Гвура, и т.д.

То, что истинно в отношении творения в целом, истинно и в отношении времени. Время, как и вселенная, в которой оно существует, также сотворено за семь дней и обладает семью определенными качествами, поскольку каждый из дней творения вызывал к бытию новый «параметр» времени.

То есть Всесильным было сотворено не только время как таковое, но и само его деление – циклы, которыми мы пользуемся, чтобы его измерять и различать. День, неделя, месяц, год – это не произвольно избранные нами мерилы времени, не «искусственные единицы измерения», изобретенные человеком на основе теоретического описания реальности, чтобы иметь возможность планировать деловые встречи, труды и отдых. Нет. День, неделя, месяц и год отражают саму фактуру времени и его характер.

Неделя – основополагающая мера. Творение времени за семь дней означает, что оно «спектрально» подразделяется на семь единиц: «время-Хесед» было создано в первый день творения, «время-Гвура» – во второй и т.д., покуда не «завершил Всесильный в седьмой день дело свое, которое Он созидал» (Брейшис, 2:2), и покуда все семь основных компонентов времени не были сотворены и «встроены» в семидневный цикл.

Отсюда становится ясным, почему на иврите воскресенье называется Йом ришон – «первый день», понедельник – Йом шейни, «второй день» и т.д. Речь идет не просто о соответствии первой неделе мира, в которой воскресенье было первым днем, а понедельник – вторым. Каждое воскресенье – первый день в буквальном смысле слова, первый день нового временного цикла, повторяющегося из раза в раз, раскрывающегося с самого начала и являющего семь различных качеств времени.

Элемент отдыха

È çàáððøèè Áîîîèèüü úé á îîîüü íé äáí ü

äáèí îîîá, èíòíðíá Íí ìçèääè, è íí-èè

á äáí ü îîîüü íé íò äîîá íðèçááááí èü

îîîáá, èíòíðíá Íí ìçèääè.

Áðáèøèñ 2:2

Этот стих, кажется, противоречит самому себе: закончил ли Б-г работу в седьмой день или до седьмого дня? Заняло ли творение шесть или семь дней?

Мудрецы поясняют: «Чего не хватало миру? Отдыха. Когда была явлена Суббота, был явлен отдых» (Раши на этот стих). В Субботу Б-г сотворил отдых как последний кирпичик, венчающий здание творения.

В канун Субботы сотворение времени было почти завершено: ему не хватало лишь одного – первоначала, связанного с отдыхом. Едва было сотворено время Субботы (время, содержащее в себе отдых), как цикл оказался завершен.

Но можно ли считать «отдых» характеристикой времени? Не является ли время и сопутствующий ему феномен – движение – антитезой отдыха и покоя?

Необходимо учитывать следующее. Суббота является таким фрагментом времени, который преодолевает присущие ему границы, придавая времени трансцендентность. Таким образом, будучи синонимом движения и изменения, время включает в себя и элемент покоя и отдыха – так в рамках времени нам явлена возможность создать зону безмятежности и постоянства. Возможность привнести гармонию и спокойствие в жизнь, исполненную борьбы и перемен.

В то время как «шесть дней» недели согласно Торе проходят под знаком «войны против врагов твоих» (Дворим, 21:10; Ликутей Тора, Сейцей, 35в и далее), о Субботе сказано: «сидите каждый у себя, да не выходит никто из места своего в день седьмой» (Шмойс, 16:29). Если наше жизненное призвание состоит в том, чтобы «выходить» на битву во имя изгнания зла, совершенствовать несовершенное и преодолевать пределы ограниченного человеческого «я», то в это же призвание включена

и возможность обретения покоя и отдыха. Нам, пребывающим в родных стенах и в мире, даровано обретение истинного «я» и истинного места в жизни. Так жизнь отмечена не только неизбывным стремлением к обретению чего-либо, но и нахождением в покое, когда нечто уже достигнуто и исполнено.

Вкус

Ī āāāp Nūāāīōōōūū à Ī ā Īāūyēā

Nāāō āōīō āāī ū nēyē 36 ÷ āāā

Ī ēāāō Dāāā, Āāāēōēñ 11:2

Вся неделя проникнута влиянием Субботы. Если в повседневной жизни мы испытываем не только потребность что-либо достигать, но и удовлетворение, когда что-то уже достигнуто, если нам дана возможность не только побеждать враждебную нам реальность, но и преображать ее, превращая в дружественную, если наша жизнь не только цепь непрерывных деяний, но есть в ней и радость достижения, то объясняется это тем, что Суббота – остров покоя в море изменений – своей сущностью пронизывает остальные шесть компонентов недели.

Между тем, если каждый из дней недели несет в себе что-то от Субботы, то сама она связана с теми параметрами времени, сущность которых – покой и безмятежность. «Шесть дней работай и делай всю работу свою (букв. “сделай”), а день седьмой, Суббота – Б-гу...» (Шмойс, 20:9,10). Но как можем мы сказать кому бы то ни было, чтобы «сделал всю работу свою» за шесть дней? Сделать «всю работу свою» в течение жизни – и то немалый подвиг! Но к Субботе, поясняют мудрецы, «вся наша работа» «сделается» (Мехилта на этот стих). Суббота не только пауза в трудах жизни, она – отблеск свершения всей жизни и несет в себе вкус этого свершения.

В Субботу мы прекращаем борьбу с миром не потому, что мысль о совершенстве «отложена», но потому что в Субботу мир совершенен, и мы обретаем связь с тем, что есть неизменного и совершенного в мире. В этот день мы прекращаем борьбу с тьмой не только ради того, чтобы восстановить силы для битвы, но также и потому, что, когда приходит Суббота, есть только свет – свет, сотворенный нашими благими делами. В течение всей недели этот свет был сокрыт покровом мирских забот, со всех сторон обступающих нашу повседневную жизнь, однако теперь нашему очистившемуся «я» он стал явствен.

Это также объясняет, почему воскресенье действительно «первый день». Суббота – погружение в область, неподвластную времени, она – область, лежащая за пределами той борьбы, которой отмечена повседневная жизнь. «Переходя» Субботу, мы вновь погружаемся в существование во времени. Но при этом время – как движение, как поток изменений – обновляется.

Однако Суббота – лишь преддверие «дня, который есть вечная Суббота, покой и отдых жизни вечной» (благословение трапезы, дополнение к Субботе), то есть неделя, состоящая из семи дней, является малым отражением большого времени мироздания. Даже сама история – это шесть «рабочих дней» тысячелетий, а седьмое тысячелетие отдыха – эра Мошиаха (Комментарий Нахманида на Брейшис, 2:3).

В Субботу, завершающую обычную неделю, нам в нашем опыте явлено то совершенство, которое достигнуто за счет усилий предшествовавших шести дней – усилий самосовершенствования и улучшения мира. Эра Мошиаха – время, когда соединятся усилия всех поколений, чтобы обрести завершение и исполнение. Это время, когда все благие деяния, слова и помыслы шести тысячелетий истории обретут, наконец, свое завершение, воплотившись в истинно наполненный покоем и безмятежностью мир, мир, свободный от дисгармонии и споров, исполненный мудрости, блага и совершенства Создателя.

Âäÿëäë-Ï ëëüäé

Сосуд

Çà:âi i ú çäiüü?

*Ïòèi äi'ðimì äi'ðimä çäâpòny ðëëimòu äimö
íäi ðäâëäi éé,*

èçó:âpùèä ði'ðä, è èäæäüé ïò äi: ääò

í à í ää ïi-ñäi ä ó

Â ðäëi ää í äi'èñäi ääëi é:íi è yimí:

«B äüé ñçäi, ääü ñëóæèòüi íäi ó ðäi'ðó»

(ðäëi ää, Èëäüóëí, 82ä)

Этическое учение Мусар определяет цель жизни как усвершенствование личных качеств человека. В Зоаре говорится, что Г-сподь создал нас «дабы Его творения знали Его» (Зоар, ч. II, 42б). Мудрец Кабалы рабби Ицхок Лурия («Святой Ари», 1534-1572) предложил следующее объяснение творения: Б-г есть сущность Добра, и в природе добра – даровать добро. Но добро нельзя даровать, если его некому принять. Поэтому Б-г создал наш мир — чтобы было кому принять Его Добро.

Учение хасидизма объясняет: эти доводы, как и те, что приводятся в других кабалистических и философских трудах, — все то же Б-жественное желание творить, только выраженное в разнообразных «мирах» или «царствах», сотворенных Б-гом. Также хасидизм предлагает собственную трактовку этого Б-жественного желания, говоря, что мы «создаем дом для Б-га в материальном мире».

Дом для Б-га

Что значит «сделать наш мир домом для Б-га»?

Главный догмат нашей веры заключается в том, что «вся земля полна славы Его» (Эц Хаим, Шаар а-Клолим, гл. 1) и «нет места, где Он не присутствует». Следовательно, нам не надо приводить Б-га в материальный мир – Он уже там. Однако Б-г может обитать в мире, не ощущая его своим домом.

Быть «дома» – значит находиться в месте, «восприимчивом» к вашему присутствию, устроенном для удовлетворения ваших нужд и желаний. Здесь вы можете быть самим собой, таким, какой есть, в отличие от того, каким вы можете быть в прочих местах.

Материальный мир в своем обычном виде для Б-га отнюдь не гостеприимная среда. Если можно выделить общее для всего материального, так это присущий ему эгоцентризм – всякая вещь утверждает себя как основу и цель существования. Каждой своей частицей камень провозглашает: «Я – есть». Все инстинкты дерева и животного направлены на самосохранение и размножение, что и является для них целью всякого действия. А кто больше человека превратил честолюбие в искусство и самовозвеличивание во всепоглощающий идеал?

Эгоцентризм, себялюбие мешают видеть суть стоящего за ними, а суть такова: творение – не цель, а всего лишь производное своего Творца и Его орудие. Но себялюбие – не случайная или второстепенная примета нашего мира, а его определяющая черта. Так что, дабы сделать наш мир «домом» для Б-га, мы должны изменить природу этого мира, перестроить его основы: из сущности, ориентированной на самое себя, создать нечто, существующее ради куда более значительных целей.

Мы осуществляем такое изменение всякий раз, когда обращаем материальный объект или духовные усилия на службу Б-гу: беря ли кусок кожи для изготовления тфилин, отдавая ли банкноту на благотворительность или используя свой разум для изучения главы Торы, – все суть осуществление такого изменения. В своем изначальном состоянии кусок кожи как бы заявляет: «Я – существую», но в тфилин это «заявление» уже иное: «Я существую, чтобы служить своему Творцу». Доллар в кармане «нашептывает»: «Жадность прекрасна», а в ящике для пожертвований он «считает» иначе: «Цель жизни – не брать, а давать». Человеческий разум алчет: «Обогащай себя», разум же, изучающий Тору, наставляет: «Познавай Б-га твоего».

Границы личности

Два основных шага способны привести к тому, чтобы сделать наш мир домом для Б-га. Первый из них – превращение материальных объектов в «сосуды Б-жественности» (из куска кожи сделать тфилин, дать деньги на благотворительность, выделить время для изучения Торы), второй – использование этих «сосудов» для служения Б-жественному (накладывать тфилин на руку и голову, использовать пожертвования, чтобы накормить голодных, изучать Тору, дабы познавать Б-га, и т.д.).

На первый взгляд может показаться, что второй шаг более важный, а первый – всего лишь нечто, его предваряющее. Но, узнавая из Торы, как в нашем мире был построен первый дом для Б-га – Мишкан, мы уясняем, что основное значение придается строительству «дома», а не собственно его использованию в качестве Б-жественной обители.

Сооружению Святилища, которое строят дети Израиля в пустыне, посвящена значительная часть книги Шмойс. Тора, зачастую настолько скупая на слова, что многие законы в ней заключены в одном лишь слове или даже букве, на сей раз не скупится на подробности. Пятнадцать материалов, используемых для Святилища, – золото и серебро, и медь, и голубая шерсть, и багряница, и червленица, и лен, и козья шерсть, и шкуры бараньи, окрашенные в красный цвет, и шкуры тахашей, и стволы акации, и масло для меноры, и благовония для масла помазания и ароматного воскурения, и ониксы, и другие

камни, вставляемые в эйфод и хошен (Шмойс, 25:3-7) – перечисляются трижды. Во-первых, Б-г перечисляет эти материалы, повелевая Моше построить Мишкан, затем Моше полностью перечисляет их, передавая повеление Б-га сынам Израиля (там же, 35:5-9), и в третий раз тот же список приводится, когда Тора рассказывает, как сыны Израиля возносили эти приношения и Б-г призвал Бецалела возглавить строительство (там же, 22-35).

Кроме того, восемь раз оговаривается устройство и украшение Святилища: в повелениях Б-га Моше (там же, 25-27), в Его повелениях помазать все части Святилища и «сосуды» (30:26-28), в назначении Б-гом Бецалела (31:7-11), в наставлениях Моше народу (35:11-19), в рассказах о том, как были сделаны части и сосуды Святилища (36:8-39:32) и все сделанное было представлено Моше (39:33-41), в повелениях Б-га Моше воздвигнуть и помазать Святилище (40:3-11) и, наконец, в рассказе, как Святилище было воздвигнуто (40:18-33). К тому же дважды упоминается каждая мельчайшая деталь сооружения – от размеров балок и столбов до цвета каждого покрывала: в наставлениях Б-га Моше и когда говорится о сооружении Святилища.

Целых тринадцать глав посвящено описанию материалов, используемых для сооружения Мишкана, и обучению коэнов (священников), которые должны были осуществлять служение Б-гу в Мишкане, тогда как на рассказ о сотворении мира в Торе отведена всего одна глава, три – на описание Откровения на горе Синай и одиннадцать – на рассказ об Исходе.

Святилище стало моделью и прототипом всех впоследствии сооруженных на Земле домов для Б-га. И то, насколько важное значение придается этапу «сооружения» (в сравнении с этапом «воплощения»), подразумевает, что и в нашей жизни очень существенно то, как свои духовные силы мы претворяем в вещи, способные служить Б-гу. Сделать себя «сосудом» Б-жественности – это в каком-то смысле больший подвиг, чем само привнесение Б-жественности в нашу жизнь.

Именно в этом заключен истинный смысл изменения – превращение из личности, ориентированной на себя самое, в нечто, преданное чему-то более значительному, чем она сама по себе является.

Если бы Г-сподь желал просто дружественной среды, Ему не нужно было бы обращаться к материальному миру – мир духовный легко мог быть обращен Ему на службу. Изменение и переориентация происходят на первом этапе, когда из чего-то материального выковывается инструмент Б-жественного. На втором этапе различные образы единого Б-жественного желания творения, воплощенного в различных «мирах» или «царствах» Б-га, только реализуют уже определенный потенциал, и объект используется в соответствии с его истинным назначением.

Доброе утро!

Вы встречаете человека, еще не принявшего в свою жизнь Б-га, чьи усилия и способности – сколь бы ни были они успешны и похвальны – остаются в рамках его собственного «я» и личных целей, и вам очень хочется расширить его (ее) горизонты – показать богатство и радость жизни, выходящей за рамки личности человека. Вы хотите надевать вместе с ним тфилин, вместе с ней постигать мудрость Торы... Но эти люди к этому еще не готовы.

Вы знаете: человеку, приученному видеть все сквозь призму собственного «я», чужда идея служения Б-гу и понимаете: прежде чем ввести его в мир Торы и заповедей, нужно научить его воспринимать Б-жественность, чувствовать близость к священному. Поэтому, встречаясь на улице с ним или с ней, вы просто улыбаетесь и говорите: «Доброе утро!» и приглашаете к себе домой на чашечку кофе или на ужин в Субботу. Вы говорите о пустяках и пока что не предлагаете неподготовленному человеку попробовать изменить образ жизни, потому что прежде всего нужно обрести его доверие – к вам и к тому, что вы собой представляете.

Вы еще якобы ничего не «сделали», но изменение по сути уже произошло, глубинное и коренное: этот человек стал сосудом Б-жественности. Конечно, задача сосуда – наполниться, как задача дома – стать обитаемым. Святилище было построено, чтобы быть пристанищем Б-жественного присутствия. Но именно изготовление сосудов для Б-жественности – самая важная и трудная задача человека, самое значимое его достижение.

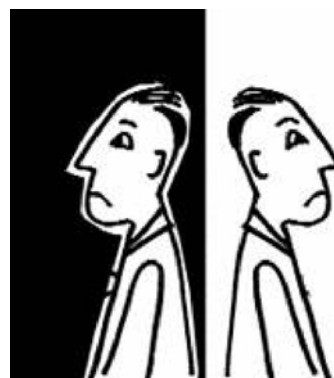
Áàèéðĭ

Искренность извинений

Áĭĕ èòĭ-í èáúú ĭ ĭáàèò ĭ áðáá

Á-áĭ è èĭíóĭ ĭòðááèò áĭááðèáĭ

áèèæí áĭ...

Áàèéðĭ, 5:21

Кому не доводилось по чьей-либо вине изведать унижение, обиды или потери? Нередко в такой ситуации люди дают волю гневу, а бывает, все же находят в себе силы подняться над случившимся и, приняв его, простить обидчика.

Быть пострадавшим плохо, но гораздо хуже другое – почти каждому из нас доводилось самому оказываться в роли обидчика, не жертвы, но – мучителя. Какие же чувства обуревают душу, когда осознаешь, что причинял другому боль? Чувство вины и стыда?.. Возможно, поначалу и было стыдно, но в таких случаях сознание человека нередко стремится отмежеваться от мучительного стыда, и на смену ему приходит своего рода благодушие, что сродни душевной глухоте. Что ж, мир в конце концов не перевернулся, – говорит себе такой обидчик, – жизнь вошла в нормальную колею, а что до ближнего, который продолжает лелеять свою рану и стенать, то это он слишком... Кто из нас, оказавшись в такой ситуации, дорос до того, чтобы действием искупить причиненное зло?

Тому, кому это принадлежит

«Если кто-нибудь согрешит перед Б-гом и злоупотребит доверием ближнего, отрицая, что ему было отдано что-то на хранение или во временное пользование; или будет виновен в грабеже или присвоении имущества ближнего; или найдет потерянное и будет отрицать все это, и поклянется ложно, что он не совершал эти грехи... он... должен возратить все сполна, прибавив пятую часть (Вор обязан возместить стоимость украденного, прибавив сверх того одну пятую часть, в качестве штрафа. Это правило относится к тем случаям, когда, предстан перед судом, вор раскаивается в содеянном и

признает свою вину), и отдать тому, кому это принадлежит, в день признания вины своей» (Ваикро, 5:21-24).

Слова «кому это принадлежит» Раши комментирует следующим образом: «то есть, тому, кому принадлежат эти деньги». На первый взгляд, Раши толкует то, что и без того ясно. Кому должны быть возвращены деньги, как не первоначальному владельцу? Но этот же вопрос можно задать и в связи со стихом, толкуемым Раши – почему комментатор все же видит необходимость уточнить «кому это принадлежит»?

Если не уточнить такой, казалось бы, простой вещи, может возникнуть спорная ситуация: дополнительное возмещение в размере одной пятой от стоимости присвоенного имущества накладывается на вора как наказание за совершенное им противозаконное действие, а потому, исходя из правовых норм, получателем этих денег может выступать не столько жертва, сколько суд, или может быть выдвинуто требование, чтобы эти деньги пошли на благотворительность. И дабы подчеркнуть, что они выплачиваются именно потерпевшему, в Торе сказано: «тому, кому это принадлежит».

И прибавить сверх того

Этот, казалось бы, простой стих затрагивает серьезную проблему, связанную с человеческими взаимоотношениями.

В еврейской мистике существует объяснение, согласно которому тот, кто пережил потерю или претерпел ущерб по вине другого человека, не должен на него гневаться, ибо потеря ниспослана Свыше. Даже передумай обидчик в последний момент причинить это зло, тот, кому назначено претерпеть страдание, столкнулся бы с тем же самым злом на каких-то иных путях (Тания, Игерес а-кодеш, гл. 25).

Исходя из такой логики, покусившийся на чужое добро легко может уклониться от необходимости загладить ущерб, причиненный жертве, сославшись на то, что все происшедшее касается только его и Б-га. Он может рассуждать так: «Я всецело верю, что всякая справедливость – от Б-га; и да пребудет происшедшее между мною и Б-гом. Потеря, которую понес ближний, не трогает моего сердца – она ниспослана ему Свыше. Я же несу ответственность за то, что отпал от Б-га, нарушив нашу с Ним связь. Я преступил Его заповедь, упомянул имя Его всеу (ложно присягнув на суде). Но это прегрешение я искуплю и буду молиться, чтобы восстановить связь с Б-гом. Я покорно исполню библейское предписание, согласно которому должен возместить потерю, и присовокуплю к возмещению соответствующий штраф. Что же касается зла и обиды, причиненных ближнему, – его переживания не мое дело. Разве мне вменено в обязанность бесконечно заботиться о том, чтобы между нами вновь было доверие?! Но для меня этот человек – “пустое место”, что мне до него?»

Столь извращенная точка зрения на человеческие отношения указывает, что связь между говорящим и

Б-гом крайне поверхностна. Если бы мы должны были заботиться об отношениях с ближними только затем, чтобы угодить Б-гу, в основе этой заботы был бы элементарный эгоизм. Мы хотим упиваться чувством собственной праведности. Нам неуютно от мысли, что поступок наш скверный. Это побуждает загладить вину. И тогда исполнение заповеди, предусматривающей искупление вины за принесенный ущерб, диктуется исключительно стремлением к спокойствию и безмятежности.

В то же время истинная связь с Б-гом – это когда человек всецело проникается отзывчивостью и вниманием к ближнему, стараясь уподобиться в этом Всевышнему. Мы внимательны к чувствам ближних не потому, что это вменено нам в обязанность, но потому, что их нужды нам не безразличны. Признав или обнаружив, что причинил ближнему зло, я озабочусь, как утешить его боль и облегчить ношу. Мои же личные обязательства и уныние в этой ситуации из-за вины перед лицом Небес второстепенны. Самое важное – возместить ближнему потерю, восстановить его спокойствие. И я хочу не только возместить потерю, но и прибавить что-то сверх того – лишь бы сгладить то, что человек пережил по моей вине, и компенсировать доход, который пострадавший мог получить, если бы его деньги находились в его собственном распоряжении.

Покорность Б-гу

Заповеди, регулирующие отношения между людьми (например, запрещающие клеветать на ближнего, требующие честного ведения дел, не уклоняться от благотворительности), попадают в особую категорию – «мишпотим», как называют законы, основанные на логике. При том, что они полностью согласуются с человеческим разумом, выполнять их мы обязаны из чувства покорности Б-гу («каболас ойл»). Ему ведома присущая людям тенденция рационализировать и оправдывать свои прегрешения. Потому Тора дает кодекс поведения, не укладывающийся в рамки человеческого рационализма: таким образом человек не может избежать чувства вины, совершив неподобающий, но выгодный ему поступок. Попытка исполнять обязанности перед ближними только из чувства долга перед

Б-гом, игнорируя устремления и переживания окружающих, с Б-жьим замыслом не имеет ничего общего. Каболас ойл, покорность воле Б-га, выражена только тогда, когда она захватывает всю личность человека, пронизывая все уровни его сознания.

Б-гобоязненный человек очистился от злоречия и злословия, аккуратен в ведении дел, избегает брать ему не принадлежащее. Но какова при этом его мотивация? Действительно ли он заботится о чувствах и нуждах ближних или только пытается обрести заслуги перед лицом Небес? Мишпотим призваны сформировать более человеческий характер, чтобы еврей стал внимательнее к другим и проникся любовью. Благодаря тому что над нами есть воля Б-га, у нас есть все основания преодолеть эгоистичную природу – исполнившись любви, приблизиться к Нему.

Öää

Люди дня против людей ночи

Æáðò ää äíííææíèÿ äíææíà íáðíæèòüü íà íäí æáðò äíí í èèà äíþ íí÷ü äí óòðà

Äæéðí, 6:2

Èç ýò íä íæááòò, ÷òí òóé (æèð) è èííá:ííðè ì íäò äðàòü äíþ íí÷ü

Ðàøè

Хотя священникам полагалось совершать всесожжение днем (это время считалось более подходящим), они могли совершить его и ночью во исполнение заповеди «Да не останется жир праздничной жертвы Моей до утра»

(Шмойс, 23:18).

Рамбан говорит, что приношение жертвы на алтарь позволяло грешнику искупить вину: человек понимает, что все, происходящее с животным, должно происходить с ним, если бы Б-г в своей доброте не позволил совершить эту замену.

Отсюда следует, что все составляющие жертвоприношения, включая сжигание жира и конечностей, имеют аналогии в нашей духовной жизни.

Как «сжигание тука» применимо к нашей духовной жизни?

Сжигание тука – «приятное благоухание». Сказано: «Весь жир приноси

Б-гу» (Ваикро, 3:16) – все, доставляющее удовольствие еврею, пусть он «передает» Б-гу (то есть примет, благословляя Его).

Поэтому основная цель сжигания жира достигается днем. «День» и «ночь» символизируют духовные состояния человека: днем наша душа сияет в теле, ночью же мы лишены духовного света.

«Человек дня» общается с Б-гом не только когда изучает Тору или исполняет заповеди, он общается с Ним целый день, даже занимаясь вполне мирскими делами. Ибо этот человек чувствителен к Б-жественному, пронизывающему весь мир. Таким образом, он может служить Б-гу, даже занимаясь мирскими делами, – «Во всех путях твоих познавай Его» (Мишлей, 3:6).

У «человека ночи» нет этой духовной чувствительности и внутреннего света. И, занимаясь мирскими делами, он должен прилагать усилия, чтобы совершать их «во имя Небес», а не ради личного удовольствия. Само собой разумеется, в отличие от «человека дня», «человек ночи» не поднимает свои мирские деяния до уровня святости.

Более того, «человек ночи» должен быть начеку, даже занимаясь изучением Торы и исполняя заповеди. Тора сокрыта в интеллекте, а заповеди олицетворяют мир физический, поэтому человек без духовного света должен усердно трудиться, чтобы изучать Тору действительно ради изучения Торы, а не ради связанного с этим процессом интеллектуального удовольствия. То же относится и к исполнению заповеди.

Таким образом, любой человек как бы приносит в жертву Б-гу свои удовольствия, но «человек дня» делает это позитивно – с радостью посвящая Б-гу и все свои мирские дела. А «люди ночи» не могут сказать, что их удовольствия связаны исключительно с Б-гом. В своей духовной борьбе они подавляют низменные инстинкты, по крайней мере следя за тем, чтобы все их дела делались «во имя Небес». Таким образом, в первую очередь они нацелены на отрицание и подавление зла.

Поэтому «приношение тука Б-гу» – когда удовольствия «передают» Ему во имя святости – достигается людьми «дня», а сжигание тука ночью отражает предвосхищение греха путем отрицания и подавления зла.

Если душа не обременена телом, ее духовная работа несомненно выше, но и обычная душа в своих попытках возвысить тело и весь мир содержит элементы, отражающие самые высокие ее проявления.

י' אֵלִים

Праздник детей

Когда в последний раз вы испытывали чувство свободы? В глазах многих, несущих бремя работы, семейной и социальной ответственности, связанных другими, свойственными человеку обязанностями, свобода – это что-то редкостное и одновременно насущно важное, что-то ускользающее, но столь желанное. Она нужна нам, необходима, но как ее достичь?

Посмотрите на ребенка. Приглядитесь, как он играет, с головой уходит в любимую книгу, спит с улыбкой на лице. Он убежден, что папа и мама его накормят, защитят, позаботятся обо всем необходимом – ребенок свободен. Свободен наслаждаться своим внутренним миром, расти и развиваться, открывать для себя радости и возможности, которые предлагает ему жизнь.

Именно поэтому Пейсах – праздник Свободы – наиболее детский из праздников. Именно дети пробуждают в нас понимание, что мы тоже дети – дети

Б-га и потому изначально и вечно свободны. Именно дети открывают нам глаза на истинное значение Пейсаха: выведя нас из Египта и сделав своим избранным народом, Б-г освободил нас от всякого рабства и подчинения на все времена.

Не случайно дети – самые важные участники пасхального сейдера. И многие его обычаи в том числе имеют целью «мистифицировать» ребенка, разбудить в нем любопытство, заставить задаться вопросом: «Почему эта ночь отличается от всех остальных ночей?» Вся пасхальная Агода, рассказ о спасении и выходе из Египта, являющийся стержнем традиционного сейдера, выстроена вокруг конкретной идеи – «когда спросит тебя ... сын твой.., ты скажешь ему...» (Шмойс, 13:14). В Пейсах мы хотим проникнуть в разум нашего ребенка, чтобы увидеть мир его глазами. Иначе как испытать чувство свободы?

Четыре сына

Однако дети – и это признает каждый родитель – разными являются в наш мир. Если вдуматься, как в Торе обсуждается диалог отца и сына, происходящий во время сейдера, окажется, что есть несколько вариантов детских вопросов и родительских ответов (Дворим, 6:20; Шмойс, 12:26, 13:8, 13:14). Агода объясняет, что «Тора обращается к четырем сыновьям: мудрому, вредному, простаку и такому, который даже не знает, как

спросить». В зависимости от того, как ребенок выражает вопрос, Тора предлагает четыре варианта объяснения идеи праздника и значения нашей свободы.

«Мудрый сын» задает вопросы умные, здравые, отражающие глубину его наблюдений и желание узнать, оценить и принять участие (Дворим). Гордый своим сыном отец подробно объясняет ему, в чем заключается сейдер, вплоть до закона о том, что «нельзя подавать десерт после пасхального мяса» (Агода), чтобы и по окончании сейдера вкус мяса долго оставался во рту.

«Вредный сын», наблюдая за трудами и затратами при подготовке сейдера, спрашивает: «Что это за служение у вас?» (Шмойс, 12:26). Такой вопрос означает, указывает Агода, что участвовать в этом служении он не хочет. «Ради исполнения этой заповеди сделал это мне Б-г, – отвечает отец, – при исходе моем из Египта» (там же, 13:8). «...Это мне.., при исходе моем из Египта», как объясняет Агода, предполагает, что «будь там вредный сын, он бы не был спасен».

«Простак», способный задать лишь неловкий вопрос: «Что это?» (там же, 13:14), получает от отца простой ответ – о том, каково значение этой ночи. А в отношении сына, «который не знает, как спросить», Тора наставляет так: «И скажешь сыну твоему...» (там же, 13:8). То есть отец сам должен завести разговор, заинтересовать и привлечь сына (Агода).

Там и здесь

Все эти ответы не требуют разъяснения, кроме одного: ответа «вредному сыну». Почему мы говорим ему, что во время Исхода он остался бы в Египте?

Потому что именно так бы и было. Наши мудрецы говорят, что во время первого Исхода из Египта к Синаю ушел только один из пяти евреев (Раши), тогда как четыре пятых отказались идти, предпочтя рабство у фараона исполнению обязательств перед

Б-гом. Эти евреи не спаслись.

Б-г принял евреев Египта такими, какими они были, – духовно обнищавшими, порабощенными после двух веков жизни под египетским игом, самым низменным игом на земле. Но при том Б-г поставил одно условие: чтобы заслужить свободу, надо ее очень сильно желать.

И все-таки, говоря «вредному сыну»: «будь ты там, ты бы не спасся» – на какой мы рассчитываем результат? Неужели нам хочется еще больше отдалить от себя собственного ребенка?

На самом деле, отвечая так «вредному сыну», мы не отталкиваем его, не отторгаем, но принимаем, к тому же обещая благое.

Будь он там, говорим мы ему, он бы не спасся. Исход из Египта произошел до Откровения на Синае, до того, как Б-г каждого еврейского ребенка признал своим. Там, в Египте, решение о спасении было вопросом индивидуального выбора. Будь этот сын там, он так бы там и остался. Но он не был там – поэтому он есть здесь.

«Здесь» – потому что был Синай. Здесь мы свободны не потому, что это мы так выбрали или отказались сделать такой выбор. Да, сейчас мы в изгнании, но в «тот день», пророчествует Иешаяу, «вы собраны будете один к одному, сыны Израиля» (27:12). И когда Б-г снова нас спасет, спасены будут все евреи до единого.

Пятый ребенок

При всех своих различиях «четыре сына» согласно Агоде все же вместе: увлеченный, сомневающийся, инертный или равнодушный – все они сидят на сейдере. И все они так или иначе

соотносятся с нашим ежегодным празднованием Исхода, с нашим рождением как народа. Линия связи открыта: до потенциально «мудрого сына», живущего в каждом еврейском ребенке, можно достучаться.

Однако сегодня, в век духовных метаний, есть еще один, пятый, сын – еврей, которого нет на сейдере. Он не задает вопросов, не выражает сомнений, не проявляет ни малейшего интереса – он вообще ничего не знает ни о сейдере, ни о значении Исхода, ни об Откровении у Синайской горы, где мы приняли на себя особую миссию, особую роль как евреи.

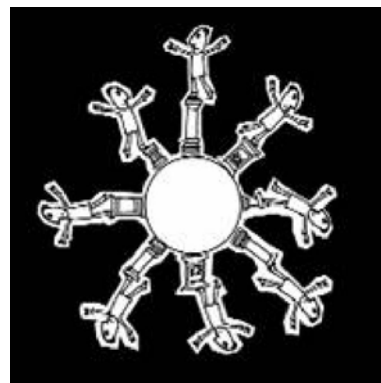
Этим детям Б-га мы должны себя посвятить – задолго до наступления первой пасхальной ночи. Нельзя забывать ни об одном сыне Израиля. Надо использовать всю нашу энергию, все ресурсы ради того, чтобы последний, «пятый сын» оказался за столом на сейдере всей еврейской жизни.

Øi èíè

Восемью восемь

*È áùèí, íà áñññ íé ááí ü íðèçáæ Í íóá Ááðííà,
è ññííáæ áá, è ñòáðáèøèí Èçðáèèÿ.*

Áàèèðí, 9:1

Этот «восьмой день» – следующий после семидневного посвящения – был днем «десяти корон»: во-первых, он был первым днем месяца Нисан; во-вторых – воскресеньем, первым днем недели; в-третьих – началом нового года; в-четвертых и в-пятых – первым днем Б-жественного присутствия в Святилище и первым днем службы в нем; в-шестых – первым днем священничества и так далее (Талмуд, Шабос, 87б). Есть мнение, что этот день был также годовщиной создания вселенной (Талмуд, Рош а-Шона, 10б).

Если этот день был «первым» в стольких смыслах, почему же Тора говорит о нем как о «восьмом дне»?

Число семь связано с природой. Мир был создан в семидневный цикл и в рамках того же семидневного цикла продолжает обновляться. Есть семь сфиройс – Б-жественных атрибутов, определяющих отношения Б-га с нашей действительностью; они отражены в семи мидойс – семи характеристиках человеческого сердца.

А вот как наши мудрецы объясняют особое значение цифры восемь. Если семерка отражает природные циклы творения, то восьмерка – уже нечто выше природы, некую окружность, охватывающую круг пространства и времени. В этот восьмой день, когда Б-жественное присутствие обрело свое место в стане народа Израиля, нам был дарован потенциал, позволяющий выходить за пределы природы и нормы, вырваться из семеричного цикла, который определяет и ограничивает наше бытие.

Своевременное чтение

Шмини, «Восьмой» – называется одна из недельных глав Торы (Ваикро,

9-11). Это название возникло из первой строки главы: «...в восьмой день призвал Моше...»

Еврей «живет в ногу со временем», черпая вдохновение и наставления из еженедельного чтения Торы. Каждый год, когда приходит время читать Шмини, мы черпаем из этого раздела Торы вдохновение, чтобы освободиться от оков всевозможных систем и каждодневной текучки, которые определяют нашу жизнь в этом мире, и попытаться добраться до более высокого, «восьмого» измерения.

Раздел Шмини обычно читают в Субботу после Пейсаха, когда мы ведем счет омера, связывающий Пейсах со Швуэсом. Сам по себе счет омера – поиск «восьмого измерения»: семь недель и сорок девять дней ведут к пятидесятому дню ($7 \times 7 + 1$), когда и произошло Б-жественное Откровение Швуэса.

Особый урок по календарю

В определенные годы в нашем кал

ендаре особо подчеркивается важность урока Шмини.

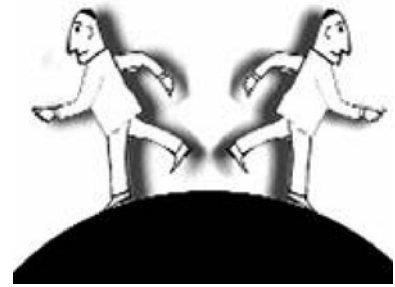
Каждую из 53 глав Торы обычно читают в течение недели – частично во второй половине дня предшествовавшей Субботы, по утрам понедельника и четверга и целиком – в Субботу утром. Однако иногда чтение какого-то из разделов Торы занимает больше недели. Когда Суббота совпадает с праздником, проводятся специальные чтения, посвященные этому празднику, а регулярные переносятся на следующую неделю. Но чтение в Субботу во второй половине дня, а также по понедельникам и четвергам (когда дни эти не являются праздничными) – это чтение из «недельного» раздела, который надлежало бы читать в Субботу, не выпади на нее праздник.

Когда первый и последний день Пейсаха выпадают на Субботу, раздел Шмини приходится откладывать дважды, но в синагоге его будут читать восемь раз в течение трех недель: в Субботу во второй половине дня, в понедельник и четверг перед Пейсахом; во второй половине первого дня Пейсаха; во второй половине последнего дня Пейсаха; в неделю, следующую за пасхальной – утром в понедельник, четверг и Субботу.

В такой год урок Шмини бывает преподан еще убедительней, чем в предшествующие. Читая его восемь раз, мы познаем его в восемь раз глубже.

Беглая душа

В главах Тазриа (Ваикро, 12-13) и Мецойро (14-15) обсуждаются законы цораас – заболевания, проявляющегося на коже человека в виде одного и более белых пятен и, кроме того, поражающего стены домов, ткани и кожаную одежду (рыжие пятна).

Но не всякое белое пятно связано с цораас. Существуют и вторичные симптомы, помогающие определить, следует ли объявить человека, его дом или одежду томей — «нечистыми» или нет.

На человеческом теле один из таких признаков цораас – белое пятно, на котором побелело по меньшей мере два волоса.

Этому закону в Талмуде посвящен замечательный эпизод, рассказывающий о «дебатах» в «Небесной академии». Итак, в «Небесной академии» возникла следующая точка зрения: если белое пятно появилось раньше белого волоса, это — нечистота; если же появлению белого пятна предшествует побеление волос, то нечистоты нет. Однако могут возникнуть сомнения, что же появилось первым.

Святой, да будет Он благословен, сказал: «Чисто».

Вся «Небесная академия» решила: «Нечисто».

Они («Небесная академия») сказали: «Кто за нас решит (кто разрешит наш спор)? — «Рабби Бар Нехемия». Потому что рабби Бар Нехемия объявил:

«Я единственный в законах цораас...» За ним послали посыльного, чтобы явился на Небеса...

Рабби сказал: «Тоойр, тоойр» («Чисто, чисто») (Бава

Мециа, 86а).

Бегство от себя

Чтобы понять смысл этих «дебатов» между Святым и «Небесной академией» и почему смертного человека призвали на Небеса в качестве судьи, необходимо сначала понять природу заболевания цораас, значение «белого пятна» и «белого волоса».

Хасидское учение объясняет, что человеческой душой движут две противоположные силы: побуждение «бежать» или «убежать» — рацо и побуждение «обосноваться» — шов. Когда душа подвижима возбуждением, любовью, честолюбием или желанием – мы «бежим», «убегаем» от себя во имя достижения чего-то большего, более прекрасного и совершенного. Когда же мы испытываем благоговейный трепет, смирение, преданность и чувство долга, то «обосновываемся», или подтверждаем связь со своим существованием, с собственным местом в мире и миссией в жизни. Рацо заставляет нас

подниматься в гору, шов – строить дом; первое заставляет нас молиться, второе – исполнять заповеди.

Если душа здорова, воля колеблется между рацо и шов подобно хорошо уравновешенному маятнику или тому, как сжимается и расширяется здоровое сердце. Ограниченность нашего места в мире, конечность природы и тела, самого нашего бытия – все побуждает нас к бегству, к стремлению за пределы ограниченного и конечного. Но само это бегство приводит нас туда, откуда мы можем лучше оценить красоту и необходимость своего существования. Рацо достигает вершины и требует ответной реакции шов, то есть возвращения к себе и своему месту в мире.

Цораас – состояние, когда это принципиально важное равновесие нарушено, и маятник души, поднимаясь по дуге рацо, не возвращается в шов. Тогда в создавшемся вакууме могут пустить корни самые разные нежелательные элементы, как сорняки в заброшенном саду.

Отсюда значение «белых пятен» и «белых волос» – симптомов цораас. Белое пятно на коже указывает, что жизнь, жизненные силы покинули эту часть тела. Однако само белое пятно еще не означает, что невозможность для воли «обосноваться» привела к появлению каких-то отрицательных черт в характере и поведении человека. А вот когда из белого пятна растут белые волосы, то есть «мертвое питается мертвым», – это безусловное свидетельство цораас.

С другой стороны, само по себе существование белых волос не указывает на цораас. Они могут свидетельствовать о «мусоре», который мы тащим за собой по жизни – о каких-то рядовых отрицательных чертах и явлениях, в конечном итоге оказывающих на нас положительное воздействие – ставя перед нами конкретные задачи, они пробуждают все имеющиеся у нас способности и скрытую втуне энергию для их решения.

Другое дело, когда белые волосы появляются вследствие белого пятна – это уже говорит о каких-то серьезных проблемах. Стало быть, человек, ведомый мыслями о бегстве, «убежал» так далеко, занесся столь высоко, что забросил все свои обязательства перед жизнью, работой, оставив позади безжизненное, пустое «я», кое и являет собой питательную среду для взращивания худшего, что есть в человеческой природе.

Отсюда закон: белый волос является симптомом цораас только в том случае, когда его пигментация нарушена из-за появления белого пятна – «растущая смерть» возникла в результате того, что какая-то часть человеческого тела утратила жизненные свойства.

Два взгляда на человека

В чем же коренится цораас? Рацо – это бегство от себя, шов – возвращение к себе. Может показаться, что цораас – это когда при наличии рацо отсутствует шов, и это является следствием чрезмерного бескорыстия. Но в действительности дело обстоит как раз наоборот. Рацо отражает желание души, а шов – ее обязательства. Таким образом, жажда бегства есть жажда самовыражения, а потребность «обосноваться» есть способность подчиняться. Следовательно, цораас проистекает из-за отсутствия смирения, когда человек не может подчинить свою волю воле Создателя.

Теперь становится понятной суть приведенного выше спора между «Святым» и «Небесной академией». Кабалисты говорят о двух типах Б-жественной энергии,

питающей наше существование: о Б-жественном свете, «наполняющем миры», проникая в них и позволяя раскрыться индивидуальности каждого живого существа, и о Б-жественном свете, «охватывающем миры», – то есть о внешней энергии, с которой мы соотносимся как с чем-то «мистическим» или «духовным», находящемся вне нас.

Конечно, нельзя сказать, что

Б-жественная суть может быть только «наполняющей» или только «охватывающей». В конечном счете взаимосвязь Б-га с нашим существованием не может быть определена как внутренняя или внешняя – Б-жественная реальность выше подобных определений или характеристик. Но Б-г решил общаться с нами так, как того требует наша реальность. Мы знаем по опыту, что есть явления «внутренние», которые мы способны понять и оценить, а есть «охватывающие» – те, что за пределами нашего понимания. Поэтому Он и соотносится с нами через эти два канала, открывая нам Себя через рациональное и понятное (например, законы природы), а также через «мистическое» и «духовное».

Между этими двумя типами Б-жественной энергии и их влиянием на нас есть много несхожего, что подробно обсуждается в работах кабалистов и хасидских учителей! Принципиальное различие заключается в том, что Б-жественный свет, «наполняющий мир», дает нам ощущение реальности и понимание себя, а в перспективе «охватывающего» света, источник которого находится за пределами нашего существования, наша «реальность» оказывается несущественной, а ощущение себя – почти иллюзией.

«Небесная академия» в данном случае олицетворяет «наполняющий свет», а «Святой» (кдуша, «святость», нечто вовне) – «охватывающий свет», идущий от Б-га.

Когда возникает сомнение, появился ли белый волос раньше белого пятна или это следствие его появления, «Небесная академия» обычно утверждает, что мы имеем дело с цораас. Одного предположения, что цораас есть, достаточно, чтобы мы действовали так, как если бы болезнь была признана.

Святой видит человека как существо бескорыстное. С точки зрения «охватывающего света», цораас – аномалия. И если есть убедительные доказательства того, что в своей жажде бегства человек дошел до крайности, то применяются законы цораас. Однако, если все же есть сомнения, данная Б-жественная перспектива скорее предпочтет увидеть «чистоту».

Приговор

Кто имеет право выбирать между этими двумя Б-жественными версиями? Только тот, кто находится в соприкосновении со всеобщим видением, с единственной истиной, способной проникнуть и в «наполняющий», и в «охватывающий» типы Б-жественных взаимоотношений с действительностью.

Рабби Бар Нехемия был «единственным в законах цораас». Безусловно, он был человеком, но до такой степени посвятившим себя Торе

Б-га, что смог открыть ее «ядро» – Б-жественное видение реальности, ее соотнесенность с самой сущностью Б-га, а не просто с «наполняющими» или «охватывающими» элементами Его света.

Размышляя над законами человеческого эгоизма и бескорыстия, рабби Бар Нехемия увидел человека так, как его видит Б-г: созданием, в высшей степени преданным воле Создателя. И это создание, даже если и существует вероятность, что оно заболело нехваткой шов, все равно объявляется «чистым».

ЧЕЛОВЕК И ВЕК

11 Нисана, выпадающего в этом году на 24 марта, евреи всего мира празднуют столетие со дня рождения Любавичского Ребе. Юбилей Ребе имеет для нас огромное значение в первую очередь потому, что речь идет не просто об авторитетнейшем духовном лидере еврейского народа современности. Ребе всей своей жизнью доказал, что личность может в огромной мере влиять на историю. Не вызывает никаких сомнений, что то, как выглядит современное еврейство, несет на себе яркий отпечаток жизни этого удивительного человека. 100 лет Ребе почти совпали с XX веком. Итак, какими они были?

1902 ГОД. ДЕТСТВО

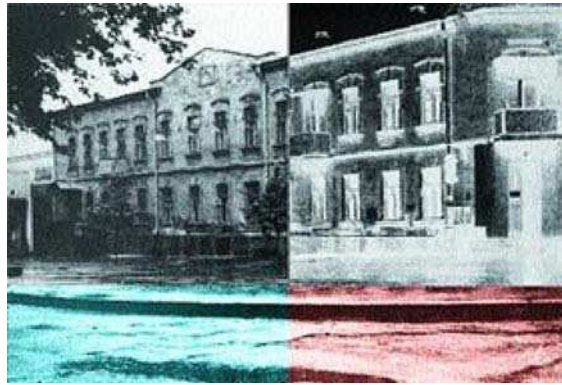
Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон родился в пятницу 18 апреля 1902 года (по еврейскому календарю 11 Нисана 5652 года) в Николаеве. Его отец, рабби Леви-Ицхок Шнеерсон, был известным знатоком Кабалы и Талмуда, мать – ребецн Хана – из семьи потомственных раввинов.

Когда Менахему-Мендлу было 7 лет, семья переехала в Екатеринослав (ныне Днепропетровск), где рабби Леви-Ицхок стал главным раввином города.

Для евреев царской России это были тяжелые годы, годы погромов и преследований. Ребецн Хана вспоминала, как в 1905 году, чтобы переждать погром, множество еврейских семей были вынуждены прятаться в укрытии. Дети пребывали в страхе, и, чтобы из-за их плача или неосторожного поступка не обнаружили тайник, родители успокаивали их ценой невероятных усилий, хотя и сами с трудом преодолевали то же чувство. Трехлетний Мендл подходил к малышам, ободрял.

Годы спустя Ребе опишет свое раннее детство как время, когда его мировоззрение и жизненные задачи уже были сформированы. Будучи мальчиком, он уже обнаруживал те уникальные задатки, которые впоследствии реализовались в его учении и делах.

Он видел, что хотя на уровне деяния ребенок не соответствует взрослому, на уровне личности – иное дело. И, наделенное собственными преимуществами – детской верой, честностью, энергией, энтузиазмом, жадой знания, чувством собственной значимости, – дитя является подобием взрослого. Так что задача образования состоит не только в том, чтобы подготовить ребенка к взрослой жизни, но и в том, чтобы взрастить и сохранить дары, данные детством, направить их к максимально позитивному выражению.

Все это для Ребе не было только теорией. В 1980 году он организовал «Цивойс Ашем», свою «детскую армию», призванную нести спасение миру. С самого начала он воспринимал детей как основную, авангардную силу своей деятельности, они были его самыми большими энтузиастами и посвященным «войском». Несколько раз в году Ребе организовывал детские собрания. Он говорил на доступном всем языке, но без снисхождения, отдавая детям «приказы», в которых проявлялось его отношение к ним как к полноценным участникам человеческой миссии в этой жизни.

Из обращения Ребе в январе 1990 года

«У детей есть сильное чувство, что они являются центром Вселенной, и все создано для того, чтобы им служить. В этом эгоцентризме, разумеется, присутствуют негативные аспекты, но ощущение себя, определяющее человеческое бытие, играет центральную роль в задаче созидания. По этому поводу Талмуд гласит: “Каждый человек должен сказать: ради меня был создан мир”. Задача образования – направлять это врожденное убеждение на верное выражение: личность должна расценивать каждую мысль и действие как реально и глобально значимые».

1915-Й. УЧЕБА

О юности Ребе мало сведений – по той простой причине, что в эти годы все дни и ночи он посвящал своему собственному образованию. Известный как одаренный ученик, он окончил хедер в раннем детстве и обучался у частных учителей, а вскоре под руководством отца и вовсе начал самостоятельные занятия. Уже в отрочестве Мендл переписывался со знаменитыми исследователями Торы.

Отец Ребе, рабби Л.-И. Шнеерсон.

Будучи мировым лидером Хабад-Любавич, Ребе основал около дюжины ешив, включая академии по изучению Торы в Марокко (1950), Австралии (1950), Монреале (1957), Майами (1974), Сиэтле (1976), Каракасе (1977), Лос-Анджелесе (1978), Буэнос-Айресе (1980) и Йоханнесбурге (1984).

Из обращения Ребе весной 1962 года

«Наши мудрецы утверждают, что Б-г создал мир потому, что пожелал обитать в материальном мире. Как правило, человек осуществляет свою жизненную задачу не тогда, когда запирается в комнате, молясь и учась в течение целого дня, но когда выходит во внешний мир и пытается превратить его в святое, Б-жественное место. Однако чтобы по-настоящему реализовать эту цель, нашей вовлеченности в материальный мир должен предшествовать период тотального погружения в мир духовный. Так было в истории нашего народа: перед тем, как израильтяне вошли в Святую Землю, они скитались по пустыне 40 лет. Соответственно, на индивидуальном уровне все это выглядит следующим образом: начинается жизнь годами, освобожденными от материальных забот, полностью посвященными учебе. То же и на уровне каждого дня: мы начинаем его отстранением от внешнего мира – для молитвы и изучения Торы».

1916-Й. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Первая мировая война наводнила Россию толпами беженцев.

Многие из них прибывали в Екатеринослав, где вдобавок к острой нехватке продовольствия, жилья и предметов первой необходимости им приходилось сталкиваться с враждебностью местных властей. Евреи, в частности, страдали от классических антисемитских обвинений в якобы сотрудничестве с врагом, подвергались арестам, облавам ради выкупа, доходило и до казней.

Мать Ребе, ребецн Хана.

Родители Ребе для беженцев открыли двери своего дома и делали все возможное для их обеспечения, выкупа пленников, ходатайствовали за обвиняемых перед правительством с риском для собственной жизни и свободы. И сын их не оставался в стороне – во всех этих делах принимал активное участие. Годы спустя он вспоминал то глубокое, неизгладимое впечатление, которое производило на него, четырнадцатилетнего мальчика, благочестие его родителей, в особенности матери.

Внимание к материальным нуждам ближнего всегда было краеугольным камнем движения Хабад, с самого его возникновения. И Ребе, в разное время стоявшие во главе этого движения, никогда не считали себя исключительно «духовными» лидерами, поскольку физическое состояние людей было для них не менее важно, чем состояние душ. В царской России они основывали сельскохозяйственные поселения и фабрики для производства продуктов питания, необходимых нуждающимся евреям, при коммунистическом режиме тайно поддерживали «контрреволюционеров», лишенных всех средств существования, в разгар Холокоста посылали эмиссаров на помощь узникам лагерей смерти. Седьмой Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон в одной из своих бесед, цитируя основателя Хабада рабби Шнеура-Залмана из Лядов, сказал: «Внимание к материальным нуждам ближнего – самая высокая добродетель».

Сегодня его последователи управляют наркологическим реабилитационным центром в Калифорнии, вывозят самолетами детей из радиоактивной чернойбыльской зоны, содержат благотворительные кухни в разных городах от Иерусалима до Москвы. Согласно указаниям Ребе создан ряд беспроцентных фондов для ссуд и последователи Ребе значительную часть своих средств выделяют на обслуживание социальных нужд общины.

1923-Й. СОВЕТСКИЕ ЕВРЕИ

В 1923 году Менахем-Мендл Шнеерсон познакомился с рабби Йосефом-Ицхоком Шнеерсоном, шестым Любавичским Ребе, учителем и лидером всемирного движения Хабад-Любавич.

Уже шесть лет как партия коммунистов захватила власть в Российской Империи, и Евсекция (Еврейская секция), основанная Иосифом Сталиным, начала безжалостную войну против иудаизма: повсеместно закрывались еврейские школы, синагоги и религиозные организации. Религиозных лидеров арестовывали, многие из них были вскоре расстреляны в подвалах ЧК.

Рабби Йосеф-Ицхок вел борьбу за сохранение иудаизма в Советской России, посылая своих эмиссаров во все концы страны для создания подпольных школ, микв, налаживания каналов доставки финансовой помощи и кошерной пищи. В его тайную, очень опасную работу включился и Менахем-Мендл Шнеерсон. А в 1926 году в роду Шнеерсонов произошло большое событие: состоялась помолвка Менахема-Мендла со второй дочерью рабби Йосефа-Ицхока Хай-Мушкой.

Когда летом 1927 года агенты ГПУ пришли в ленинградскую квартиру рабби Йосефа-Ицхока, чтобы его арестовать, Хая-Мушка сумела через окно подать знак жениху о случившемся, так что ему удалось своевременно убрать «улики», предупредить об опасности тех, кого было необходимо, а впоследствии задействовать все международные силы для отмены смертного приговора, вынесенного рабби Йосефу-Ицхоку, и в конце концов добиться его освобождения.

Долее оставаться в стране, где в любую минуту ему грозила смертельная опасность, было более чем рискованно, и в 1927 году рабби решил на отъезд. Но на месте оставалась хорошо отлаженная нелегальная сеть учителей и активистов, и рабби Йосеф-Ицхок продолжал руководить их деятельностью по другую сторону «железного занавеса» вплоть до своей кончины в 1950 году.

Менахем-Мендл был одним из тех немногих членов семьи Шнеерсонов, которым разрешили выехать из страны вместе с рабби Йосефом-Ицхоком, он всегда был активным помощником тестя во всех его делах. В самые мрачные годы антирелигиозных гонений, уже будучи Любавичским Ребе, Менахем-Мендл через множество тайных каналов продолжал поддерживать контакты с евреями Советского Союза и посылал к ним под видом туристов или бизнесменов своих верных эмиссаров. С падением коммунистического режима «сеть» Ребе вышла из подполья, продолжая предоставлять материальную и духовную помощь русским евреям, только теперь уже открыто. И сегодня на всем постсоветском пространстве эмиссары движения Хабад-Любавич помогают евреям возрождать традиционное национальное наследие.

Всякий раз, когда при Ребе заходила речь о страданиях советских евреев и громадных жертвах, которые они понесли из-за приверженности своей вере, его переполняли сильные чувства. И что бы ни приходилось делать для них, он часто говорил, что это всего лишь мельчайшая часть того, что они дают всему еврейскому народу своей мужественной преданностью нашей общей судьбе.

Из речи Ребе летом 1964 года

«Давайте все скажем “лехаим” за тех, кто там [в Советской России], и пожелаем им иметь возможность изучать Тору, соблюдать заповеди и избежать страданий от рук их злобных гонителей. Еврейский народ – это одно тело. Одна и та же кровь течет в его органах: вливание жизненной силы в один орган укрепляет все тело. Когда мы здесь укрепляем нашу преданность иудаизму, мы укрепляем их. Они, в свою очередь, своим самопожертвованием ради иудаизма укрепляют нас. И они делают для нас больше, чем мы для них...»

1928 ГОД. СВАДЬБА

В декабре 1928 года в Варшаве состоялась свадьба Менахема-Мендла и Хаи-Мушки. К тому времени героическая борьба шестого Любавичского Ребе Йосефа-Иццока Шнеерсона за права советских евреев получила всемирное признание, снискав ему глубокое уважение тех, во имя кого она велась. Свидетельством этого уважения стало присутствие на церемонии многочисленных раввинов, крупных духовных и светских лидеров европейского еврейства, а также тысяч других людей самых разных убеждений.

Начиная свадебную церемонию, отец невесты сказал: «По традиции, души предков невесты и жениха являются на свадебное торжество и участвуют в нем... Моим приглашением им будет маамар (речь об учении хасидизма), в котором я повторю поучения наших святых и праведных предков: Алтер Ребе (рабби Шнеура-Залмана, основателя хасидизма Хабад), Ребе Дова-Бера и нашего прадеда Ребе Менахема-Мендла из Любавича (тезки последнего Любавичского Ребе) и другого нашего прадеда – Ребе Шмуэла из Любавича, а также моего отца, деда невесты (Ребе Шолома-Дова-Бера). Как говорили наши мудрецы: “Всякий, кто повторяет поучение, должен представить, что перед ним стоит сам его автор”».

Ребецн Хая-Мушка в день свадьбы.

Все, кто присутствовал на свадьбе, позже вспоминали то осязаемое ощущение святости, которая наполняла помещение, когда Ребе Йосеф-Ицхок произносил свою речь.

Той же ночью за сотни километров от Варшавы состоялась другая свадьба, но, увы, без реальных невесты и жениха. В Днепропетровске родителям Менахема-Мендла, которых советские власти постоянно донимали за их деятельность на благо иудаизма, было отказано в выезде на свадьбу сына. Но хотя «железный занавес» не дал им возможности присутствовать на свадьбе своего первенца, тем не менее они решили порадоваться его счастью насколько в их ситуации это было возможно. В своих волнующих воспоминаниях мать Ребе ребецн Хана описывает свадебное торжество, состоявшееся в их доме, на котором жених и невеста не присутствовали физически, но радость сияла так же ярко, как сильна была боль в сердцах родителей жениха.

...Жизнь отца Ребе рабби Леви-Ицхока Шнеерсона закончилась трагически: в 1939 году его арестовали, жестоко пытали и отправили в казахстанскую ссылку, где в 1944 году он и умер от болезней и лишений.

Из обращения Ребе в мае 1984 года

«Муж и жена составляют единое целое, у них одна душа; и Б-гу было угодно, чтобы душа эта на протяжении определенной части ее жизни на земле теплилась в этих двух отдельных телах и каждая ее половина выполняла свое назначение в жизни отдельно до того момента, когда Б-г соединит их женитьбой.

Это объясняет ту великую радость, которая сопутствует свадьбе, – радость, не имеющую себе равных ни в каких других случаях. Две половины души, разделенные с рождения и росшие в разных домах, разных общинах, возможно, даже в разных странах, соединились силой Того, Кто составляет пары. Что может быть выше этой радости?»

1930-Е. ТОРА И НАУКА

Вскоре после свадьбы Менахем-Мендл с женой переехали в Берлин, где он поступил в Берлинский университет, чтобы изучать философию и математику. А когда в 1933 году в Германии к власти пришел Гитлер, супруги переехали в Париж, и Ребе продолжил учебу в Сорбонне и в Парижском инженерном колледже вплоть до 1938 года.

Хотя и в дальнейшем он совершенствовал свое академическое образование в ведущих университетах Европы, главным для него было другое – углубленное изучение Торы и работа на благо русских евреев. В связи с этим Ребе несколько раз ездил к тестю в Ригу, а позже – под Варшаву, в Отвоцк.

Что касается науки, то на протяжении всех лет своей сознательной взрослой жизни Ребе обращал внимание на то, как обнаруживается ее связь с религией на разных уровнях. В вопросе о разногласиях между ними Ребе отвергал «апологетический» подход, который интерпретировал библейские тексты и другие аспекты веры таким образом, чтобы они легче согласовывались с господствующей научной теорией. Было время, писал Ребе в своих многочисленных посланиях на эту тему, когда ученые верили, что определенные «факты» могут быть проверены и доказаны «научными методами». Однако сегодня уже общепризнано: научный метод не может «проверить и доказать факт», а пригоден скорее для установления большей или меньшей достоверности гипотезы. Для верующего еврея, держащего в руках документ, который, он уверен, является Откровением Создателя природы и ее законов, нет никакой причины – на самом деле, никакой научной причины – модифицировать эту истину. Модифицировать в силу того, что она якобы противоречит гипотезе, которой наука – на ее современной ступени развития и при ее современном запасе знаний – приписывает определенную степень достоверности.

Ребе рассматривал взаимоотношения религии и науки скорее как сотрудничество, нежели как борьбу. На самом элементарном уровне он видел безграничные возможности использования технологических аспектов достижений науки для того, чтобы сделать мир лучше, гармоничней, Б-жественней. На более глубоком уровне, как он доказывал, определенные истины о Б-ге и Его отношении к нашей

реальности становятся все более доступными человеческому пониманию в перспективе той реальности, которую наука открывает человеку.

Вот лишь один из многих примеров, приводимых Ребе. Неотъемлемой частью еврейской религии является концепция «Б-жественного предопределения»: Б-г знает о каждом событии во вселенной, и ничто не происходит без Его воли – от рождения звезды в отдаленной галактике до трепета листа на ветру неподалеку в лесу; все эти события учтены в Его генеральном плане творения, они и есть проявления реализации этого плана. У древних поколений такая идея господствовала в качестве разумного доверия. Еврей мог лишь принять ее на веру. Сегодня, когда мы наблюдаем посадку космического аппарата на Марсе и используем кремниевый чип для выполнения миллионов вычислительных операций в секунду, не требуется большого «скачка веры», чтобы понять: Тот, Кто заложил такой потенциал в Свое творение, наверняка обладает им Сам.

И, наконец, в науке Ребе видел способ познания Б-жественного. Углубляясь в изучение природы творения, мы приходим к знанию, любви и благоговейному страху перед лицом Творца, считал он. И хотя этот путь существовал всегда, новейшие открытия и теории во многих областях науки позволили продвинуться намного дальше в построении величественной картины и проникнуть гораздо глубже в существо явлений, чем прежде.

Из послания Ребе в марте 1954 года

«Вера в Единого Б-га ведет к вере в единую Тору, из чего следует, что мы должны быть “единым народом на земле”. Другими словами, во всех делах человек должен стремиться к единству, ибо только тогда вера в единство Б-га будет полной.

Примечательно, что эта идея ведет и к успехам в науке, в особенности в последние годы. Все больше и больше научные теории и исследования концентрируются на стремлении выразить все физические явления одной формулой и, что еще важнее, открыть единую объединяющую силу, которая скрывается за всеми другими с тем, чтобы их можно было представить как аспекты или частные случаи этой единой силы».

1940-Й. БЕГСТВО ИЗ ЕВРОПЫ

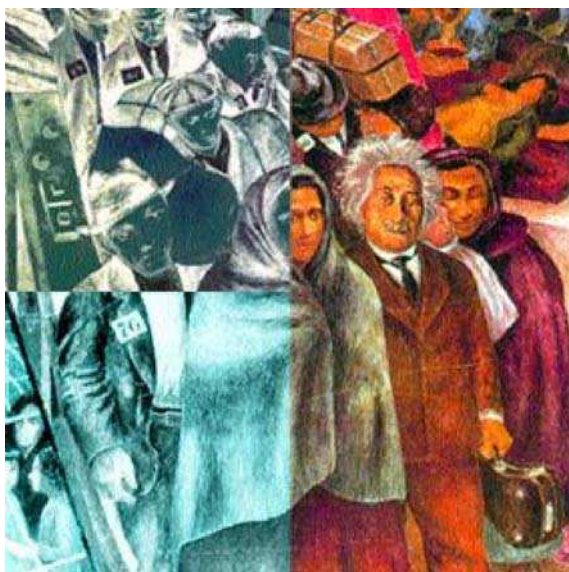
14 июня 1940 года войска нацистской Германии вошли в Париж. Французский генерал предложил Ребе поселиться в деревне. Но Ребе осознавал истинное значение нацистской оккупации и покинул французскую столицу на одном из последних поездов. После опасного перехода границы оккупированной зоны они с женой оказались в центре

Франции, в Виши, а затем, спустя несколько месяцев, перебрались на юг Франции, в Ниццу, после чего совсем покинули Европу.

Пережив бомбежки и оккупацию Варшавы, тесть Ребе в марте 1940 года сумел перебраться в Нью-Йорк. Все это время он продолжал кампанию по спасению дочери и зятя и их переселению в Соединенные Штаты.

Впоследствии ребецн вспоминала, что в продолжение всего их пути, когда им удавалось вырваться буквально из-под носа наступавших немцев, Ребе проявлял характерную для него самоотверженную заботу о других и в мельчайших деталях соблюдал еврейские закон и традиции. Характерно и то, что он всегда находил возможность сосредоточить внимание на положительных аспектах любых переживаний – даже если ты беженец, бросивший дом ради спасения жизни.

12 июня 1941 года в столице Португалии Лиссабоне Ребе и ребецн ступили на борт корабля «Sorpo Pinto», который направлялся в США. В понедельник 23 июня (по еврейскому календарю 28 Сивана) в 10.30 утра они уже прибыли в Нью-Йорк.

Из частного письма Ребе (декабрь 1944 года)

«Ваше письмо... пробудило воспоминания о том времени, когда мы были вместе в Виши и Ницце, в условиях, для нас обоих непривычных.

Когда человек оказывается вырван из своей привычной среды..., некоторые черты его характера становятся заметны в своей первозданной чистоте,

не искаженные ожиданиями общества. Часто эти черты обнаруживают скрытую доброту человека, о которой он сам, возможно, даже не подозревал, поскольку она была скрыта под слоем “манер” и социальных условностей. Счастлив тот, кто не позволит этим чертам исчезнуть после того, как он обретет, наконец, постоянное пристанище и покой».

1941-Й. КАТАСТРОФА И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕВРЕЙСТВА

Катастрофа затронула Ребе так же, как и миллионы людей того поколения. Его младший брат Дов-Бер был расстрелян и похоронен в братской могиле, как десятки тысяч других евреев, жертв массовых убийств, совершенных немцами вскоре после оккупации Днепропетровска осенью 1941 года. Была убита любимая бабушка и другие члены семьи. Жена Ребе лишилась младшей сестры Шейны, погибшей в Трешлинке вместе с мужем и приемным сыном...

В своих трудах и дискуссиях Ребе отказывался от какого-либо теологического толкования Катастрофы. Ибо какое надо иметь самомнение и еще большее бессердечие, чтобы приводить обоснования смерти и мук миллионов невинных мужчин, женщин и детей? Мы можем лишь согласиться с тем, что есть вещи, которые лежат за пределами понимания ограниченного человеческого разума. Вслед за своим тестем Ребе мог бы сказать: «Не мое дело судить Б-га за это. Только Сам Б-г может ответить за то, чему Он позволил случиться, и единственный ответ, который мы примем, – это немедленное и полное искупление, которое навсегда изгонит зло с лица земли и откроет доброту и совершенство, присущие Б-жьему творению».

Тем, кто утверждал, что Катастрофа опровергает существование Б-га и Его провидения над нашими жизнями, Ребе говорил: «Наоборот, Катастрофа решительно опровергла возможность осуществления какой бы то ни было религии, основанной на человеческой морали. Разве не те же самые люди, которые превозносили культуру, научный прогресс и философскую мораль, совершали самые низменные зверства в истории человечества? Кроме всего, Катастрофа учит нас, что моральное и цивилизованное существование возможно только при наличии веры в Высшую Силу и подчинения ей».

Ребе также говорил: «Наши оскорбительные, преступные претензии к Б-гу по поводу того, что случилось, сами по себе отчетливо демонстрируют, какова наша вера в Него и Его доброту. Ибо если у нас, помимо всего этого, нет никакой веры, то против чего мы восстаем? Против слепой игры судьбы? Против случайного расположения кварков, образующих вселенную? Мы восстаем только потому, что верим в Б-га, потому, что мы уверены в существовании истины и лжи и в том, что истина непременно должна

восторжествовать. Как Моше, мы восклицаем: “Почему, Б-г мой, сделал Ты зло народу Твоему!?”»

И все же самым важным для Ребе в Катастрофе было не то, как мы ее понимаем или не понимаем, и даже не то, как мы чтим память ее жертв, а то, что мы делаем. Если мы позволим боли и отчаянию отбить у нас желание растить новое поколение евреев в строгом соответствии с их еврейством, то гитлеровское «окончательное решение еврейского вопроса» будет реализовано. Не дай Б-г. Но если мы восстановимся, вырастим поколение гордое и уверенное в своем еврействе, тогда победа за нами. И Ребе принял за это дело: возглавив образовательное и социальное направления Хабада, он задействовал программы, которые до конца века были призваны обеспечить возрождение еврейской жизни в мире после Катастрофы.

Из письма Ребе (1965 год) человеку, пережившему Катастрофу

«...Помнить – это поистине императив и обязанность – особенно в свете набирающей силу кампании, которая имеет целью все предать забвению. Но помнить – только одна часть задачи, которую мы должны выполнить. Вторая, гораздо более важная часть – это активное противодействие гитлеровскому так называемому “окончательному решению”...

Ваша первая обязанность – жить: вести упорядоченную жизнь женатого человека, содержать еврейский дом и еврейскую семью. Это окончательно подведет черту под поражением Гитлера: ему не только не удалось уничтожить конкретного вижницкого хасида, но этот вижницкий хасид вырастит детей и внуков, поколение за поколением вижницких хасидов. И я говорю это не фигурально, хотя это и неважно, вижницкий хасид или любавичский, или просто еврей, который живет согласно букве и духу Торы...»

1943-Й. ПИСАТЕЛЬ И УЧИТЕЛЬ

В 1943 году Ребе опубликовал «А-Йом Йом» – книжечку карманного формата с хасидскими изречениями на каждый день года. Несмотря на ее внешнюю скромность вскоре она стала настоящим руководством в духовной жизни каждого хасида. В течение второй половины XX века вышли в свет более 200 томов эссе, посланий, писем и речей

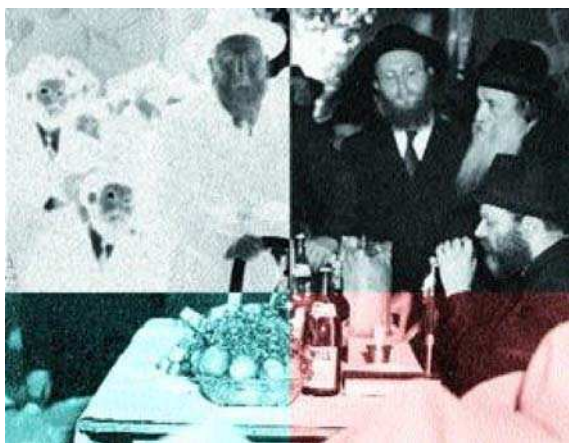
Ребе, посвященных разъяснению практически всех разделов Торы (громадного объема законов и знаний, накопленных евреями на протяжении 3300 лет изучения и исполнения заповедей Б-га, произнесенных на Синае).

Вначале мир услышал о Ребе как о крупном лидере и комментаторе, но не менее важную роль сыграли его революционная философия и отношение к жизни. Влияние его учения и легендарная преданность его последователей поразительны.

Впервые учение Ребе прозвучало на фарбрэнгене – «хасидском собрании», на котором он обратился к тысячам хасидов и другим людям самых разных убеждений.

Фарбрэнген мог продолжаться шесть, восемь и даже десять часов, и в этом не было ничего необычного. Он состоял из сихос – «бесед», в коротких перерывах между которыми звучали песни и лехаим. После каждого фарбрэнгена группа избранных последователей повторяла и записывала речи Ребе. Многие из этих записей он впоследствии редактировал и снабжал комментариями – так собралось 39 томов «Ликутей сихос», которые стали стеновым хребтом учения Ребе.

Из эссе Ребе «О сущности хасидизма»

«В Торе четыре основных уровня интерпретации: пшат – дословное значение; ремез – скрытое, подразумеваемое значение; драш – гомилетическое, расширенное значение; сод – эзотерическое значение. Каждый из этих уровней особым образом определяет и выражает Бесконечный Б-жественный Свет, заключенный в Торе. Однако учения хасидизма не ограничиваются никакой определенной формой. Хасидизм охватывает все четыре измерения Торы, выходит за их пределы, объединяет их и заставляет жить каждое из них».

1950-Й. ЛИДЕР

Утром в субботу 28 января 1950 года шестой Любавичский Ребе Йосеф-Ицхок Шнеерсон ушел от нас на вечный покой.

Рабби Менахем-Мендл Шнеерсон был охвачен печалью. И месяцы спустя при каждом упоминании о тесте глаза его наполнялись слезами. Будучи естественным наследником, он все же решительно отказался принять на себя обязанности «Ребе». Прошел целый год, прежде чем он уступил просьбам, звучавшим со всех уголков мира, и официально принял на себя лидерство в Хабаде.

С самого начала было ясно, что он собирается продолжать работу, начатую тестем, чтобы дотянуться до каждого еврея, как бы далеко географически и духовно он ни был, и заключить его в братские объятия.

7 февраля, ровно через десять дней после кончины Ребе Йосефа-Иццока, Ребе назначил раввина Михоела Липскера своим шалиахом (посланником) к евреям Марокко.

Институт шлихус – посланников, несомненно, наиболее революционный вклад Ребе в жизнь современных евреев. Не будет преувеличением сказать, что во второй половине XX века это нововведение изменило лицо иудаизма.

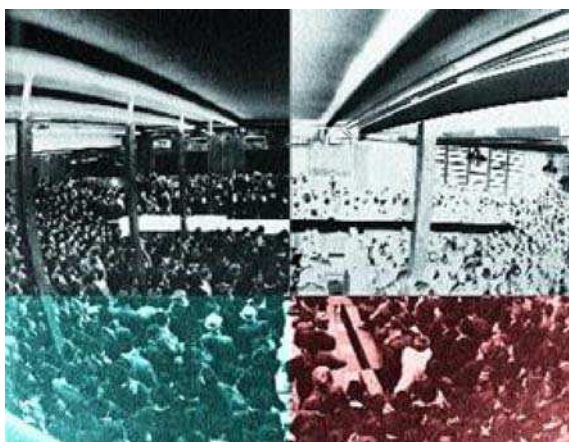
Этот замысел одновременно и прост, и глубок. Ребе хотел дотянуться до каждого еврея на земле, чтобы внушить ему высокое чувство долга перед иудаизмом и осознание необходимости принести искупление миру. Но дотянуться до каждого еврея – задача для одного человека технически невыполнимая. И вот он создал целую армию молодых мужчин и женщин и сказал им: «Я наделяю вас полномочиями действовать от моего имени. Когда вы уедете отсюда – в Нью-Джерси или на Аляску, в Бело-Оризонте или в Челябинск – это будет так, как будто я сам туда поехал и сам даю там уроки, обеспечиваю кошерность кухни или веду пасхальный сейдер».

Шлихус – юридическая концепция Торы, в соответствии с которой один человек может поручить другому выполнять что-либо вместо себя. Ребе взял эту идею Торы и сделал ее призванием и образом жизни десятков, а затем сотен и тысяч молодых семей.

Ребе не позволил своим шлухим такой роскоши, как бездумное подчинение его указаниям, наоборот, настоял, чтобы их программы и вся деятельность являлись результатом их собственных усилий и наклонностей, потребностей и условий окружения. Ребе – уникальный тип руководителя, который мог построить свою работу так, чтобы

каждый шалиах в полной мере сознавал, что его или ее действия являются расширением личности самого Ребе, и это давало им силы побеждать непреодолимые в других обстоятельствах трудности, встречавшиеся на пути.

Ребе ощущал со шлухим особое родство. Когда в 1988 году не стало ребецн, в первую очередь он велел «известить [наших] детей, шлухим». И прежде чем покинуть свой офис в тот мартовский день 1992 года, когда его свалил инсульт, он привел в порядок свой письменный стол, на котором обычно лежали стопки книг и бумаг, оставив на его чистой поверхности только трехтомный альбом с фотографиями своих шлухим.

17 января 1951 года Ребе принял на себя руководство движением Хабад-Любавич и произнес традиционный маамар (речь об учении хасидизма) на собрании, посвященном первой годовщине кончины его тестя. На этом собрании он сказал:

«Здесь, в Америке, людям нравится, когда делают “заявления”, желательно провокационные и шокирующие. Я не знаю, хорошо ли это, но, как говорили наши мудрецы, “когда придешь в город, поступай согласно его обычаям”.

Три любви – любовь к Б-гу, любовь к Торе и любовь к ближнему – едины. Невозможно отличить одну от другой, ибо сущность их одна. А если в сущности это одно и то же, то каждая из них совмещает в себя все три.

Вот наше “заявление”: если ты видишь человека, который любит Б-га, но у него нет любви к Торе и любви к ближнему, ты должен сказать ему о том, что и его любовь к Б-гу неполна. Если ты видишь человека, который любит только своего ближнего, ты должен приложить все силы, чтобы он полюбил Тору и Б-га, его любовь к ближнему не должна выражаться только в том, что он даст хлеба голодному и воды жаждущему – он должен стать ближе к Торе и Б-гу.

Когда эти три любви у нас станут как одна, мы, наконец, достигнем Искупления. Ибо поскольку это последнее изгнание вызвано отсутствием братской любви, окончательное и немедленное искупление будет достигнуто через любовь к ближнему».

На этом собрании Ребе заявил о том, что станет красной нитью его учения и деятельности. На нашем поколении лежит обязанность заставить плодоносить каждую цель творения. Эту обязанность учение хасидизма определяет как «создание жилища для Б-га в физическом мире». Наше поколение, сказал Ребе, должно возвестить миру Эпоху Мошиаха – эру добра и совершенства, которая является конечной целью тысячелетних

усилий человека, и привести к свету тот Б-жественный образ, по которому и был создан человек.

Из беседы Ребе с учеником летом 1962 года

«Пятого Ребе Хабада, рабби Шолома-Дова-Бера спросили однажды: “Кто такой хасид?” Ребе ответил: “Хасид – это фонарщик. Фонарщик ходит по улицам, несет огонь на конце длинной палки и зажигает фонари один за другим. Он знает, что не добавляет фонарю ничего такого, чего у того нет, – он только выявляет его способность давать свет”.

“А что, если фонарь в пустыне?” – спросил ученик.

“Тогда ты должен пойти и зажечь его. И когда ты зажжешь фонарь в пустыне, она больше не будет пустыней”.

“А что, если фонарь –
в море?”

“Тогда ты должен броситься в море, добраться до фонаря и зажечь его”.

“Но, Ребе, я не вижу
фонаря!”

“Потому что ты не фонарщик”.

“А как стать фонарщиком?”

“Очистись, и ты увидишь фонарь внутри ближнего”».

1953-Й. ХАСИДСКИЙ ФЕМИНИЗМ

В 1953 году Ребе основал Lubavitch Women’s Organization – Организацию любавичских женщин, открыв революционную главу в истории еврейских женщин вообще и хасидских в частности. Намеренно отходя от устоявшейся тенденции давать еврейское образование только мужчинам и мальчикам, Ребе в равной мере адресовал свое учение обоим полам, добиваясь, чтобы женщины наравне с мужчинами исполняли обязанность изучать Тору, овладевать ее эзотерической «душой» и таким образом познавать Б-га, воспитывать в себе любовь к Б-гу и благоговение перед Ним.

Когда на борьбу с ассимиляцией он отправлял молодые супружеские пары, то знал, что вести эту борьбу жена будет бок о бок с мужем, общаясь с евреями и знакомя их с наследием народа. Когда он посылал студентов ешив Хабада на улицы, чтобы надевать на еврейских мужчин тфилин, молодых женщин он посылал в супермаркеты, школы и больницы раздавать еврейским женщинам субботние свечи. При этом он настаивал, чтобы хасидские женщины соблюдали цниус (скромность) в одежде и поведении, что было отличительной чертой еврейской женщины во все времена.

«Феминизм» в общепринятом смысле этого слова для 1953 года идея не новая, хотя его главные достижения все еще вопрос будущего. Разные версии феминизма традиционно отвергали роль женщины, которая существует в пределах проблем внутри дома, и призывали к борьбе с господством мужчин в «общественной», социальной, экономической и политической областях. Подход Ребе уникален тем, что революционером в таком смысле он не был. Напротив, он был горячим защитником традиционной роли женщины как главной опоры дома, утверждая, что Создатель отвел мужчинам и женщинам разные роли согласно их специфическим наклонностям и качествам. Ребе говорил, что для женщины отвергать свою природную женственность, стремясь реализовать в мужской роли, означает лишать себя ценнейшего потенциала и места его реализации.

Ребе осуществлял свою «революцию», возвращая людей к традиции. Ссылаясь на учения Кабалы и хасидизма, он доказывал, что роль женщины важна, как и роль мужчины, иногда и важней. Он аргументированно доказывал: предписываемая Торой роль женщины включает и создает «внешние» причины для развития способностей женщины, которые полностью согласуются с традиционным идеалом: «Величие дочери царя – у нее внутри» (Теилим, 45:14).

Женщина, говорил Ребе, тоже должна стремиться преобразовать мир в «дом Б-жий». Но она должна делать это с характерной для нее женственностью: не как «покорительница», а как воспитательница, не «превращая тьму в свет», а проявляя Б-жественное сияние, скрытое в каждом Б-жем создании.

Из выступления Ребе осенью 1989 года

«От природы мужчина наделен большей агрессивностью, чем женщина. Назначение этого качества – обеспечить осуществление главной функции мужчины в жизни как “покорителя” материального мира с целью превращения его в дом Б-га.»

Из этого не следует, что женщина не участвует в преобразовании “внешнего” мира. В дополнение к ее основной роли носительницы духа благочестия внутри себя, в своем доме и в обществе ее влияние распространяется далеко за эти пределы. И когда она выходит за эти пределы, она делает это со свойственными ей женственностью, достоинством и благородством».

1960-Й. ТЕХНОЛОГИИ

Вечером в субботу 31 января 1960 года нью-йоркская радиостанция WIVD начала вещание новой еженедельной программы – в эфире зазвучал урок хасидской Тании (основополагающий мистико-философский труд хасидизма).

Готовила эту передачу группа учеников Ребе, а ее главным редактором был он сам. Он же был ее страстным слушателем и спонсором. Когда группа представила Ребе первый сценарий программы, он вернул его, снабдив замечаниями и комментариями, присовокупив 100 долларов в качестве платы за эфир.

Слыша критику со стороны тех, кто считал, что радио и телевидение – это зло и святые слова Торы «загрязняются» при передаче их через техническое устройство, Ребе отвечал, цитируя фундаментальный принцип еврейской веры: все было создано Б-гом для того, чтобы служить Его цели творения. Человек, обладающий свободой выбора, мог бы использовать творения Б-га во зло, но его прямое назначение – открывать Б-жественную мудрость и доброту.

Хасиды Ребе не нуждались в дополнительных стимулах. В течение последующих четырех десятилетий они часто находились на переднем крае средств телекоммуникации, прилагая все силы для «распространения родников Б-жественной мудрости по всему миру».

В 1970 году, в 20-ю годовщину руководства Ребе, хасиды Лондона, Израиля и Мельбурна связались по телефону с штаб-квартирой Всемирной организации Хабад-Любавич в Нью-Йорке, чтобы принять участие в фарбрингене, который впервые транслировался в живом эфире. К этой передаче по телефону подключались все новые и новые местные организации – крупные центры стали выполнять роль узлов, к которым подключались более мелкие, донося слова Ребе до десятков мест и тысяч слушателей. Современному человеку этот замысел может показаться довольно простым, но

технические средства, которые использовались для его осуществления в 1970 году, только что появились, была революционна и сама эта идея.

Дополнительные возможности дальнего вещания фарбрэнгена появились спустя 10 лет, когда стали доступны спутниковые и кабельные каналы телевидения, доносящие информацию до каждого дома и крупного центра движения Хабад.

В 1988 году, задолго до того как Интернет приобрел свою нынешнюю популярность, любавичский хасид, раввин Йосеф-Ицхок Казен занялся «распространением родников» через Фидонет, дискуссионную онлайн-сеть, несколько тысяч узлов которой раскинулись по всему миру. Ребе поддержал его начинание, и когда раби Казен в 1990 году спросил у него, заложить ли начало присутствия Хабада в Интернете, Ребе безоговорочно поддержал и эту идею.

Из выступлений Ребе зимой 1966 года

«Наши мудрецы говорили: “Все, что Б-г создал, создано во славу Его”. Это применимо и к научным открытиям последних лет: их назначение – добавить славы путем использования их для святых дел, для Торы, для заповедей...»

Использование радио для изучения Торы создает особые удобства. Если даже человек не очень настроен идти в школу и присутствовать на уроке или он включил радио просто для того, чтоб послушать что-нибудь, слова Торы дойдут до него.

Более того, даже там, где нет людей, которые слышали бы эти слова, и даже нет радиоприемника, слова эти все равно проникнут туда в процессе “распространения родников Б-жественной мудрости по всему миру”».

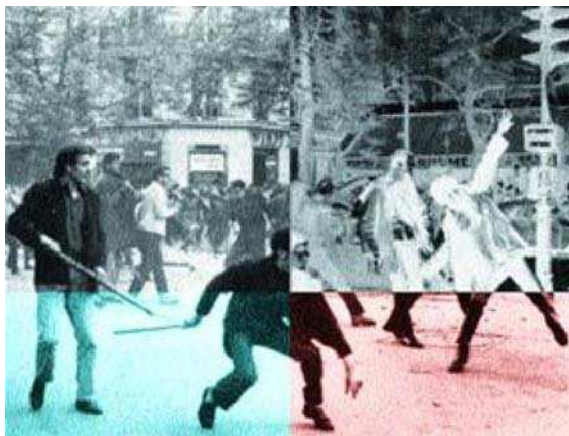
1963-Й. БУНТ

В начале 60-х возникло явление, которое позже стали называть «молодежной культурой». Все чаще представители молодого поколения выражали недоверие к старшим и отказывались от ценностей и образа жизни родителей и дедов. Были в шоке и родители, и воспитатели, и религиозные лидеры. Но Ребе не был шокирован, а во всей этой шумихе он разглядел духовную пустоту. Эти молодые мужчины и женщины, говорил он своим хасидам, ищут Б-га, хотя и не осознают сами, что ищут и где это найти. Они сделали первый важный шаг, отказавшись от лжи, от придуманной людьми идеологии, под влияние которой их родители подпали сорок-пятьдесят лет назад. Теперь им надо помочь

сделать второй шаг – прийти к изучению Торы и соблюдению заповедей, что станет ключом для раскрытия той Б-жественной сущности, которая еще жива в их душах.

Любавичские хасиды стали появляться в университетских городках по всей стране. Открывались центры молодежного досуга для студентов, организовывались уикэнды «Встреча с Хабадом» – молодых мужчин и женщин знакомили с богатством духовного мира Торы и хасидизма. После десятилетий, целых поколений ассимиляции молодые евреи совершали тшуву – возвращались к своим еврейским корням, к наследию своего народа.

Из выступления Ребе на празднике Пурим в 1963 году

«Нашему поколению были даны такие возможности, каких не было прежде. Речь идет о массовом пробуждении, которое называют “возвращением к истокам”. Однако это название подразумевает, что человек должен пройти долгий и трудный путь, прежде чем доберется до этого истока. Но на самом деле у каждого, праведника или грешника, есть душа – “часть Б-га Всевышнего”, и, чтобы добраться до истока, ему не надо никуда идти, ведь Б-г – в его собственных разуме и сердце. Надо только снять покровы, которые их скрывают. Но поскольку он не знает, как это сделать, то бродит вокруг, непрерывно возглашая о своем голоде и жажде. И в этой ситуации мы должны исполнить заповедь “Люби ближнего, как самого себя”, то есть пойти к этому голодному и жаждущему, чтобы объяснить ему, в чем причина его страданий: в отсутствии Б-жьего слова».

1967-Й. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА

Весной 1967 года, когда в арабских столицах проходили военные парады и открыто говорилось о намерении вторгнуться на Землю Израиля, чтобы потопить ее жителей в море, страну охватила паника. Средства массовой информации в один голос предрекали: маленькое еврейское государство будет окружено и уничтожено врагами, и шансов на спасение очень мало, почти нет. Только голос Ребе вселял уверенность и

надежду. «Страж Израиля никогда не спит и не дремлет», – сказал он, цитируя вечные слова Теилим. Б-г бдит над своим народом, где бы тот ни был, тем более в Святой Земле.

5 июня 1967-го Израиль нанес упреждающие удары у своих южных и северных границ, а шесть дней спустя мир был повергнут в изумление быстрой и полной победой. В течение одной недели на трех фронтах Израиль разгромил пять армий и освободил территорию Земли Обетованной.

Никто так, как Ребе не увидел широко распахнутое сердце народа. Это был библейский момент, самое время для космических свершений, и Ребе призвал еврейских лидеров поднять свои голоса: «Говорите о возврате к традиции, и вас будут слушать. Предложите им надеть тфилин, и они закатают рукава». Ребе хотел, чтобы победа в Шестидневной войне стала победой Еврейства.

«Глаза Б-га, Всесильного твоего, на ней от начала года и до конца года» (Дворим, 11:12). В этих святых словах Торы Ребе видел высшую гарантию физической безопасности Израиля. В равной мере его заботило духовное состояние Израиля, и он напоминал, что эта земля – Святая Земля как для нас, так и для всех народов мира. Поэтому мы, которым она доверена, обязаны охранять и умножать ее святость.

Ребе постоянно поддерживал связь с израильским правительством и военным руководством страны по вопросам обеспечения ее безопасности.

Когда бы ни поднимался вопрос «земля в обмен за мир», Ребе, как и во всех серьезных делах, искал указаний в Торе. Он выявил, что закон Торы содержит для Израиля условия мира и безопасности: они могут быть достигнуты только с позиций силы

и уверенности в себе. Он настаивал, что любое проявление слабости или неуверенности побудит противников Израиля к дальнейшей агрессии и терроризму.

Озабоченность Ребе делами Святой Земли и его внутренняя к ней привязанность как личная, так и через тысячи его последователей и сотни организаций в Израиле, стали легендой. Народ Израиля ответил радушием. Портреты седьмого Любавичского Ребе можно было увидеть даже на армейских блок-постах и у фалафельных от Эйлата до Метулы, и обратиться к нему за благословением и советом мог кто угодно – от «человека с улицы» до премьер-министра и армейского генерала.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ РЕБЕ В 1967 ГОДУ

«[Государство Израиль] – это великое чудо, посредством которого Б-г позволил еврейскому народу жить независимо на Святой Земле, земле наших праотцев, земле, которую завещал еврейской нации Создатель неба и земли.

Эта истина налагает особую ответственность на граждан Израиля и его правительство и дает им право сохранять еврейское единство страны. Ее образовательная система должна основываться на еврейских ценностях и традиции и вдохновляться ими, с тем чтобы ее граждане выросли гордыми стражами еврейского наследия».

1972-Й. ОТСТАВКА? ПЕНСИЯ?

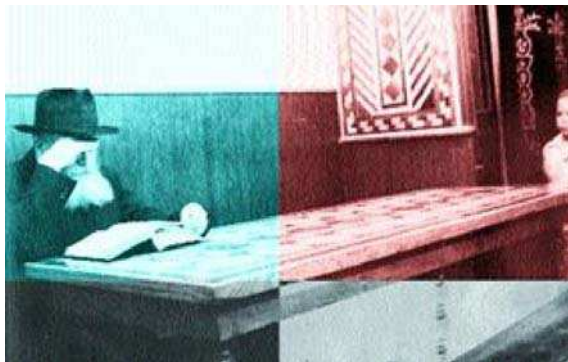
В день своего 70-летия Ребе получил тысячи писем с добрыми пожеланиями со всех концов света. Были среди них и такие, в которых спрашивали, не пора ли «сбавить обороты» и «успокоиться» после стольких десятилетий плодотворной работы. Ребе в ответ заявил: во-первых, он собирается начать кампанию, чтобы в течение предстоящего года открыть еще 71 новую организацию Хабада. Затем он резко высказался против самой идеи отхода от дел.

В течение следующих десяти лет он говорил о несправедливости, непрактичности и явном безумии попыток вывести пожилых людей с орбиты продуктивной жизни. После десятилетий успехов их знания и таланты вдруг представляются бесполезными; после десятилетий участия в общественной жизни они вдруг становятся не заслуживающими уважения нахлебниками, которые должны быть благодарны всякий раз, когда молодое поколение оторвется от работы и развлечений, чтобы в день рождения отца забежать на полчаса поболтать и преподнести обязательный галстук!..

На первый взгляд, такое современное отношение может показаться отчасти оправданным. Разве неверно, что он или она с годами становится слабей? Но в этом, говорит Ребе, как раз все дело. Как надлежит измерять ценность человека? Если его физическая сила убывает, а жизненный опыт, пронизательность, мудрость возрастают, то это улучшение или ухудшение?

«Конечно, – говорит Ребе с улыбкой, – двадцатилетний может танцевать ночь напролет, а его бабушка устанет через несколько минут. Но в конце концов человек создан не для того, чтобы танцевать часами. Человек создан, чтобы сделать жизнь на земле чище, ярче и святее, чем она была до его появления на сцене». Это нечто такое, в чем пожилой может добиться не меньших, а иногда и больших успехов, чем молодой.

Но Ребе никогда не критиковал, не предлагал взамен конкретный способ исправления. В 1980 году он основал всемирную сеть учебных центров для пенсионеров. Изучение Торы даст им новый интерес к жизни, говорил Ребе. Это раскроет им глаза на собственное достоинство и собственный потенциал, превратит их из «бывших» в светочи их семей и общин. Выход в отставку, на пенсию, если его правильно использовать, может послужить мощным средством окончательного искоренения самой этой идеи из разума и жизни человека.

А как Ребе отметил свое 80-летие? На фарбрэнгене, состоявшемся по этому случаю в 1982 году, он вновь призвал к «массированному наращиванию» деятельности Хабада. Под конец своего шестичасового выступления, которое началось в 21.30 и по времени равнялось полному рабочему дню, Ребе лично вручил каждому из присутствовавших – а было 10 000 мужчин, женщин и детей – подарок: специальное издание «Тании». Последний из присутствовавших получил свой подарок в 6.15 утра.

Из выступления Ребе в день 70-летия

«Меня спросили: “Теперь, когда вам исполнилось 70, что вы собираетесь делать? Похоже, самое время немного отдохнуть”. Я ответил на это, что мы должны начать добиваться еще больших результатов.

По случаю моего 70-летия в этом году мы должны создать по крайней мере семьдесят новых организаций! Я буду партнером каждого, кто возьмется за осуществление этих проектов. Мы будем покрывать не менее десяти процентов расходов на финансирование этих 71 организаций. И не расстраивайтесь, если в течение этого года нам удастся открыть их не 70, а 80 или, может быть, даже 100 – наоборот! – я благословлю всех, кто примет в этом участие, и в пределах оговоренных десяти процентов не будет никаких проблем...»

1974-Й. ТАНК ЗАПОВЕДИ

В 1974 году на улицах Манхэттена люди с удивлением стали встречать странную повозку, которая привлекала всеобщее внимание даже среди шума и гама толпы. То был странный фургончик вроде варьете. Его задняя дверь вращалась, открывая взору большой деревянный стол, две скамьи и молодых бородатых мужчин в черных шляпах. Из громкоговорителя, укрепленного на крыше, перекрывая грохот Манхэттена, звучал четвертый выпуск попури из хасидских песен. Большие плакаты на стенках движущегося фургончика провозглашали: «Танк Заповеди», «Тфилин в дороге», «Заповедь на месте для идущих людей»... Ребе разослал свои «танки» на поле битвы за душу американского еврея. Значительная часть американских евреев перестала накладывать тфилин и молиться, и Ребе «понес тфилин в массы».

Он посылал своих студентов, чтобы они останавливали на городских улицах первого же встречного еврея. «Простите меня, сэр, – должен был сказать посланник, – вы еврей?» Получив утвердительный ответ, он должен был продолжить: «Вы хотели бы надеть сегодня тфилин? Это заповедь». И еврей приглашался в фургончик, где ему помогали надеть на руку и голову тфилин и произнести краткую молитву.

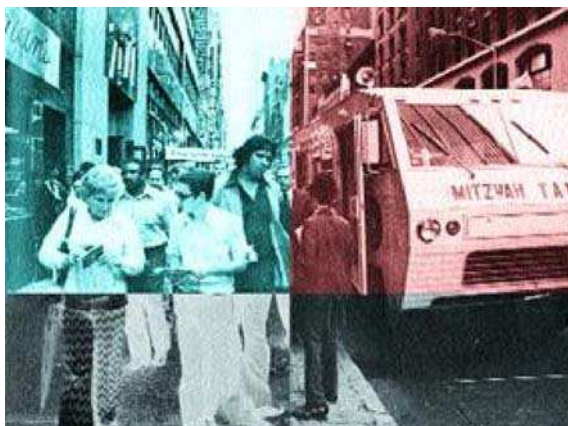
Если встречалась женщина, она получала в подарок набор из подсвечника, свечей и брошюры с подробной информацией о зажигании субботних свечей на иврите и английском, где объяснялась важность соблюдения Субботы в еврейском доме. Потом эти люди получали литературу, из которой узнавали о хасидизме, о «мицва-кампаниях». Им содействовали в делах от приобретения мезузы до подбора для их детей одной из еврейских школ.

Со временем вагончики были вытеснены разборными домиками, экипированными книжными полками и комфортабельными сиденьями для непродолжительных дискуссий или импровизированных занятий. Концепция при этом оставалась прежней: выходить в мир навстречу евреям и помогать им выполнять заповеди.

Слово «мицва» означает «заповедь». Тора содержит 613 мицвойс – священных заповедей для еврея. В этом слове заключено и значение связи: действие, которое человек исполняет перед Б-гом, заповедовавшим ему это действие, связывает их – человека и Б-га.

До «Кампании заповеди», проведенной Ребе, понятие «мицва» носило характер частного действия, совершаемого религиозным евреем дома или в синагоге, поэтому акция Ребе вызывала немало удивления. Что за идея исполнять заповеди по пути на ужин в некошерном ресторане?.. Заповеди рассматривались как детали, из которых складывался стиль еврейской жизни, бессмысленные при невыполнении всего остального.

Ребе же видел это по-другому – как связь между человеком и Б-гом, как мост между Создателем и его творением. Заповедь – действие космического значения, безграничного проникновения в себя. Цитируя Маймонида, Ребе неустанно повторял: один человек, выполняющий одну мицву, может это делать, задействовав все свои силы, и приносить таким образом спасение целому миру.

Из обращения Ребе в 1974 году

«Танк попадал в колдобины и выбоины, но просто пересекал их, чтобы переехать на другую сторону. Сила танка просто сломила железный барьер. Такова задача нашего “танка”: если есть духовные колдобины и выбоины или даже барьер, – вещи, которые не ассоциируются в сознании со святостью, в любом случае надо идти и выполнять свою миссию – изгонять дьявола и приносить добро и Б-жественность в мир».

1978-Й. БОЛЕЗНЬ

Ночью веселого праздника Шмини Ацерес в 1977 году, 4 октября, когда Ребе праздновал вместе с тысячами хасидов в своей синагоге, его пронзила сильная сердечная боль. После этого приступа он долгое время не выходил из своего офиса, и только пять недель спустя, в первый день месяца Кислев, наконец возвратился домой. Эта дата была справедливо названа хасидами «Днем празднования и благодарения».

Доктора пугали Ребе: если он продолжит столь активный образ жизни, то на 60 процентов вероятно, что приступ повторится... Но Ребе и в этом прогнозе видел лишь положительную сторону: доктора гарантировали 40 процентов, что его здоровье будет в порядке.

Двумя годами раньше, летом

1976-го, группа израильских инвалидов – ветеранов войны, прибывшая в Америку по программе, которую спонсировало израильское Министерство обороны, посетила Ребе. 10 больших фургонов транспортировали их инвалидные коляски от нью-йоркской гостиницы до синагоги Ребе на Восточном бульваре Бруклина.

В течение нескольких минут Ребе шел среди них, направо и налево пожимая протянутые руки, даря улыбки, беседуя. Он обратился к ним на иврите, извиняясь при этом за свой акцент.

«Если человек потерял частично свою дееспособность или какой-то орган тела, само это указывает, что Б-г дал ему специальные силы и полномочия, чтобы преодолеть различные ограничения и превзойти достижения обычных людей. Вы не инвалиды, но особенные и уникальные люди, поскольку обладаете потенциалами, отсутствующими у остальных людей. Поэтому я предлагаю, чтобы впредь вы не называли себя “инвалидами”, но назывались “особенными людьми”, – этот термин более точно определяет то, что вас отличает».

В 1976-м подобный подход еще не был широко распространен, и официальные термины, определявшие состояние таких людей, в частности среди врачей, носили по своей сути скорее негативный характер. Но Ребе задействовал древнее хасидское утверждение: «Думайте о хорошем и будет хорошо».

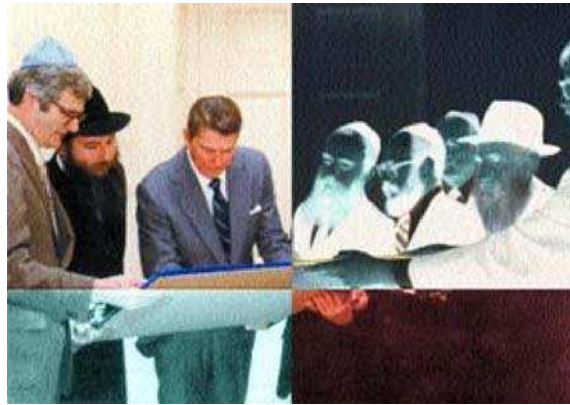
Действительно, лицо Ребе, обращенное к людям, потерявшим здоровье, защищая свой народ,лучилось теплом, весельем и оптимизмом. Многие из них позже говорили, что с момента получения тяжелой травмы или увечья это был первый раз, когда другой человек их встретил такой естественной реакцией и взгляд его не был взглядом жалости, вины или отвращения. Но когда Ребе вернулся в свою комнату, его личный секретарь видел, насколько он был подавлен. Прошла целая неделя, по словам секретаря, пока Ребе оправился от потрясения.

1983-Й. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

В 1983 году Ребе начал распространять свою деятельность за пределы еврейской общины. Он дал своим хасидам указ вводить универсальное руководство Торы во всеобщую жизнь. В беседах того периода он объяснял, что в дополнение к функциям закона Торы как основы еврейской жизни есть еще и универсальная сторона Торы – так называемые «семь заповедей сынов Ноя», семь принципов, адресованных всем обитателям планеты.

Как Б-г «дал свет народам», так евреи должны сейчас считать своей миссией принести всем людям мира веру в Б-га. В течение многих веков, однако, обстоятельства, связанные с нашим изгнанием, не позволяли выполнять эту миссию. Но сейчас, сказал Ребе, подходящий период для того, чтоб оживить этот долго бездействующий аспект нашей жизни.

Из письма Ребе президенту США Рональду Рейгану от 17 мая 1987 года

«Позвольте мне поблагодарить вас еще раз, господин президент, за ваше доброе поздравление по случаю моего недавнего дня рождения.

На меня большое впечатление произвела ваша декларация “День образования США” в связи с совместной резолюцией палат Конгресса Соединенных Штатов, и я искренне оцениваю подписание вами “Международного свитка Чести”. Упоминание об “исторической традиции этических ценностей и принципов, бывших основой для общества с самого начала существования цивилизации, когда они были переданы Моисею

Б-гом на горе Синай”, есть жизненное воззвание ко всему человечеству».

1986-Й. ВОСКРЕСНЫЕ ДОЛЛАРЫ

На протяжении всех 25 лет деятельности три раза в неделю Ребе принимал своих приверженцев, мужчин и женщин, на «ехидусе» – частной аудиенции. Эти аудиенции, проводившиеся по воскресеньям, вторникам и четвергам, начинались вскоре после сумерек и продолжались всю ночь. Иногда последние из нескольких сотен визитеров оставались даже после обеденного перерыва. Некоторым из них для общения с Ребе выделялось всего несколько минут, но все уходило с полным ощущением, что все время, проведенное с ним, пусть даже короткое, Ребе принадлежал только им, сосредоточившись на их индивидуальных проблемах.

Число искавших совета и благословения Ребе продолжало расти, так что вскоре даже людям с экстренными случаями, чтобы попасть на ехидус, приходилось ждать по несколько месяцев. В конце концов это число выросло настолько, что больше не было возможности принять всех. Индивидуальные контакты с Ребе приняли теперь форму переписки: ежедневно в его офис на Восточный бульвар, 770 в Бруклине прибывали целые мешки с почтой, и каждое письмо им было лично вскрыто и прочитано.

В 1986 году Ребе начал проводить еженедельную «гостевую линию». Каждое воскресенье в помещении возле своего офиса он размещал около тысячи мужчин, женщин и детей, желавших увидеть его и получить благословение. Многие использовали эту возможность, чтобы задать волнующий вопрос, получить совет. Каждому из них Ребе давал «долларовый билль» – один доллар для передачи нуждающимся и благословение, отныне определявшие статус получающих их как персональных агентов Ребе, его посланников (шалиахов).

Ребе объяснял этот обычай, цитируя своего тестя и наставника шестого Любавичского Ребе Йосефа-Иццока, который часто говорил: «Когда два человека встречаются, третьему от этого должна быть польза». Ребе желал возвысить каждого из тысяч людей, приходящих к нему, и вовлечь их в нечто большее, нежели встреча двух людей. Он хотел, чтобы каждый получал импульс действовать ради заповеди, особенно заповеди, затрагивающей и другого.

Для приходящих на встречу с ним самый поразительный феномен был в том, что Ребе оставался в рабочей форме в течение восьми часов без перерыва, и каждый чувствовал, что Ребе находится здесь только для него одного. Это было чувство, будто он или она – единственный посетитель за день.

Как-то одна пожилая женщина не выдержала и спросила: «Ребе, как вы это делаете? Как вы не устаете?» Он улыбнулся и ответил: «Каждая душа – это бриллиант. Как можно устать, пересчитывая бриллианты?»

1988-Й. СМЕРТЬ РЕБЕЦН

В среду 10 февраля 1988 года (22 Швата 5748 года) после скоротечной болезни скончалась жена Ребе Хая-Мушка Шнеерсон. Не дожив год до 60-летнего юбилея супружеской жизни с Ребе. Накануне ночью она почувствовала недомогание. Когда ее доставили в больницу, она попросила стакан воды и прежде чем выпить ее, по традиции произнесла благословение: «Благословен Ты, Г-сподь... по чьему слову возникло все» – и с этими словами отдала душу своему Создателю.

Мудрая, эрудированная женщина, при всем своем высоком положении ребецн Хая-Мушка была непретенциозна и скромна. До самой кончины о ней мало что было известно кроме того, что она была верной спутницей и сподвижницей своего великого мужа. Но когда она покинула этот мир, знавшие ее сочли своим долгом рассказать о ней, конечно, не нарушая воли покойной, не желавшей афишировать свою частную жизнь и тщательно скрывавшей ее от посторонних взглядов.

На кладбище ее сопровождали около 15 000 человек. Похоронили ее рядом с отцом, шестым Любавичским Ребе Йосефом-Иццоком Шнеерсоном. В память о жене Ребе основал фонд, который продолжает свою деятельность и поныне, выполняя задачи, связанные с социальными и образовательными нуждами женщин.

После кончины жены Ребе глубоко обсуждал тему смерти: как смерть человека может послужить направлением к позитивному действию, какие уроки можно извлечь из жизни и деяний покойного, чтобы увековечить его или ее память, как сказано: «И живущий возьмет в свое сердце».

Детство, женитьба, работа, религия, болезнь – все это в учении Ребе приобрело новое значение. То же касается концепций смерти и траура.

Ребе отметил: Тора определяет конкретные периоды для траура по ушедшему его близких родственников. Для первого дня обязателен один набор траурных церемоний, другие законы относятся к первым трем, семи дням, месяцу и году. Но по сути не является ли траур в большей степени чувством, нежели действием? Как в таком случае, спрашивали у Ребе, человек может быть «проинструментирован» в трауре? Или он может уменьшить интенсивность своей скорби?

Смерть, как объясняет Ребе, феномен, столь разрушающий наше самоощущение, что мы не можем поставить ее на один уровень с другими явлениями бытия. Только наша сверхмиссия по отношению к сверхрациональному Б-жьему закону может дать нам силы для того, чтобы сохранить свою скорбь, не подавляя ею всю остальную нашу жизнь.

Согласно вышеуказанной концепции Ребе видит в смерти не конец жизни, но начало ее новой, более высокой стадии. Для души жизнь продолжается. Освобождаясь от физических ограничений, она может выразить свою духовность и чистоту, не отягощенную телом.

Так же, если мы понимаем жизнь не как простое существование, но как поступательный прогресс с его последовательными достижениями, человек может жить, осознавая, что душа и тело разделены, и при этом совершать конструктивные и Б-жественные дела. В этом случае смерть сама по себе становится формой жизни.

В конечном итоге основой еврейской веры является вера в то, что с приходом Мошиаха те, кто умрут, перейдут в вечную жизнь. Эта смерть – лишь временный этап перед обновлением и наступлением новой фазы жизни, это приготовление к великому завтра.

Из письма Ребе

«Когда близкий уходит в мир иной, повинуюсь Б-жьему желанию, те, кто остаются, не могут созерцать его глазами или слышать. Тем не менее, душа в мире Истины видит и слышит, и когда она видит, что ее близкие печалятся больше, чем стоит, о ее физическом отсутствии, душа страдает. И наоборот, если она видит, что после периода траура, предписанного Торой, жизнь родных возвращается в свое обычное русло, и она полна позитивных деяний, душа может отдыхать в умиротворении».

1989-й: КОНЕЦ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Во время первой мировой войны огромная Российская империя попала под власть коммунистического правительства, а через поколение половина Европы была захвачена, порабощена и отрезана «железным занавесом».

Следующие полвека люди жили в мире, управляемом двумя сверхсилами, – коммунистическим СССР с одной стороны и США – с другой, и являлись заложниками их конфликта. Мировая война была отсрочена только одним: каждая сторона была способна

наносить удары оружием массового поражения, нацеленным 24 часа в сутки на важнейшие населенные пункты.

Когда в Советском Союзе в 1985 году к власти пришел Михаил Горбачев, общим мнением было, что пора положить конец холодной войне как «миру», который поддерживается только взаимными нападками и террором, который, возможно, в ближайшем же будущем будет иметь место. Новый генеральный секретарь долгое время был партийным функционером, и его выдвинула та государственная структура, которую теперь ему предстояло разоружать. Поистине надо было быть пророком, чтобы предвидеть те изменения, которые произойдут во время его правления.

В ноябре 1987 года, когда Горбачев провозгласил: «Сталин с его культом личности» ответствен за «повсеместные репрессивные меры и акты противозаконности», – в мире стала появляться надежда, что в Советский Союз, возможно, придет обновление. Повсеместные реформы имели значение не только для СССР, но и для Польши, ГДР, Румынии, Чехословакии, Болгарии и Венгрии.

Эти события имели огромное значение и для евреев. Евреи, которым в течение 70 лет было отказано даже в том, чтобы хотя бы мельком видеть свиток Торы, могли теперь обратиться к своему культурному наследию, не боясь потерять работу и услышать среди ночи характерный стук в дверь. Волны еврейской эмиграции, прорвавшиеся впервые за десятилетия, нетерпеливо устремились к Святой Земле. Старый режим все еще был у власти, и граждане России и Восточной Европы, которые и в прошлом ожидали наступления «новой эры», к переменам отнеслись осторожно. Но жизнь, в частности и религиозная, становилась более терпимой.

В сентябре 1988 года Ребе провозгласил наступление 5750 года еврейского календаря как «года чудес», предсказывая тем самым чудесные события. И в самом деле, по прошествии всего лишь нескольких недель Европа претерпела решительные и внезапные перемены. Один за другим рухнули коммунистические режимы Восточной Европы, свергнутые не оружием и бомбами, а мирными демонстрациями на городских площадях, которые доказали стремление людей к свободе.

И все это предвидел один человек. В 1985 году Ребе сообщил своим хасидам в России – тем, кто входил в его подпольную сеть религиозных институтов, что худшее позади. В начале 1987 года он посоветовал хасидам, находящимся на Святой Земле, начать строительство городских поселений и создавать благоприятные условия для потока российских евреев, которые уже скоро должны прибыть.

Профессор Герман Брановер, известный советский ученый, еврейский теолог, общественный деятель и эмигрант, принимал участие в разговоре с президентом Горбачевым, когда тот приехал с визитом в Израиль. Когда Герман Брановер сказал Горбачеву о совете Ребе готовить дома для советских евреев, президент Советского Союза казался удивленным. Я сам, – сказал он, – еще не пришел тогда к решению, что пора начинать эти изменения.

Наибольшим чудом, одним из тех, на что Ребе постоянно обращал внимание, была мирная природа этих радикальных изменений. «Мы не должны, – сказал он однажды, – оглядываться назад, на время второй мировой войны, чтобы увидеть разорение, которое могут принести политические изменения. Напротив, сегодня происходят более всеобъемлющие изменения, и тем не менее они идут мирным путем».

Ребе рассматривал эти события как предвестие эры Мошиаха, когда «не будет войн, зависти и соперничества... и весь мир посвятит себя только познанию Б-га».

Èç ðá: è Ðáá á í ñýáðá 1989 ã ää

«Что более всего поражает в происходящем сегодня в мире, так это то, что все происходит мирным путем – такого никогда не случалось за всю предыдущую историю человечества. В предыдущих поколениях всякий раз революция происходила через разрушения и кровопролитие... В противоположность этому, изменения, которые мы наблюдаем сегодня, при том, что они радикальней каких-либо прежних, происходивших на нашей памяти, идут мирным путем».

1991-Й: РАКЕТЫ И ЧУДЕСА

В августе 1990 года Саддам Хусейн угрожал «сжечь» Святую Землю химическим оружием и перебросил войска из Ирака в Кувейт. Когда мир захватила волна страха и тревоги, Ребе распространил послание доверия и веры.

Он привел написанный столетия назад стих из Мидрашей, который с ужасающей точностью предсказывает разворачивание этих событий. «В год, когда придет Мошиах, – говорит Мидраш, – все цари всех стран кинут вызов друг другу... Царь Персии кинет вызов царю Аравии, а царь Аравии пойдет в Арам, чтобы искать у него совета... И все народы будут ввергнуты в пучину несчастий и ужаса. Также и Израиль будет ввергнут в пучину несчастий и ужаса, и возопит: “Куда нам идти? Что нам делать?” И Б-г скажет им: “Не бойтесь, дети мои! Все, что я делаю, я делаю ради вас. Почему вы боитесь? Не бойтесь, пришло время вашего спасения...”».

На вопрос, следует ли уезжать из Израиля в более безопасные страны, Ребе отвечал ясно и определенно: страна Израиль – самое безопасное место в мире. Когда его спрашивали о противогАЗах, которые производили в Израиле, предвидя опасность газовых атак, по мнению Ребе в них не было никакой необходимости. Он также утверждал, что война закончится к Пуриму.

Провал попыток SCUD-ракетами разрушить мирную израильскую жизнь был поистине чудом. В то время как ракеты – каждая снабженная 600 фунтов взрывчатых веществ – сыпались на Тель-Авив, перепуганные граждане, теснясь в убежищах и опечатанных комнатах, прислушивались в неверии к радионовостям. В здания, где было много людей, попадали снаряды, но не пострадал ни один человек. «Б-г бросал вниз матрасы, чтобы смягчить наше падение, сворачивал стены на нашем пути», – сказал один из бывших в такой ситуации. В день Пурима, традиционно предназначенного у евреев для веселья, было официально объявлено: война закончена.

«Этим чудесам не было уделено должного внимания, – сказал Ребе в своем публичном выступлении спустя несколько недель. – Хотя общественные средства массовой информации по всему миру сообщили об этих чудесных событиях, но тенденция давать рациональные объяснения происходящему все еще сохраняется. Мы должны оповестить мир о том, что эти чудеса были сотворены Б-гом!»

Ребе также заявил, что события в Персидском заливе – часть чудес, предшествующих наступлению эры Мошиаха, времени, когда Б-жественная суть творения откроется миру, и чудеса будут совершаться повсюду.

Традиционно хасидские учителя были известны как люди, умеющие творить чудеса. Так был известен и основатель хасидизма рабби Исроэл Баал-Шем-Тов. С основанием в хасидизме Хабада наибольший акцент был сделан на учения лидеров движения; тем не менее, были в изобилии представлены и истории о чудесных деяниях.

Многие люди приходили к Ребе за советом. Многие обращались к нему с просьбой за них помолиться. И многие сообщали о чудесных результатах его заступничества.

Однажды на встречу с Ребе пришла группа старшеклассников. «Я слышал, говорят, – сказал один из них, – что Ребе способен творить чудеса. Это правда? Вы на самом деле можете совершать сверхъестественные поступки?» Ребе ответил: «Способность творить чудеса не присуща какой-то избранной группе людей, но может быть достигнута каждым из нас. У каждого есть душа, которая не что иное, как отблеск Б-жественной сущности. Поэтому человек имеет силу переступить границы, навязанные нам нашей физической природой, насколько бы трудным это ни могло показаться». «Чтобы продемонстрировать это вам, – сказал Ребе, – я сотворю чудо». Улыбаясь молодым, испуганным лицам, окружившим его стол, Ребе продолжал: «Каждый человек в этой комнате может решить улучшить себя в какой-то области. Каждый из вас выберет ту область совершенствования, которую считает необходимой, но до настоящего момента считал непосильной. Тем не менее вы достигнете цели, доказав себе, что ваша душа действительно обладает силой преодолеть природную “реальность”».

Из речи Ребе, произнесенной весной 1991 года, вскоре после завершения войны в Персидском заливе

«Б-г творил для нас чудеса не только в отдаленном прошлом. События древности, такие как Исход из Египта или чудеса Пурима, происходившие в Шушане, не только примеры не имеющих аналогов взаимоотношений с Б-гом. Как мы видели, чудеса совершаются и сегодня. И в самом деле, чудеса этого Пурима далеко превосходят те, что записаны в Мегиле (Свиток Эстер)».

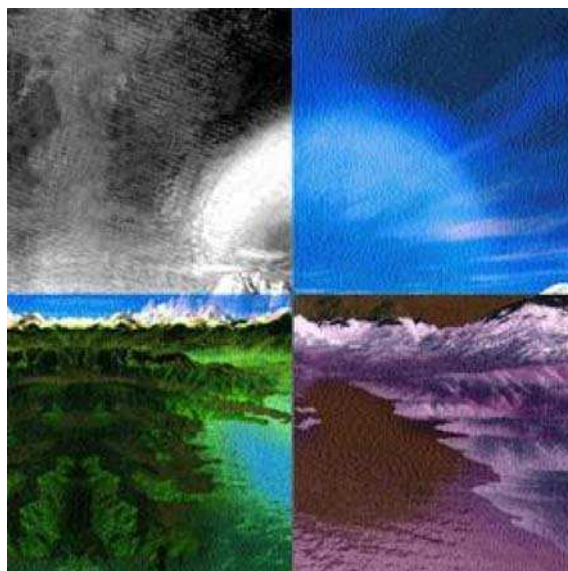
3 ТАМУЗА 5754-ГО (1994). ТРАНСМИССИЯ

«Как может быть, чтобы спасение еще не было достигнуто? И несмотря на все, что стало нам известно, и все, что было сделано, Мошиах все еще не пришел?»

Что еще могу я сделать? Я сделал все, чтобы привести мир к истинным требованиям и запросам для его Спасения... Единственная вещь, которую мне осталось сделать, это передать это дело вам. Делайте все, что в ваших силах, чтобы исполнить следующее – принести самый возвышенный потусторонний свет, который следует в наш мир, прагматичным орудием...

Я сделал все, что мог. Я передаю это вам. Делайте все, что вы можете, чтобы привести в мир праведного Спасителя, и немедленно!

Я сделал свою часть работы. С этого момента все в ваших руках».

Этими словами Ребе окончил свою речь в один из четвергов в апреле 1991 года. Произносимая с мукой в голосе, с нехарактерными для него выражениями, эта речь глубоко поразила хасидов, пришедших в его синагогу, а от них болевым резонансом пронеслась по всемирной общине Хабад-Любавич.

Но никакого снижения активности в делах Ребе за этой речью не последовало. Напротив, несмотря на то что возраст приближался к 90-летнему рубежу, Ребе активизировал свою деятельность. Каждую Субботу организовывалось собрание, а иногда еще

несколько на неделе. Каждое воскресенье Ребе часами стоял, встречая посетителей благословением и советом, оделяя долларом на благотворительность. Его кампания по распространению в мире вести о том, что близится век Мошиаха, продолжалась все активнее.

Но тревожные ожидания витали в воздухе. Что тогда подразумевал Ребе? А то, что тот факел, который передавался от одного лидера общины к другому, от пророка к мудрецу со времен Авраама, этот факел должен теперь перейти от Ребе к каждому из нас.

25 адара 5752 года (29 февраля 1992 года) была такая же Суббота, как и многие другие, которые хасиды проводили в Кроун Хайтс, в Бруклине (Нью-Йорк). Поскольку это был Шабос Меворхим (Суббота, предшествующая наступлению нового месяца по еврейскому календарю), они пришли в синагогу к Ребе утром, в 8.30, чтобы читать Теилим, как это принято у любавичских хасидов. Проходила обычная субботняя служба. Как и следует, в определенный момент некоторые бросились домой, чтобы до второй субботней трапезы слегка перекусить. Через час они вернулись, присоединившись к тем, кто оставался в синагоге. В 13.30 Ребе должен был начать субботний фарбренген – несколько тысяч хасидов заполнили огромный зал на Восточном бульваре.

Вскоре Ребе пришел и в течение трех часов говорил, разъясняя различные сюжеты Торы. В коротких перерывах между его речами хасиды пели и поднимали маленькие пластиковые стаканчики с вином, говоря «лехаим» своему Ребе.

В этот день Ребе, в частности, говорил о стихах, которые надлежало читать в ту Субботу (Шмойс, 35-38), и других, которые предстоит читать на следующей неделе (там же, 38-40). Но почему, спрашивал Ребе, глава этой недели Ваякгел, говорящая об

«общине», предшествует Пкудей, которая выражает идею «личности»? Не значит ли это, что до того, как пытаться создать из личностей общину, мы должны развивать и совершенствовать личность?

По этому поводу, сказал Ребе, Тора имеет одно мнение: создавай общины даже до того, как появятся идеальные личности. Люди – не кусочки от «Лего» и не детали машины, которые должны быть сначала доведены до совершенства по отдельности и только потом собраны в целое. Люди – это души с уже заложенной в них способностью к самосовершенствованию. И ничто не может лучше способствовать развитию этой способности так, как способствует этому контакт и объединение с другими душами. Несовершенные личности, объединенные друг с другом в любви и братстве, создают совершенную общину.

Фарбрэнген подошел к концу. Многие хасиды шли домой на субботнюю трапезу. Они торопились, потому что это был короткий зимний день и он уже близился к концу. Как только Суббота завершилась, группа ученых – (так называемых хозрим, или «записывающих») собралась, чтобы законспектировать слова Ребе. В течение 24 часов его слова тщательно записывались, переводились на полдюжины языков и передавались в сотни центров Хабад-Любавич по всему миру. Теперь хасиды имели материал для обучения, который будет распространяться и использоваться до следующего субботнего фарбрэнгена, если Ребе не произнесет речь в другой день (а это он делал часто).

Но в понедельник вечером 27 Адара-алеф 5752 года (2 марта 1992-го) Ребе перенес инсульт, после чего оказалась парализованной все правая часть его тела, и, что казалось еще более ужасным, он лишился возможности говорить. Ни в эту, ни в последующие Субботы фарбрэнген больше не проводился.

Два года и три месяца спустя в ранние утренние часы 3 Тамуза 5754 года (12 июня 1994-го) душа Ребе вознеслась, осиротив поколение.

Последователи его все еще ждут очередного фарбрэнгена. Тем временем они создают общины.

1994-й: ОТКРЫТИЕ «РЕШИМОЙС»

Среди писем Ребе и его комментариев на хасидские тексты случайно оказались его решимойс – «записные книжки», «дневник». Три таких записных книжки вышли в свет приблизительно месяц спустя после смерти Ребе, когда они были обнаружены в ящике его стола.

В целом эти записи были сделаны в период между 1928 годом, годом свадьбы Ребе, и 1950-м, годом смерти его тестя, которому он наследовал, став лидером движения Хабад-Любавич. На протяжении этих лет, когда в 1933 году он эвакуировался из Берлина, затем, в 1941-м, бежал из оккупированного фашистами Парижа и как эмигрант блуждал по Франции и фашистской Испании, Ребе всегда носил с собой эти записные книжки,веряя им результаты работы его феноменального ума. В течение пяти лет после обнаружения дневника выдержки из него готовились к публикации группой ученых.

Помимо огромной научной и исторической ценности этих записок как таковых, они также дают уникальную возможность проникнуть в суть учения Ребе. Здесь можно найти зерна многих концепций, которые Ребе впоследствии развивал на протяжении десятилетий, и которые были изложены на 300 000 страниц записанных бесед, статей и писем, выходявших из-под его пера или произнесенных с 1950-го по 1994-й год.

Последние слова Ребе Шолома-Дова-Бера из Любавичей (1860 – 1920)

«Я иду на Небеса. Оставляю вам рукописи».

Из речи Ребе в ноябре 1985 года

«Наши мудрецы говорили, что “праведник подражает своему Создателю”. На горе Синай Б-г явил себя человеку, затем Он поднялся обратно в “рай”, уничтожив явное Свое присутствие в физическом мире. Но Его мир напоминает: изучением Его Торы мы соединяемся с сущностью Б-га. Таким же образом, поскольку праведник подражает своему Создателю, праведный человек остается в физическом мире весь, со всеми своими произведениями, даже после окончания своего реального существования на земле».

1995-й. ОБЩИНА

«Наш отец Яков не умер. Пока живо его семя, жив и он».

Талмуд, Таанис, 5а

**ДЕНЬ ПОДПИСАНИЯ ЖУРНАЛА “ЛЕХАИМ” В ПЕЧАТЬ, 4 МАРТА 2002 ГОДА,
ПОНЕДЕЛЬНИК**

Цель

Одной задачей пронизано все. Одна цель всех 92 лет жизни и деятельности: создать мир, лишенный ненависти и жадности, мир, свободный от страдания и столкновений, мир, наполненный мудростью и добротой его Создателя. Не меньше.

Идея всеобщего спасения, провозглашенная всемирным лидером, которого многие называли Мошиахом (помазанником), – центральное положение еврейской веры. Еврей верит, что мир, который создал Б-г, обладает способностью отражать безграничную доброту и совершенство своего Создателя. И еврей верит, что достижение этой цели есть главная цель, к которой он или его душа должны стремиться все время существования в физическом теле.

Фактически каждый разговор Ребе, каждое его письмо и каждое дело были посвящены приходу Мошиаха, достижению Спасения. В этом просматривается как бы переключка Ребе с великим еврейским мудрецом Маймонидом, более 800 лет назад сказавшим: каждое дело, каждое слово, даже каждая мысль обладают силой свернуть горы и принести Спасение в мир.

Ребе объяснял: поскольку основная природа нашего мира – совершенство и добро, то каждый совершенный нами хороший поступок реален и имеет протяженность во времени, в то время как плохой – только плохой момент, пустота, которую ожидает рассеивание. С этой точки зрения зло и добро – как свет и тьма. Тьма, какой бы зловещей и пугающей она ни казалась, – всего лишь отсутствие света. Свет нужен, чтобы сражаться с тьмой, побеждать ее и, наконец, вытеснить – где есть свет, там нет тьмы. Даже наперсток света разгонит целую комнату тьмы.

Ребе видел это и передал это видение нам. Если мы откроем глаза на эту реальность, то сможем принести Спасение в этот мир. Уже сегодня.

Из письма Ребе на его 54-й день рождения в 1956 году

«С того времени, как я был ребенком и ходил в хедер и даже раньше, в моей голове начала формироваться картина будущего Спасения – Спасения Израиля из его последнего изгнания, такое Спасение, которое могло бы положить конец страданиям, преследованиям и жестоким мукам голуса...»

Биография подготовлена Л. Соколом, И. Очереднюк, Е. Щегловой. Используются материалы, любезно предоставленные Chabad Lubavitch World Headquarters и Lubavitch News Service.

НАРОДА ИЗРАИЛЯ

Àäëí Ýááí-Èíííÿë (Øòäëí çíëüü)

Когда Ребе ушел из этого мира, мы словно оказались в непроглядной тьме. Каждый воспринимает это по-своему согласно состоянию своей души. Но смерть Ребе случилась так недавно, что мы еще не в силах полностью оценить ее последствия. Мы способны сейчас лишь на самые общие рассуждения, но не можем еще осознать всю глубину потери.

Ребе является для нас многим: он наш глава, отец, наставник. И нам очень не хватает Ребе во всех этих ипостасях.

Ребе давал нам направление. Он не только говорил, что делать в той или иной ситуации, он показал людям карту, по которой надо идти. Полярная звезда не только указывает, где север, она дает нам увидеть все возможные направления, и мы понимаем, что впереди нас и что позади.

Ребе учил своих учеников, тех, кто был ближе всего к нему. И он был Ребе не только для своих хасидов — он был лидером всего поколения. Это он определял направление для всех, понимали они это или нет. Он разработал программу и наметил важнейшие направления для Кларал Исро-эл, определил, что более, а что менее важно.

Ребе был лидером не только для тех, кто многое о нем знал, но и для тех, кто знал очень мало. Как ни странно, он был лидером даже для своих хулителей и противников, оказывал влияние даже на тех, кто не знал его, кто не был его последователем или же сознательно ему противоборствовал. Ребе определял план действий, на который люди реагировали — положительно или отрицательно.

Без его направляющего света мы не знаем, в какую именно сторону нам идти. Конечно, мы попытаемся следовать его дорогой, но мы бредем во тьме и продвигаться должны медленно и осторожно, почти на ощупь.

Таня учит нас, что еврейские лидеры — это наша «голова». Голова возвышается над телом. Но она также символизирует тесную связь с телом, его источником жизни.

Ребе был не только главой Хабад-Любавич, он был главой всего Израиля. Он имел отношение не только к одной общи-

не или группе, а ко всему еврейскому народу. Он считал всех людей Израиля огромным единым телом, духовные разногласия и территориальная разобщенность были не-важны.

Он не видел отличий израильтянина от американца, еврея, который днями напролет в Израиле изучает Тору, от невежественного еврея из Катманду. Мужчина или женщина, взрослый или ребенок, далеко он или близко — ему это было неважно; каждый — неотъемлемая «часть Б-га», живая сущность Израиля.

Ребе не был далеким и недоступным лидером, он был нашим дыханием, нашим духом. Как родитель, он мучился нашей болью и радовался нашему счастью. Он переживал вместе с нами все наши тяготы и страдания, и это было не только формой искупления — так голова чувствует всякую боль, терзающую тело. Шлухим, которых он посылал во все уголки мира, были нервами, связывавшими его со всеми частями еврейского тела.

Ребе не знал отдыха. Он постоянно был в курсе всех проблем каждой общины, знал о духовных и физических потребностях людей вблизи и вдали. Ребе заботился о всех евреях. Не только о своих последователях, но и о тех, кто не знал его, даже о тех, кто считал себя его противниками. Поэтому порой он просил выполнять его указания, не упоминая его имени, поскольку хотел свести до минимума разногласия в теле еврейского народа.

Без отца мы — сироты. Мы тоскуем по отцу, который объединял всех детей еврейского народа. Конечно, еврейская общность по-прежнему существует, но мы не видим объединяющего духа, который связал бы нас всех воедино.

В Ребе таилось гораздо больше, чем было видно простому человеческому взгляду.

Когда Ребе учил нас Раши «на уровне пятилетних детей», это тоже было способом сокрытия. Простой язык отвлекал нас от истинной глубины его слов. Ребе был опытным учителем, умевшим снизойти до уровня слушателей. Он преданно хранил идеи своих предшественников, мудрецов Талмуда и хасидизма, однако сам был как бурлящий источник, поток, превратившийся в реку, которая впадала в бескрайнее море знания.

Множество его книг, неиссякаемый поток его мыслей, бесчисленное количество публикаций говорят о его уникальной способности разьяснять сложнейшие понятия, о его блестящем методе анализа. За сорок с лишним лет мы смогли усвоить лишь часть его мудрости. Наша задача — углубляться в его труды, читать, изучать и стараться понять, чему именно учил Ребе.

Говорят, когда цадик умирает, он становится еще ближе к нам, чем прежде, когда физически присутствовал в этом мире. Но здешние сухие, выжженные земли алчут огромной полноводной реки, которая орошала их раньше. Мы можем только ждать прихода Мошиаха, скорого прихода, когда, по словам пророка, «ваш учитель не будет более сокрыт, и ваши глаза смогут лицезреть своего господина».

... И РЕБЕ ОТВЕТИЛ

ТРИ ДНЯ, ТРИ СЛОВА

...их праведная кровь окропила сидуры, выпавшие из их рук, забрызгала беленые стены синагоги...

Израильская газета «Едиот ахронот» от 4 Ияра 5717 года (5 мая 1957 года)

В прошлом году в канун Йом а-Ацмаут (Дня независимости) факелы зажигали не только в Иерусалиме на горе Герцля, но и в Цафрине (Кфар-Хабад), любавичской деревне в долине Лод.

Четыре дня деревня пребывала в глубоком трауре и печали, каких любавичские хасиды не знали много лет. В ту страшную ночь в эту деревню ворвалась банда террористов и направилась прямо в синагогу местной сельскохозяйственной школы. В это время ученики как раз собрались там на вечернюю молитву, и бандиты из винтовок открыли по ним ураганный огонь. Их жатва была кровавой: учитель и пятеро детей были убиты, десять детей ранены; их праведная кровь окропила сидуры, выпавшие из их рук, забрызгала беленые стены синагоги.

Деревенские хасиды, выходцы из России, могучие широкоплечие мужчины с густыми черными бородами и кустистыми бровями, в немом оцепенении взирали на открывшуюся им ужасную сцену. «Погром в Израиле! Погром – в Хабаде!», – шептали они, кусая в ярости губы. Рядом с ними, заламывая в горе руки, стояли женщины, дородные красавицы, бормоча слова на русском и иврите, обливались нескончаемым потоком горючих слез.

Эти хасиды многое пережили в своей жизни: погромы в царской России, ссылки в Сибирь; их не смогло запугать ГПУ, после десятилетий, проведенных в сталинских тюрьмах и лагерях, их спины уже не гнулись, и вот они стояли, остолбенев от горя и отчаяния здесь, на Земле Израиля. Удар был нанесен в сердце еврейского государства.

Посреди деревни стоял раввин Авроом Майор, бывший офицер советской армии. Авроом Майор, про которого ходили легенды, — рассказывали, как солдаты

избивали его прикладами, а он невозмутимо стоял и пел хасидские песни, – теперь он кричал, воздев к небу руки: «Повелитель Вселенной! За что?! Чем согрешили эти дети?»

Вся деревня пребывала в унынии и отчаянии, зашатались устои, на которых строилась жизнь. Кое-кто увидел в случившемся знак того, что мечты их о мирной жизни на Святой Земле были преждевременными. Может, лучше уйти из этих мест, поискать более безопасное пристанище?.. Деревня в душе своей медленно умирала.

Деревня ждет

Однако всем было ясно, что прежде чем принимать какое-то решение, надо посоветоваться с Ребе. Ничего не следует делать без его ведома и согласия. Все ждали телеграммы «оттуда», из Нью-Йорка, но непонятно, почему ее не было. Уже прошло четыре дня после трагедии. Подробная телеграмма, в которой хасиды сообщали Ребе о постигшем их деревню несчастье, была отправлена сразу, и ответ ожидался к вечеру того же дня. Но Ребе молчал. Что случилось, удивлялись все, почему он не отвечает? Неужто нет и слова утешения у него для своих последователей, убитых горем?

Нужно пояснить, что весточка от Ребе – неотъемлемая часть жизни любавичских хасидов, живущих в разных уголках мира. О любой серьезной проблеме, любом больном вопросе, касающемся как жизни общины, так и личной жизни любавичского хасида, сообщается в Бруклин, в резиденцию Ребе, и в зависимости от его ответа принимается решение. Ответ приходит без задержки – обычной или экспресс-почтой, или телеграммой – в зависимости от срочности дела. Он всегда лаконичный, по существу.

Но почему теперь задерживался ответ Ребе, когда произошли эти роковые события? Старейшины деревни не могли этому найти объяснения. Бежали часы, дни, а вопрос этот продолжал мучить их истерзанные души, тоска и отчаяние тяжким грузом лежали на душе.

Телеграмма

Телеграмма пришла только через четыре дня после трагедии – и новость мигом облетела деревню. Телеграмма от Ребе! Пришла телеграмма!.. Все мужчины, женщины, дети собрались на площади, чтобы ее услышать.

Как всегда, ответ Ребе был лаконичен. Всего одна фраза – три слова на иврите, но и этого было достаточно, чтобы сохранить деревню и избавить ее жителей от отчаяния. «Беэмшех а-биньян тинахейму», – написал Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон. «Утешитесь продолжением строительства». Как всегда, Ребе направлял к позитивному действию, к делу.

Хасиды Кфар-Хабада теперь снова видели будущее и смотрели в него смело: они знали, что им надлежит делать, – строить! Ребе сказал, утешение они обретут в строительстве. В тот же вечер старейшины деревни держали совет, как претворить в жизнь указание Ребе. Уже вскоре решение было принято: построить училище, где детей из бедных семей будут обучать типографскому делу. Здание это поднимется рядом с тем самым местом, где была пролита кровь.

Ребе знал

На следующее утро все жители деревни собрались на пустыре за сельскохозяйственной школой, стали его расчищать, готовить площадку для будущего строительства. И глаза их вновь засветились радостью.

Пошли письма от родственников и друзей из Нью-Йорка, в которых описывалось, что там происходило в те четыре долгих дня, пока деревня ждала ответа Ребе.

По традиции весь месяц Нисан, месяц освобождения, Ребе проводит служа Творцу, и общение с хасидами в этот период сводится к минимуму. В это время мало кому удастся получить у него аудиенцию, даже на письма, за исключением самых неотложных, он отвечает, только когда закончится

Нисан.

По истечении этого месяца в штаб-квартире Ребе, в Бруклине, на Восточном бульваре, устраивается праздничный фарбренген (хасидское собрание) – в ознаменование того, что Ребе вновь готов к общению с тысячами своих последователей по всему миру. Ребе говорит часами, прерывая свою речь песнями и лехаймами. Зачастую это длится до рассвета.

В тот год также проводилось собрание, отмечавшее завершение месяца Нисана, и трагические известия со Святой Земли достигли Нью-Йорка перед самым фарбренгеном. Но секретари Ребе решили сообщить их ему после собрания. Однако о том, что скрыли его помощники, рассказало Ребе собственное сердце. В тот вечер он говорил о самопожертвовании евреев, о мученичестве ал кидуш Ашем (во славу Имени Б-га), о восстановлении Святой Земли и избавлении Израиля. Он говорил, и из глаз его текли слезы. Всю ночь он говорил и плакал, пел и плакал и плакал опять.

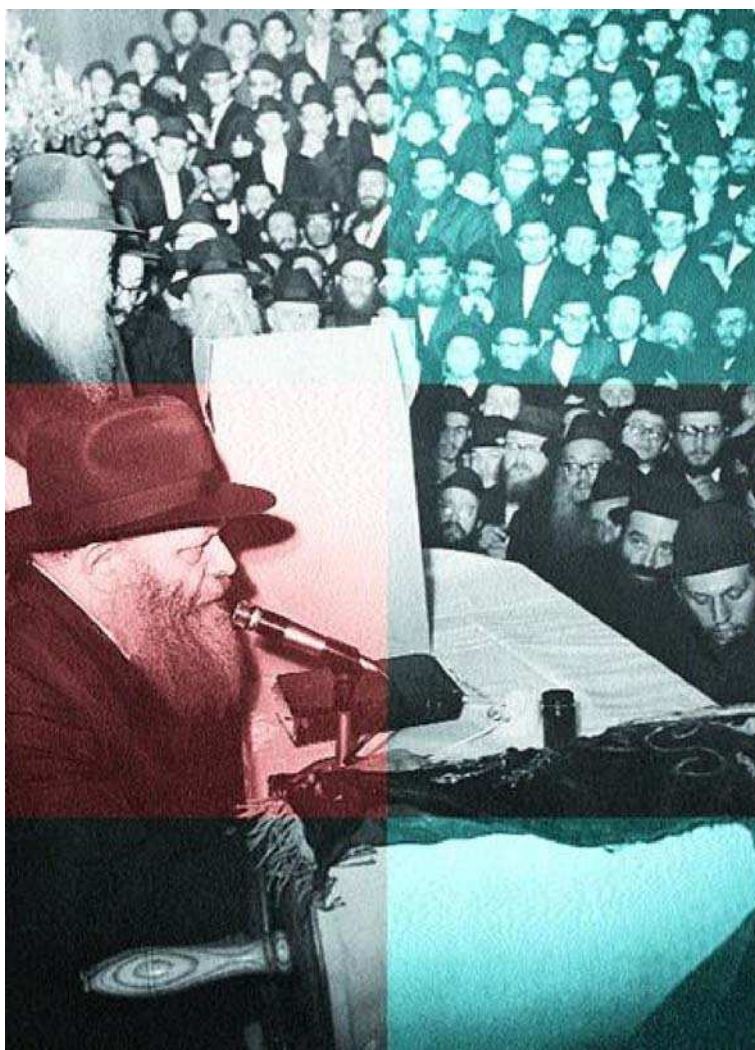
Почему Ребе плачет?.. Только немногие из присутствующих могли догадываться о причинах – те, кто знал о телеграмме из Кфар-Хабада.

Фарбренген закончился.

Хасиды разошлись по домам, и Ребе удалился в свою комнату. С душевным трепетом двое из ближайших к нему хасидов постучали в его дверь и передали телеграмму из Израиля. Ребе тяжело опустился в кресло. Он заперся и три дня не выходил. Через три дня, проведенных в уединении, он вызвал секретаря и продиктовал ответ: «Безмшех а-биньян тинахейму».

Хасиды Кфар-Хабада, получив этот совет Ребе, даже не стали обращаться за помощью в благотворительные фонды. Они сами собрали 50 000 израильских фунтов, и уже через год после трагедии новое здание училища было построено – как раз накануне нынешнего Йом а-Ацмаут.

Завтра, когда граждане Израиля будут отмечать восьмую годовщину Дня независимости, хасиды Кфар-Хабада устроят фарбренген и будут говорить о телеграмме в три слова, которая спасла их деревню и будущую жизнь на этом месте Святой Земли.

ЕВРЕЙ ИЗ БРУКЛИНА

Чтобы спасти заблудшую душу, не соблюдающую Закон своего народа, Ребе поступает довольно необычным образом. Раввин Хаим-Цви Шварц не был любавичским хасидом, перед войной его семья была среди последователей Мункачского Ребе, но в 1946 году он обратился за советом к тогдашнему Любавичскому Ребе Йосефу-Ицхоку Шнеерсону. Раввин Шварц – беженец, молодой человек, потерявший из-за Холокоста всю свою семью, все, что составляло его жизнь, не мог понять, что ему дальше делать со своей жизнью.

– Поговори с моим зятем, раввином Менахемом-Мендлом Шнеерсоном, – сказал Ребе, благословив Хаима.

Зять Ребе посоветовал молодому раввину поселиться в одном из городов Бразилии.

– Почему в Бразилии?

– Там много беженцев-евреев. За последние годы на долю нашего народа выпало много тяжких испытаний, и поэтому большинство евреев не получили даже основ еврейского образования. Многие уже стали жертвами ассимиляции, вступают в браки с неевреями. Долг каждого еврея, знающего Тору, бороться с духовным разложением

нашего народа. Отправляйтесь в Бразилию, помогите создать там общину образованных и соблюдающих традиции евреев.

Раввин Шварц взял на себя эту миссию, переехал в Бразилию, открыл там дневную еврейскую школу. Много сил и труда ушло на то, чтобы найти средства, подготовить преподавателей, убедить людей в том, как важно давать детям еврейское образование. Шли годы, школа раввина Шварца процветала, ее выпускники стали ядром еврейской общины.

Раввин Шварц поддерживал теплые отношения с человеком, пославшим его в Бразилию. Тем временем, после того как в 1950 году скончался его тесть, раввин Менахем-Мендл Шнеерсон возглавил Любавичское движение. По особенно трудным вопросам раввин Шварц всегда советовался с ним.

Однажды, через несколько лет после прибытия в Бразилию, он имел случай убедиться, насколько велика забота Ребе о своих подопечных. Об этом раввин Шварц поведал любавичскому хасиду, с которым встретился в самолете, когда летел из Бразилии в Нью-Йорк.

– Как-то, – рассказывал он, – мне позвонили родители одного из моих учеников и попросили о встрече. Ничего необычного в этом не было, но они говорили так взволнованно, что я понял – дело непростое и в тот же вечер пригласил их к себе домой.

– Это не имеет отношения к моему сыну, – сказал отец мальчика, когда мы расположились у меня в кабинете. – В вашей школе он достиг замечательных успехов. Дело в нашей дочери, которая выросла здесь и повзрослела еще до вашего приезда. Как вам известно, мы не строго придерживаемся традиций, однако для нас крайне важно, чтобы наши дети ощущали себя евреями. Поэтому мы и отдали сына в вашу школу, хотя она намного «религиозней», чем мы сами.

А суть дела вот в чем: дочь сообщила нам, что влюбилась в нееврея и собирается замуж. Мы всячески пытались ее отговорить, но ни доводы, ни просьбы, ни угрозы никакого действия не возымели, и теперь она вообще отказывается с нами что-либо обсуждать и вообще ушла из дома. Раввин! Вы – наша единственная надежда! Может, вам удастся ее переубедить, объяснить, что она предает свой народ, родителей и себя.

– Согласится ли она со мной встретиться? – спросил я.

– Если узнает, что мы уже с вами говорили, то наверняка нет.

– Значит, сам пойду к ней, – решил я.

Я взял у родителей ее адрес и в тот же вечер к ней отправился. Узнав о цели моего визита, она, похоже, обиделась, но, будучи человеком воспитанным, вынуждена была пригласить меня в дом. Мы проговорили несколько часов. Она выслушала меня вежливо и пообещала подумать, но уходил я с чувством, что речи мои вряд ли повлияют на ее решение.

Несколько дней это дело не выходило у меня из головы – я пытался придумать, как не допустить потери еще одной еврейской души. И тогда я вспомнил о Ребе: вся надежда была на него одного! Я позвонил его секретарю, раввину Ходакову, рассказал о

случившемся и попросил совета Ребе. Через несколько минут раздался телефонный звонок.

– Ребе просит передать этой девушке, – сказал раввин Ходаков, – что один еврей из Бруклина из-за того, что она собралась замуж за нееврея, потерял сон.

Столь неожиданный ответ смутил меня: я никак не мог понять, о чем идет речь.

– Что это за еврей? – удивился я.

И тут на другом конце провода раздался голос Ребе:

– Его зовут Мендл Шнеерсон.

Я озадаченно опустил трубку. Могу ли я поступить так, как сказал Ребе? Да она захлопнет передо мной дверь! Промучившись всю ночь, я решил изложить девушке совет Ребе в письме. В конце концов на карту поставлена еврейская душа, а мне, кроме моей гордости, терять нечего.

Рано утром я был у нее.

– Послушайте, – сказала она, не дав мне раскрыть рот, – за кого я выйду замуж – это мое дело и только мое. Я уважаю раввинов и верующих людей, поэтому не указала вам на дверь, а выслушала. Прошу вас, уходите, не донимайте меня больше.

– Я должен вам еще кое-что сказать, – на этот раз твердо сказал я.

– Говорите и уходите.

– Один еврей из Бруклина из-за того, что вы собрались замуж за нееврея, потерял сон.

– И вы пришли мне об этом сообщить? – воскликнула она и собралась закрыть дверь.

Однако прежде чем сделать это, все-таки спросила:

– Кто этот еврей?

– Великий духовный вождь евреев, раввин Менахем-Мендл Шнеерсон, известный как Любавичский Ребе, – ответил я. – Ребе очень заботят материальное и духовное благосостояние каждого еврея, он страдает о каждой душе, потерянной для своего народа.

– Как он выглядит? У вас есть его фотография?

– Где-то есть. Я вам ее принесу.

К моему удивлению она не стала возражать, но молча кивнула. Я помчался домой, перерыл все в поисках фотографии Ребе. Наконец нашел ее в ящике комода и тут же кинулся назад.

Девушка бросила взгляд на фотографию Ребе и побледнела.

– Да, это он, – прошептала она.

– Уже целую неделю, – объяснила она, – этот человек является мне во сне и уговаривает не оставлять своего народа. Я решила, что этот образ еврейского мудреца – плод моего воображения, и то, что он говорил мне, – только ваши слова и слова моих родителей, застрявшие у меня в голове. Но оказывается, это не выдумка. Я никогда в жизни не встречала этого человека и не видела его фотографий, даже не слыхала о нем. Но он – это тот, кто является мне во сне.

ДЕВУШКА, КОТОРАЯ ДОЛЖНА БЫЛА СТАТЬ ЕВРЕЙКОЙ

Она жила в Балаклавe, и с юных лет ее тянуло к иудаизму, так что она хотела принять эту веру. Но сумеет ли она соблюдать обряды, живя в родительском доме? Сохранится ли этот интерес, когда она станет взрослей?

Раввин Залман Серебрянский, старый хасид из России, декан Любавичского колледжа раввинов в Мельбурне, однажды привел девушку к раввину Хаиму Гутнику и попросил:

– Помогите ей обратиться в иудаизм.

Раввин Гутник выслушал девушку. Она рассказала, что родом из Балаклавы и с юных лет ее тянуло к иудаизму. Все, что она слышала о Холокосте, всегда волновало ее до глубины души. Она много читала об иудаизме и теперь хотела стать еврейкой.

Раввина тронула ее искренность. Однако готовить ее к гиюру он отказался: девушка все еще жила дома, с родителями-нееврейями. Сумеет ли она соблюдать обряды в родительском доме? Сохранит ли интерес к религии, повзрослев? Ответов на эти вопросы у него не было, и он решил: пусть время расставит все по своим местам. Если, повзрослев, девушка сохранит это желание, она станет иудейкой.

После отказа раввина Гутника девушка впала в глубокую депрессию, дошло даже до больницы. Реб Залман, тронутый глубиной ее чувств, время от времени ее навещал.

Через несколько недель он позвонил раввину Гутнику, рассказал, в каком состоянии находится девушка, и спросил, не передумал ли тот, ведь сила ее чувств так велика.

Но раввин по-прежнему считал причины, по которым он отказался провести процедуру обращения, достаточно вескими, однако он пообещал написать об этом Ребе. Если Ребе посоветует совершить обращение, он с радостью так и поступит.

Реб Залман рассказал все это девушке, и состояние ее заметно улучшилось на глазах.

Но не сразу получил ответ на свой вопрос раввин Гутник. Только как-то, отвечая на совсем другое письмо,

Ребе под конец осведомился: «А как дела у той еврейской девушки из Балаклавы?»

Раввин был изумлен. И девушка, и реб Залман говорили, что она из англиканской семьи.

Вместе с реб Залманом они отправились к матери девушки. Поначалу она убеждала их, что она англиканка, но искренность обоих раввинов произвела на нее столь сильное впечатление, что она поведала им свою историю. Родилась она в Англии, в ортодоксальной еврейской семье, а в юности взбунтовалась: отказалась от веры предков, вышла замуж за нееврея и переехала в Австралию. Об иудаизме она больше не вспоминала, но дочь свою очень любила и не стала бы противиться тому, чтоб она жила по обычаям иудаизма.

Выяснив, что девушка – еврейка, раввины Серебрянский и Гутник помогли ей найти свое место в любавичской общине Мельбурна. Ныне она работает учительницей в любавичской школе.

Однако раввин Гутник никак не мог понять, откуда Ребе узнал, что она еврейка. На следующей аудиенции он набрался смелости и спросил об этом. Ребе ответил, что по совету реб Залмана девушка тоже написала ему письмо. «Такое письмо, – сказал Ребе, – могла написать только еврейская девушка!»

ТВОРЯЩИЙ ЧУДЕСА

Как-то на встречу с Ребе пришли школьники-старшеклассники: каждый хотел спросить его о чем-то своем. Когда Ребе уже ответил на самые разнообразные их вопросы, один из школьников сказал:

– Я слышал, что Ребе может творить чудеса. Это правда? Вы можете совершать сверхъестественные поступки?

Ребе ответил:

– Способность творить чудеса свойственна не какой-то избранной группе людей, она доступна любому из нас. Все мы обладаем душой, в которой есть искра Б-жественного, поэтому каждый наделен способностью преступать границы, обозначенные нашей физической природой, какими бы непреодолимыми они ни казались. А чтобы продемонстрировать вам это, я сейчас совершу чудо.

Ребе с улыбкой оглядел изумленных детей, столпившихся вокруг его стола, и продолжал:

– Пусть каждый из вас примет решение достичь успехов в какой-то определенной области. Вы уже давно об этом думали, но до сих пор полагали, что не в силах этого достичь. Однако вы преуспеете в своих начинаниях и докажете себе, что душа действительно обладает способностью преодолевать «реальность».

РЕБЕ СКАЗАЛ

Марк Уилсон – бывший раввин общины в Шарлотте. Теперь он стал писателем, живет в Атланте. Эта статья впервые была опубликована в «Шарлотт Обзервер» 27 июня 1994 года.

Немногие из нынешних религиозных деятелей и, безусловно, немногие из еврейских религиозных деятелей вызывали такой интерес, причем весьма неоднозначный, как недавно скончавшийся Любавичский Ребе.

***«Аִוְיָאֵי וְעֵצָא דְּפִרְאָאָה־רַעֵב דְּבַנְיָאֵי, יֵאָדָאָר וְעֵי יֵאִי וְנֹעַעֵי יֵעֵ עִי וְשֵׁוֹעֵאֵ, אֵאֵ
יֵ יֵ אֵאִיָּאֵ יֵ עֵ מֵאֵוֹ, אֵאֵאֵ אֵאֵוֹ עֵי וְיֵוִי וְיֵ אֵי יֵאֵי יֵאֵאֵ אֵוֹ אֵאֵ יֵ אֵאֵ יֵאֵיָּאֵ».***

יֵ אֵדֵ שֵׁעֵיָּי

И религиозные, и светские средства массовой информации не уставали изумляться, как преданы ему были его сторонники, поражались его огромным политическим влиянием как в США, так и в Израиле, не говоря уже о том, что его последователи видели в нем фигуру мессианского масштаба. Никогда прежде смерть раввина не становилась главной новостью обоих каналов Си-Эн-Эн. Это был совершенно необычный человек: тихий, скромный, он был истинным хранителем подлинно хасидских традиций. По профессии он был морским инженером, получил образование в Сорбонне, знал больше десяти языков. Своих детей у него не было, но он стал отцом 500 000 своих учеников.

Мои отношения с Ребе шли по эллипсоидной орбите – порой я приближался к нему, иногда, наоборот, отдалялся, однако всегда, как магнитом, тянуло к точке фокуса.

Мое отношение к Ребе никогда не будет предвзятым, но не из-за того, что он имел влияние во всем мире, а из-за одной моей встречи с ним, которая произошла года за три до его смерти.

Короткая, но важная встреча

Благодаря моей дружбе с раввином Йоси Гронером, эмиссаром Хабада в Северной Каролине и сыном раввина Лейба Гронера, секретаря Ребе, я очень скоро стал своим человеком в узком кругу Ребе.

Мое знакомство с самим Ребе произошло спустя всего несколько месяцев после того, как распался мой второй брак и моей карьере раввина настал позорный конец. Я пребывал в тяжелой депрессии и унынии. Та встреча с Ребе, проходившая в присутствии раввинов Гронеров, старшего и младшего, длилась не более минуты.

– Порой обычный, но искренне верующий человек, – сказал мне Ребе на идише, – может сделать неизмеримо больше добра, чем раввин. Вам надо обязательно кого-нибудь учить, может быть, Талмуду, хотя бы одного-двух учеников.

– Говорят, – продолжал Ребе, – вы некогда были учеником реб Аарона Соловейчика. – Он назвал имя учителя ешивы, с которым мы поссорились лет двадцать назад. Откуда ему это стало известно, не знаю. – Я жертвую на благотворительность в надежде, что вы с ним помиритесь.

«Ребе сказал!»

Как ни вдохно

вили меня слова Ребе, однако прошел год, а я так и не последовал его совету. Год по всеобщему мнению выдался на редкость мрачный и тяжелый, я болел, тосковал, во всем себя винил. Приехав в Нью-Йорк, я вновь оказался в Субботу гостем Гронеров.

– Ты учил кого-нибудь? – спросил раввин Гронер.

Я замялся:

– Да как-то... не пришлось. Ситуация не...

Он строго прервал меня:

– Ребе же сказал!

– Но...

– Никаких «но»! Ребе тебе сказал!

Ну как я мог? Где? Когда?.. У меня об этом не было ни малейшего представления. Да, но Ребе сказал! Я пребывал в полнейшем замешательстве. Когда Суббота закончилась, я включил автоответчик. Б-г свидетель – я услышал голос своего очень давнишнего коллеги, раввина из пригорода Атланты: «Марк, всю Субботу я думал. Очень жаль, что, вернувшись в город, ты нигде не преподаешь. Не согласился бы ты преподавать, скажем, Талмуд, в моей общине?..»

Циники пусть смеются, но для меня настали дни удивительных чудес. Я уверен, что начал обретать утраченные прежде душевное равновесие и самоуважение именно после той удивительной Субботы в Краун-Хайтс, в Бруклине. И первый шаг помог мне сделать человек, который, обладая непостижимой интуицией и верой в человечество, как умелый врач обратился к моему духу, а взамен не потребовал ни души моей, ни чековой книжки: «Обрети мир в своей душе. Отринь злобу. Помиришься с ближним».

Был ли он Мошиахом?

Критики, которые объясняют силу влияния Ребе социальными, духовными, политическими аспектами, упускают суть. Истинное мерило величия этого человека – в тысячах случаев точнейшего, почти хирургического вмешательства в души верующих, которое помогало им избавиться от отчаяния и вернуться к полноценной жизни.

Пусть теологи спорят, может ли совокупность подобных вмешательств, проводимых более сорока лет, сделать человека достойным называться Мошиахом. Даже если нет, мы должны открыто признать, что наше существование было благословлено тем, чья жизнь принадлежала нам. Смеем ли мы требовать большего от человека?

Что до моего примирения с учителем, то, должен признаться, я не торопился исполнить наказ Ребе. Но когда я узнал о его смерти, это было первым, что я сделал. Иначе и быть не могло: ведь «Ребе сказал».

АУДИЕНЦИЯ В ТРИ ЧАСА НОЧИ

Эту историю рассказал раввин Цви-Меир Стейнмец (он же еврейский поэт Цви Яир)

В семье моего двоюродного брата, который жил в Южной Америке, начались неурядицы. Его дочь повстречала некоего юношу, они полюбили друг друга и решили пожениться. Но мой двоюродный брат и его жена были очень против этого брака, потому что молодой человек вырос в нерелигиозной семье и не соблюдал законов Торы. Хотя он и уверял, что впредь собирается их блюсти, все родственники девушки не одобряли ее выбор.

Конечно, девушка была очень расстроена, что такие близкие люди отказываются ее понять. Ей казалось, весь мир ополчился против нее и препятствует ее счастью. День ото дня ситуация становилась все хуже: девушка и ее родители обвиняли друг друга в предательстве. В конце концов они решили обратиться за советом к Любавичскому Ребе.

Хотя это семейство и не причисляло себя к хасидам Ребе, и девушка, и ее родители относились к нему с глубоким уважением и считали, что могут ему доверять. Обе стороны договорились, что поступят так, как он посоветует. Поскольку меня в семье считали «любавичским», то и попросили сопроводить девушку на встречу с Ребе.

В те годы Ребе принимал посетителей три раза в неделю с позднего вечера до глубокой ночи. Бывало, последний посетитель уходил на рассвете.

Мы зашли в комнату Ребе около трех часов. Сначала Ребе и девушка пробовали говорить на идише, на иврите, затем перешли на английский, французский и в конце

концов остановились на немецком. Когда девушка рассказывала свою историю, я слышал в ее голосе усталость и раздражение.

– Не понимаю, чего они от меня хотят, – сказала она о родных. – Мой друг пообещал, что будет жить по законам Торы. Я знаю, он говорил это искренне. Почему же на нас все так ополчились?

– Может, он и искренен, – сказал Ребе, – но какой прок от его обещаний, если он не знает, на что идет? Знаете, подписанный, но незаполненный чек ничего не стоит, – человек не может брать на себя обязательств, не зная их сути. Жить согласно предписаниям Торы очень сложно любому человеку, но гораздо сложнее тому, кто не был воспитан по ее законам.

– Но он хочет этому научиться, – сказала девушка.

– Недостаточно учиться этому в одиночку, – ответил Ребе. – Человек может старательно изучать и искренне принимать все, что написано в Торе, но совсем другое дело – применять это в повседневной жизни. Вот что я вам предложу: пусть этот молодой человек поживет несколько месяцев в семье, где соблюдают законы Торы. Пусть он не только учится, но и узнает на опыте, что значит исполнять все это изо дня в день: с утра, когда, едва открыв глаза, уже читаешь молитву «Мойде ани», до вечера, когда перед сном произносишь «Шма». Если после этого он по-прежнему будет утверждать, что желает жить по законам Торы, тогда я вас от всего сердца благословлю.

Девушка ушла от Ребе просветленная, сердце ее радовалось, а я остался обсудить с Ребе несколько личных вопросов. Но он тут же попросил меня позвать ее назад и объяснил:

– Я не хочу, чтобы она думала, будто мы ее обсуждаем за ее спиной.

Было три часа ночи, и к этому времени Ребе переговорил уже с несколькими десятками людей. Однако он был настолько настроен на чувства другого, что понял, как эта девушка страдает от ощущения отчужденности и брошенности, догадался, что она подозревает всех в «заговоре» против нее. Так что, хотя дело было решено для нее лучшим образом, да и разговора нашего она понять не могла, поскольку мы беседовали на идише, однако в ее отсутствие Ребе не захотел со мной говорить.

НЕПРЕДВИДЕННАЯ ЗАДЕРЖКА

Перед самым приземлением в Дакаре пассажирам самолета объявили: придется здесь немного задержаться – возникли какие-то технические проблемы.

Раввин Йосеф Вайнберг был эмиссаром шестого Любавичского Ребе Йосефа-Ицхока Шнеерсона и остался на том же посту при его преемнике. Ребе неоднократно говорил ему: «Ваша миссия – сеять духовное, а пожинать – материальное». И раввин Вайнберг хоть и добывал средства на любавичскую ешиву, но никогда не считал, что его задача сводится лишь к сбору денег. Нет, он старался содействовать распространению иудаизма (главным образом – в свете хасидской философии), приобщать евреев к их духовному наследию, давая им возможность выражать эту приобщенность практически. Задолго до того как соблюдение законов иудаизма распространилось в самых отдаленных уголках мира, по которым рассеян наш народ, раввин Вайнберг ездил в Южную Африку,

Бразилию, во многие другие страны, общался с евреями, вдохновлял их на соблюдение еврейского образа жизни и законов Торы.

Когда Ребе Менахем-Мендл стал духовным лидером, раввин Вайнберг, перед тем как отправиться по делам любавичской ешивы в Южную Африку, пришел к нему, и Ребе его спросил:

– Будете ли вы по дороге в Южную Африку заезжать в другие страны?

Раввин Вайнберг ответил, что самолет делает несколько посадок для подзаправки, но очень ненадолго. Тогда Ребе спросил:

– Вы нигде не задержитесь на день или на два?

Раввин Вайнберг не собирался. Но в конце беседы Ребе снова поинтересовался, не собирается ли он задержаться в пути.

Зная Ребе достаточно давно, раввин Вайнберг понимал, что это – не обычное любопытство. Вернувшись домой, он сказал жене, что должен прибыть в Южную Африку в среду, но пусть она не волнуется, если телеграмму от него получит, только готовясь к Субботе, так как, судя по тому, что сказал Ребе, на день или два он задержится в пути, и, возможно, не сможет связаться с ней раньше.

Подходя к самолету, раввин Вайнберг увидел раввина фирмы «Вина Ганелес-Ленгер». Оба они обрадовались, что будут путешествовать вместе.

По дороге в Южную Африку самолет должен был заправиться в Дакаре, маленьком государстве на западном побережье Африки, но перед посадкой экипаж объявил, что придется немного задержаться, чтобы решить какие-то технические проблемы.

Приземлились в десять часов утра. Сидя в зале ожидания, раввин Вайнберг заметил, как какой-то молодой человек не сводит с него глаз. А когда он снял шляпу и остался в ермолке, этот человек подошел к нему и представился как господин Пинто, еврей-сефард из Египта. Он прожил в Дакаре уже полгода и за все это время не видел ни одного еврейского лица. Ему очень не хватало еврейского окружения, к которому он так привык дома, и его беспокоило, как жизнь вне еврейской среды скажется на его детях.

Раввин Вайнберг объяснил ему, что ощущение принадлежности к евреям легче поддерживать, если тщательно соблюдать все законы.

– У вас здесь есть тфилин? – спросил он у сефарда.

– Да, – ответил господин Пинто, – тфилин есть, но он отвык надевать их каждый день.

– Если ваши дети будут видеть, как вы каждый день надеваете тфилин, – сказал ему раввин, – для них будет понятней, что такое быть евреем. Это будет осязаемый пример.

Господин Пинто пообещал ему отныне каждый день надевать тфилин. Они поговорили еще несколько минут, и раввина пригласили на посадку. Он шел и думал, что,

наверное, его разговор с господином Пинто и был причиной задержки и что он исполнил то, что имел в виду Ребе, говоря об остановке в пути.

Но оказалось, это не так. Через несколько часов полета объявили: из-за неполадок с двигателем самолет возвращается в Дакар. Когда он приземлился, пассажиры узнали, что один из двигателей сгорел и на его замену понадобится длительное время.

Господин Ленгер, попутчик раввина Вайнберга, забеспокоился. Уже наступила среда. Если их задержат дольше, чем на два дня, вряд ли удастся добраться в Южную Африку до начала Субботы. Но раввин Вайнберг успокоил его, рассказав, что Ребе говорил о задержке на день, самое большее – на два.

Когда раввина Вайнберга поселили в местной гостинице, он, несколько часов отдохнув, решил поискать местных евреев. Задача была не из легких: в стране евреев было очень мало. Многие люди даже не знали, кто это такие.

Наконец он обнаружил магазин, хозяина которого считали евреем. Зайдя туда, он попросил позвать хозяина. Ему представили молодого человека по имени Клемент. Это был племянник хозяина магазина. Еврей ли он? Да, еврей.

Клемент охотно разговаривал с раввином Вайнбергом. Он приехал сюда из Ливана, потому что решил, что финансовые возможности, открывающиеся в Дакаре, стоят того, чтобы оставить родной дом и привычное окружение. Они с дядей знают здесь еще четыре еврейских семьи.

Раввин Вайнберг заговорил с ним о еврейской общинной жизни. Клемент признался, что не разбирается в этих вопросах.

– У вас есть тфилин? – спросил раввин.

Оказалось, Клемент оставил их в Ливане.

– Если я пришлю вам тфилин, вы будете их носить?

Клемент ответил утвердительно.

Они побеседовали еще немного, и раввин Вайнберг почувствовал расположение Клемента.

– Сегодня ведь тоже день, – сказал он юноше. – Пойдемте со мной, я дам вам тфилин, и вы сразу их наденете.

Тот согласился, и они отправились в гостиницу. На обратной дороге в магазин они встретили господина Пинто, и тот очень удивился, узнав, что раввин еще в Дакаре.

Вайнберг представил ему Клемента.

– Вы жаловались, что прожили в Дакаре полгода и не встретили ни одного еврея, – сказал он господину Пинто. – Я здесь менее суток, но одного уже сумел найти.

Боольшую часть следующего дня раввин провел с Клементом. Молодой человек показал ему город, они много беседовали. Раввина беспокоил один вопрос, и

когда он почувствовал, что отношения стали дружескими, то решил, что можно об этом заговорить.

– Как насчет женитьбы? – спросил он Клемент. – Сумеете ли вы найти здесь еврейскую девушку?

Клемент признался, что надежды на это практически нет.

– Пообещайте мне, что никогда не женитесь на нееврейке, – попросил раввин. И Клемент пообещал, сказав, что общение с ним произвело на него неизгладимое впечатление.

Самолет починили в срок, и раввин Вайнберг успел прилететь в Южную Африку до начала Шабоса. При первой же возможности он написал Ребе письмо, где сообщил обо всем, что было в Дакаре. Ребе послал туда евреям тфилин и сидуры.

Несколько месяцев раввин Вайнберг поддерживал связь с Клементом и господином Пинто, посылал им на великие праздники открытки, иногда писал письма. Перед Пейсахом Ребе попросил своего личного секретаря, раввина Ходакова, послать в Дакар мацу.

Клемент и господин Пинто, получив мацу, решили устроить сейдер для всей общины. На сейдере они с большой теплотой говорили о том, как заботится Ребе о евреях всего мира. Даже живя в Нью-Йорке, он чувствует, что творится в сердце еврея, живущего в Африке, который хочет держаться своих еврейских корней. После праздника они написали Ребе проникновенное письмо с благодарностями и рассказами про сейдер.

Следующим летом раввин Вайнберг перед отъездом в Бразилию и Южную Африку был на аудиенции у Ребе.

– Вы будете проезжать через Дакар, – сказал с улыбкой Ребе. – Может быть, задержитесь там на несколько дней, даже если самолет будет исправен? На сей раз вы можете предупредить всех о своем приезде.

Раввин Вайнберг написал своим дакарским друзьям, и они устроили собрание всей общины. Знаменательно, что происходило оно 12 Тамуза, в шестую годовщину освобождения шестого Любавичского Ребе из советской тюрьмы.

Одно только огорчило раввина Вайнберга в этот приезд: он узнал, что Клемент все еще не женат.

– Вы не забыли свое обещание? – напомнил ему раввин Вайнберг. Клемент ответил, что нет. Он рассказал, что ездил во Францию, чтобы познакомиться с еврейской девушкой, которая могла бы стать ему женой, однако безуспешно.

– Но вы можете не беспокоиться, – сказал он раввину, – на нееврейке я никогда не женюсь.

Через несколько месяцев раввин Вайнберг получил от Клемент приглашение на свадьбу (и второе – для Ребе). Клемент нашел невесту в Ливане и после свадьбы собирался вернуться оттуда в Дакар.

– Когда я получил это письмо, – рассказывал раввин Вайнберг, – то понял: моя миссия в Дакаре успешно завершена.

СОСУД, ПЕРЕПОЛНЕННЫЙ ВЕРОЙ

Я составил длинный список вопросов и долго внутренне готовился. Многие годы я ждал этой встречи с одним из духовных столпов нашего поколения Любавичским Ребе Менахемом-Мендлом Шнеерсоном. И вот я стою перед его дверью, еще несколько мгновений – и я к нему войду.

В соседней комнате сидели несколько молодых людей, склонившись над огромными пожелтевшими томами Талмуда. В скромно обставленной приемной было пусто и тихо. Секретарь открыл дверь – я вошел. Ребе приподнялся в кресле, пожал мне руку, усадил напротив. У него были голубые глаза и седая борода, а улыбка такая теплая, что могла бы растопить все нью-йоркские сугробы.

*Ḥò àòüŷ áúèà ìì óáèèíááí à á èçðàèëüŷé «Áäèíò àòðííò», ääá äá ààòíð ðááíò àë
èíððáŷíí äáí òíì. Ḥàè: àŷ Øèíì í Øàì èð - ðáííðò àð ääçìò ú*

«Á-àðáö».

О вере

Я провел у него два часа. В час ночи дверь за моей спиной отворилась, вошел помощник, шепнул на идише: «Уже поздно». Но Ребе продолжал. Он говорил полтора часа без остановки. Это был монолог о вере.

Не о необходимости веры, не о святости и ценности веры, не о способах, с помощью которых можно приблизить евреев к вере, но о вере, которая живет в сердцах нынешних евреев, особенно тех, кто в Эрец Исроэл.

Любавичский Ребе исполнен безграничной любви к народу и земле Израиля. Он верит в них и в то, что Земля Израиля наполнена верой и живут на ней глубоко верующие люди. Они верят в Б-га и его обещание, данное нашему праотцу Аврааму: «Детям твоим я отдам эту землю».

– Каждый живущий сегодня в Израиле еврей – человек верующий, – сказал он, – хотя порой даже не подозревает об этом. Земля Израиля – «сосуд, переполненный верой», ждущий искры, которая разожжет в нем пламя.

Возьмем, к примеру, мужчину-еврея, который живет в Эрец Исроэл и состоит членом коммунистической партии. Он коммунист? Я убежден, что он очень верующий человек. Вот он живет с женой и детьми в стране, окруженной врагами, которые хотят уничтожить и его, и его детей. Что держит этого еврея в Эрец Исроэл? Вера в марксизм? Не думаю. Он живет в Эрец Исроэл и, когда надо, встает на его защиту, потому что, возможно, сам того не понимая, он верит в Б-га и в то, что Эрец Исроэл была дана Им народу Израиля. Нам надо лишь пробудить в нем осознание веры и научить его соблюдать заповеди. Мы должны научить его, что соблюдение Субботы и законов кошерного питания, возложение тфилин – это естественное продолжение веры, живущей в нем.

Как это делается?

Как мы это делаем? Как мы находим путь к этим великим и бесценным верующим людям? Нужно ли нам разворачивать кампанию религиозной асбара (разъяснение, пропаганда – этот термин часто используется в Израиле). Или сначала нам следует найти мудрых вождей?

– Нет, – сказал Любавичский Ребе. – В асбара нет необходимости, а великие вожди нужны для того, чтобы создать что-то там, где нет ничего. Но вера уже существует. Она – внутри каждого еврея и ждет только, когда ее высвободят.

И еще он сказал:

– В Торе народ Израиля назван «армией» («Цивойс Ашем») лишь единожды – в рассказе об Исходе из Египта. Сейчас мы живем в таких же условиях. Мы стоим на пороге нашего собственного исхода из диаспоры к избавлению, и поэтому народ Израиля сегодня – как армия.

Каждый из нас солдат. Вы, я, юноша, читающий в соседней комнате... В армии самое важное – это дисциплина, поэтому сегодня от нас тоже требуется дисциплина. Наша первейшая обязанность – подчиняться командам. Лишь потом мы можем попросить объяснений. Было уже сказано у горы Синай: «Мы будем делать и слушать». Сначала надо делать. Потом те, кому это будет нужно, получают объяснения и толкования.

Сегодня нам не нужны вожди. Мы – солдаты, от нас требуется действие, и каждый должен выполнять требуемое в соответствии с тем, как это может только он. Цель такова: зажечь искру.

Как? Любавичский Ребе дал прямой, ясный и смелый ответ. Не посредством асбара. Времени слишком мало. Сегодня мы должны настаивать, должны требовать – не просить, не уговаривать, не объяснять, но требовать. Требовать столько, сколько может быть дано, и самое трудное – то что можно получить, причем чем больше, тем лучше.

Нынешняя молодежь ищет сложные пути, ищет трудности. А начинать надо вот с чего: бери столько, сколько можешь. Мы должны требовать многого. Не просить, не умолять, не бояться, что хотим слишком многого. Мы должны говорить с верующими с твердостью и искренностью людей, которые хотят только добра своему ближнему. Именно искренность поможет добиться успеха.

Мы много раз уже убеждались, говорит

Ребе, что при чрезвычайных обстоятельствах, в критические моменты, когда полыхает огонь, наша молодежь готова к самоотверженным поступкам, к жертве. Она хочет слышать команды, а не объяснения. Команды совершать нечто трудное, сложное, а не легкое и простое. Еврей по своей натуре не боится испытаний. Еврей по натуре дерзок. Мы – «упрямый народ», способный к самопожертвованию. Народ-мятежник.

– Сейчас людям интересно не понимать, а знать. Даже наука нацелена больше на знание, чем на понимание. Нужно нам религиозное знание, а не асбара. И если у кого-то в Израиле есть вопросы и сомнения, как мы уже говорили, может возникнуть гораздо больше вопросов и сомнений относительно его желания жить в Эрец Исраэль (что, впрочем, он с радостью делает). Я не хочу сказать, что не надо иногда объяснять или обсуждать, но сегодня нам непозволительно тратить много времени и слов на дебаты и асбара. Мы живем в эпоху поступков, и мы должны требовать поступков. Много поступков.

Указующий перст

Пальцы у него были длинные и тонкие, как у пианиста. А когда он хотел обратить на что-то особое внимание, он поднимал указательный палец – требовательный и властный.

Он продолжал:

– Среди нас есть много таких, кто живет в отчаянии. Они разочаровались в нашем духовном состоянии, не верят, что можно хоть что-нибудь изменить. Кое-то воздевает очи к небу: «Только Г-сподь на небесах нам может помочь». Это опасно.

Очень опасно в наше время предаваться отчаянию и надеяться лишь на помощь небес. Тесть однажды сказал мне: «В Талмуде говорится, что перед приходом Мошиаха “станет больше высокомерия, мудрость ученых мужей будет расходоваться на низкое, правды не будет, лицо поколения будет напоминать морду собаки” и так далее. В заключение в Талмуде написано: “На кого можем мы опереться? На Отца нашего Небесного!”». Мой тесть воскликнул: «Опирается (полагаться единственно) на нашего Отца Небесного – это очередное из перечисляемых в Талмуде бедствий».

Сейчас еврею не позволено говорить: «Б-г на небесах поможет мне, ибо я сам больше ничего сделать не могу». Это ужасная, опаснейшая ошибка. Именно сейчас каждый из нас обязан зажечь искру в «сосуде, переполненном верой». И в каждом еврее есть эта искра.

Я тоже знаю хасидов, которые пребывают в отчаянии и спрашивают меня: «К чему все наши труды? Что изменится, если мы уговорим какого-нибудь еврея, много лет не надевавшего тфилин, вновь начать это делать?» Я им отвечаю: «Мы живем во времена смертельной духовной опасности и должны делать все возможное, даже если сомневаемся в том, что это поможет».

И никто не знает, помогли ли его поступки или, избави Б-г, нет. Я помню, как много лет назад мой тесть стал посылать учащихся ешивы в отдаленные города Соединенных Штатов – они должны были отыскивать там евреев и возвращать их в иудаизм. Помню, однажды двое учащихся вернулись из такой поездки подавленные. «Мы проездили несколько недель, но ничего не добились – никто не пожелал нас слушать».

Я рассказал об этом своему тестю, а он ответил мне: «Возможно, сами они об этом и не догадываются, но они во многом преуспели. Сегодня я получил письмо от пожилой женщины, живущей в одном из городов, где они побывали, и она пишет, что когда увидела пришедших к ней бородатых мужчин, на нее нахлынули воспоминания о родительском доме; просит меня прислать ей книги и посоветовать, с чего начать жизнь, подобающую еврейке».

Этот рассказ убеждает нас в том, – закончил он, – что тот, кто делает, никогда не должен отчаиваться, даже если не видит немедленных результатов. Он не знает, прорастет ли посеянное им зерно.

Было уже поздно. Ребе встал из-за стола, давая понять, что разговор хоть и не завершен, но подошел к концу. Когда я сказал, что подготовил несколько вопросов, и спросил, не могу ли я послать их по почте, он ответил:

– Зачем по почте? Приходите снова, поговорим.

Пожимая мне руку, он сказал, словно в заключение своего монолога:

– И если вы или кто-то еще спросит: «Почему именно я? Почему должен действовать я?» – я отвечу ему вопросом: «А почему не “я”?»

РАЗГОВОР С РЕБЕ

אהורי רבינו

ЭКСКЛЮЗИВНОЕ ИНТЕРВЬЮ С ЛЮБАВИЧСКИМ РЕБЕ

Много раз я бывала в обществе мудрых людей, людей очень образованных и умных, превосходных художников. Но совсем другое дело сидеть напротив истинно верующего человека. После встречи с мудрецом остаешься таким же, каким и был, не становишься ни глупее, ни мудрее. Образованность человека ученого к тебе не переходит, да и художник не может передать тебе ни своего таланта, ни вдохновения. С верующим все иначе. Повстречавшись с ним, ты не останешься прежним. Ты можешь не принять его веру, но уже охвачен ею, потому что истинно верующий человек верит и в тебя.

Любавичский Ребе, раввин Менахем-Мендл Шнеерсон из Бруклина, духовный лидер Любавичского движения – человек и мудрый, и образованный, но прежде всего он человек веры. И если считать веру искусством истины, он еще и художник, творение которого — армия верующих, которую он возглавляет, армия еврейской веры, Б-га Израиля и народа Израиля.

Как в Израиле обстоят дела с верой?

Чтобы задать Ребе этот вопрос, мне надо было сначала к нему попасть. В еврейском предании ничего не говорится о том, как ангелы получали аудиенцию у Г-спода, но если бы стоял вопрос, как это лучше сделать, можно было бы взять за образец тот способ, при помощи которого мне удалось попасть на прием к Любавичскому Ребе.

Израильская газета «Маарив»,

18 декабря 1964 года.

Автор – Геула Коэн – израильский общественный деятель, бывший депутат кнесета, писательница.

БРУКЛИНСКИЕ СТРАХИ

Начну с того, что у Ребе, как у обычного смертного, имеется секретарь, который назначает время аудиенции и ведет список желающих попасть к Ребе. Только здесь секретарь не спрашивает, о чем вы намереваетесь беседовать с его «начальником». Это касается только вас и Ребе. Здесь, даже если приходится ждать много дней, примут всех и каждого. Прием ведется не днем, а с позднего вечера и почти всю ночь. День – для учения, а для бесед – ночь.

– В одиннадцать вечера? – переспросила я, когда раввин Ходаков, секретарь Любавичского Ребе, назвал время моей аудиенции. Мне показалось, что я неправильно расслышала.

– Завтра в одиннадцать вечера, – последовал лаконичный ответ.

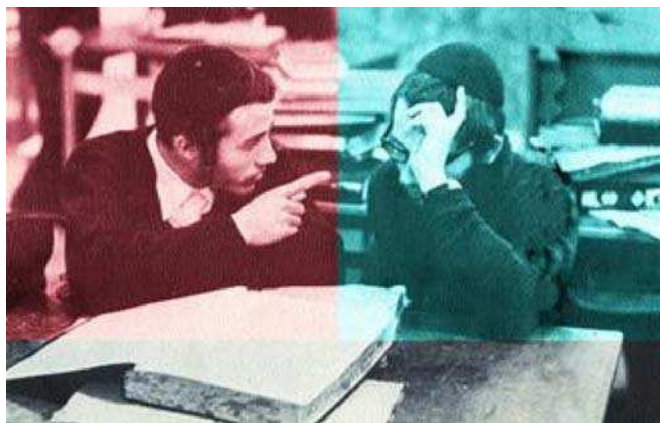
– А почему не днем? – Когда я задала этот вопрос, один из последователей Ребе посмотрел на меня так, словно я свалилась с Луны.

– Днем Ребе занимается, – ответили мне тоном, исключающим дальнейшие расспросы.

Я подумала о том, что так, наверное, и должно быть: ночью, возможно, Небеса и сердца людей распахнуты шире, более расположены к тому, чтобы слушать; ночью, когда преграды исчезают, человек ближе к истине...

Возможно, мои мысли потекли в этом направлении благодаря тому, что таинственные силы, хочешь ты этого или нет, начинают действовать задолго до того, как ты встретишься с Ребе; быть может, с того самого мгновения, как ты решишь, что хочешь его увидеть. Каким бы ты ни был рационалистом, тебе вдруг становится стыдно за все твои скептические вопросы...

В результате я пришла туда к одиннадцати часам вечера, естественно, не одна, потому что ночью женщины по улицам Бруклина без сопровождающих не ходят. Здесь ночной кошмар особенный, и не только из-за рассказов, которые ты слышал или читал про мужчин или женщин, убитых на том или на этом перекрестке. Людей убивают во многих уголках мира и не только ночью, случается, и днем. Наверное, в Бруклине ночью по-особенному страшно потому, что никто не знает, за что именно здесь убивают; не только убийца, но зачастую и жертва так и остается скрытой под покровом анонимности. И ты не знаешь, убивают ли тебя за то, что ты еврей, или несмотря на то, что ты еврей; за то, что ты негр, или несмотря на то, что ты негр; сделал ли ты это потому, что хотел жить или же умереть. Кроме страха, ничего определенного нет. И вот, я через кошмар ночного Бруклина должна прийти на встречу с Ребе, а чтобы по дороге не встретиться еще с кем-то, я пошла не одна.

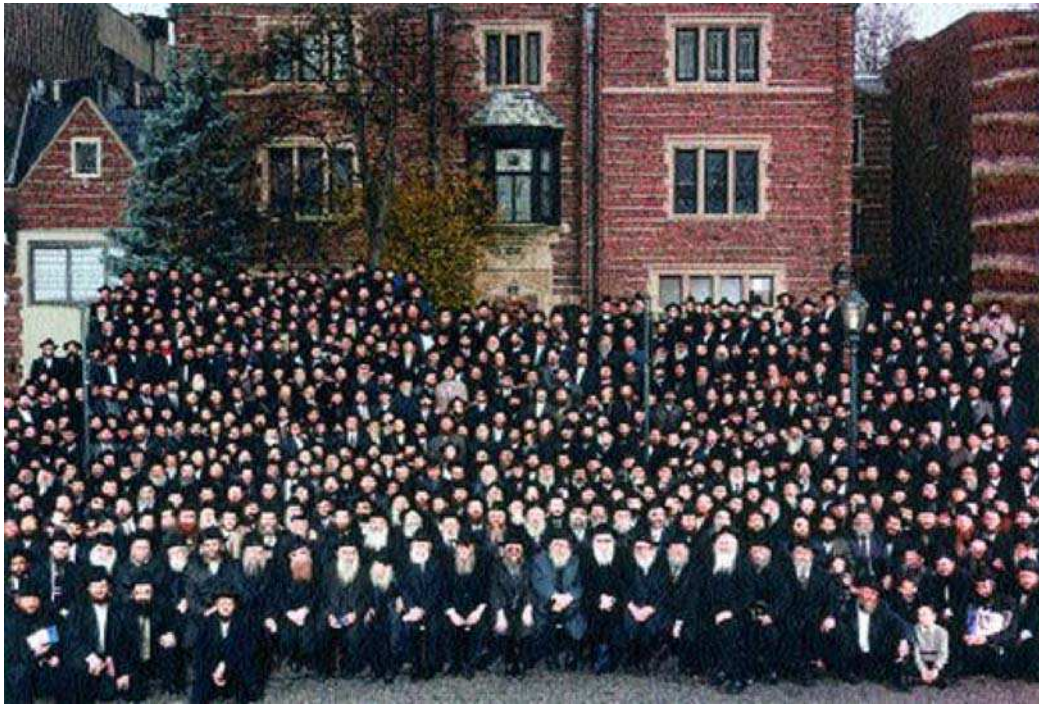

«ДВОР» РЕБЕ

В книгах я предисловие обычно пропускаю. Но по событиям, которые предшествовали моей встрече с Ребе, я поняла: порой без преамбул никак не обойтись, потому что на самом деле они – уже начало истории. Крайне важно то, что говорит Ребе, но еще важнее – и для самого Ребе, и для той ветви хасидского учения, которая называется Хабад, – когда и где он это сказал. Атмосфера, возникавшая вокруг него, не менее значима, чем собственно его слова. Иногда «как» не менее, а может, и более важно, чем «что». Ребе начинается со своей резиденции. И кабинет Ребе начинается на крыльце. Его последователи – такая же часть его личности, как, по убеждению хасидов, все люди составляют часть Г-спода. Поэтому мое интервью началось, когда я пришла в резиденцию Ребе и увидела его учеников.

Впрочем, молодых людей, которые изучали Гемору, вряд ли можно назвать студентами или учениками. Хотя они сидели перед открытыми книгами, они не были похожи на людей, изучающих нечто им неизвестное. Скорее они походили на ученых в лаборатории, проводящих опыты с духом и его проявлениями, как другие проводят опыты с материей, – смешивая и выделяя различные вещества, синтезируя и создавая новые. При этом они все что-то напевали. О хасидских напевах написано много, и много еще напишут. У этих мелодий нет ни конца, ни начала. Они привносят в песню, которую ты поешь, нечто вечное – чтобы кто-то мог продолжить ее за тобой. Когда я услышала этот напев, то вдруг подумала, что Десять заповедей, основа жизни человека, не могли бы быть написаны и произнесены на хасидский мотив. Но подумала я и о том, что человечество не смогло бы выполнять эти суровые законы, не будь у него этих умиротворяющих напевов...

Те, кто не был занят чтением, стояли и беседовали друг с другом. Возможно, обсуждали свои повседневные дела, но выражением лиц они напоминали солдат, которые, обменявшись напоследок парой слов, идут в атаку. Командира их там не было, но присутствие его ощущалось. Приказ мог поступить в любую минуту, и каждый был готов выслушать его и исполнить.

«КОРПУС МИРА»

Я тоже ждала приказа – приказа предстать перед Ребе. Четверть двенадцатого, половина... ну когда же подойдет моя очередь? Я собралась было спросить об этом у одного из молодых людей, но тут в приемную вошла хорошо одетая молодая женщина, блондинка в платке. Лица я ее разглядеть не успела, но услышала ее сдавленный голос: «Ответа еще нет?». Молодой человек, к которому она обратилась, подошел к пачке писем, нашел написанное ей и сказал, что ответ Ребе написан прямо на нем. Женщина схватила письмо, развернула и тут же прочла. Взгляд у нее остановился. В глазах стояли слезы – но радости или печали, кто знает? Она вышла, даже не попрощавшись, но тут же вернулась.

– У меня есть еще вопрос. Могу я задать его Ребе?

– Конечно, – ответили ей. – В любое время.

Лицо ее озарилось радостью.

– Бедная женщина, – сказал мне какой-то мужчина, когда она ушла. – Всю жизнь ходила по психиатрам, но они не могли ей помочь. Да и как они помогут – знания ведь у них есть, а веры нет. Они не любят ее, а любят только свои книги. Как можно помогать не любя?

Этот молодой человек очень меня заинтересовал.

Ему было лет двадцать пять, и он, как выяснилось, совсем недавно вернулся из Австралии, куда ездил по поручению Ребе. «Хотите знать, что я здесь делаю? У меня есть жена и дети, но однажды Ребе предложил мне уехать, и я не стал спрашивать, куда и зачем. Ребе вопросов не задают. Каждое его слово – приказ. Поэтому я взял семью и отправился в путь. Что я делал в Австралии? Да что приходилось. Есть люди, которые ездят по миру и раздают евреям продукты и деньги, но на самом деле евреям нужна духовная пища, немного любви и идишкайта. Ребе велел мне поехать и дать им любовь,

подбодрить их, подарить их душам немного еврейства. Есть социальная помощь, есть первая медицинская помощь больным и немощным телом, но нас заботит первая помощь тем, кто болен духом. Естественно, нас заботит и физическое здоровье людей. Вы слышали про «макавеев», которые во время волнений взяли на себя защиту бруклинских евреев? Мужчина, который это организовал, – один из наших, раввин Шрага... Для меня было большой честью поехать по поручению Ребе, но я – один из сотен, даже тысяч. У нас есть целая армия, «Корпус мира». А это – наша штаб-квартира. Отсюда Ребе посылает своих солдат на самые разные фронты. Где есть хотя бы один еврей, там для нас еще один фронт, и мы готовы биться со Священным Писанием в руках и любовью к Израилю в сердце. Это – наше оружие. Если есть в мире такой еврейский уголок, куда не добраться на машине, мы едем на ослах. Ничто не может нас остановить. Все мы твердо знаем, что приказы Ребе надо исполнять до конца, что мы должны вернуться к нему и отрапортовать: «Миссия выполнена»».

Как мне сказал секретарь Ребе, «Корпус мира» – всего лишь одно из многих подразделений Любавичской общины.

ГДЕ НИКОГДА НЕ ЗАХОДИТ СОЛНЦЕ

Раньше говорили так: над Британской империей никогда не заходит солнце, но времена изменились, и солнце над ней заходит. С Любавичской империей дело обстоит иначе. «День ото дня мы становимся все сильнее, – сказал мне раввин Ходаков. – Вы слышали о нашем издательстве? Это крупнейшее в мире издательство еврейской литературы, выпускающее книги более чем на десяти языках. Еще у нас сотни ешив, в которых обучается около 30 000 человек. Вы знаете про нашу деревню в Израиле? Скоро таких общин будет больше. Раз в неделю мы выпускаем информационный бюллетень, который распространяется информационным агентством ИТА.

Что за люди приходят к Ребе? Самые разные. Хасиды и миснагеды, мужчины и женщины, бизнесмены и ученые, молодые и старые, евреи и неевреи, политики и общественные деятели, даже нынешний президент Израиля. Вы знали, что он – один из наших? А что до переписки – с кем только Ребе не переписывается. Даже с Бен-Гурионом. О чем? А вот это касается только Ребе. Никто не вскрывает писем, адресованных ему. Он их сам распечатывает, сам на них отвечает.

О чем обычно спрашивают евреи? О вере, о том, как заработать на жизнь, о личном, о политике. Короче – обо всем. Нет вопроса, на который бы он не мог ответить. Если есть вера, можно ответить на любой вопрос. Для него нет вопросов важных и неважных. Каждый вопрос требует правдивого ответа... Простите, я должен на минутку отойти».

Я не слышала звонка, но секретарь подскочил к телефону и тут же вышел из комнаты. Неожиданно для себя я достала платок. Готовясь к встрече с Ребе, повязала его на голову. И очень вовремя, потому что секретарь тут же вернулся и с видом человека, преподносящего бесценный подарок, сказал:

– Пора. Пойдемте со мной.

Может, он еще что-то сказал, но я его уже не слышала: пытаюсь унять сердцебиение, уговаривала себя не быть душой, что нет причин так волноваться – ведь я и раньше, бывало, встречалась в полночь...

ПОЛУНОЧНАЯ ВСТРЕЧА

Когда за мной закрылась дверь и я оказалась наедине с Ребе, было двенадцать часов ночи, однако Ребе встал из-за стола и приветствовал меня такой лучезарной улыбкой, что мне показалось, будто сейчас полдень.

Если вас интересует его внешность, что ж – вас встречает красивый человек с добрым и благородным лицом, с седой бородой и в черной шляпе. А глаза его смотрят на вас не для того, чтобы разглядеть, а чтобы понять вашу сущность. Если вы хотели что-то скрыть, намеревались обмануть, вам станет не по себе. Вы начнете словно застегиваться на все пуговицы – покажется, что кое-какие из них вдруг оторвались. Потому ли это происходит, что у Ребе и в самом деле магический взгляд или эта магия возникла в вас – потому что вы пришли сюда глубокой ночью, в приемной видели учеников Ребе, которые казались такими просветленными? Впрочем, причины и следствия теперь уже не важны. Главное – попытаться вспомнить, зачем вы сюда пришли. Поэтому я прежде всего представилась.

Но в этом никакой необходимости не было. Он знает обо мне больше, чем я сама могла бы рассказать. Он знает не только, что я сделала, но и что должна была сделать, не только, что делаю сейчас, но и чего не делаю и что мне следует делать. Его ученики рассказывали мне, что он каждый день читает газеты и живо интересуется тем, что происходит в Израиле, но мне все равно было немножко страшно.

– Как я понимаю, вы сейчас пишете в газеты и журналы. Что ж, это правильно, но это – не главное. Главное – это молодое поколение. С молодежью нужно прежде всего разговаривать. Почему вы с ними не говорите? Почему никто с ними не говорит? Они так ждут этого, а никто этим не занимается. К ним обращаются с напыщенными речами, но

никто с ними не разговаривает, а потом все удивляются, почему молодежь такая равнодушная.

Ребе говорит со мной не на идише, а на иврите. Его произношение нельзя назвать безукоризненным сефардским, но его язык – это язык Библии. Он говорит волнующие слова, а голос остается ровным и спокойным.

– Молодежь ждет от нас приказа, который должен быть отдан тем же

тоном и голосом, каким отдавались все великие приказания Народу Израиля. Они могут подчиниться ему, а могут и нет, но ждут именно этого. Но нет начальника, который может отдать такой приказ. Где они все? Спасение не может прийти от тех, кто идет исхоженными путями, но только от тех, кто осваивает новые. Что случилось со всеми теми, кто некогда горел священным пламенем священной войны, а нынче, вместо того чтобы думать о насущных нуждах всего еврейского народа, занимается пустяками вроде того, какие установить налоги, побольше или поменьше. Где те, кто когда-то знал, как отдавать приказы? Я верю в постулаты физики: энергия не исчезает. Силы, некогда существовавшие, будут существовать вечно. Поэтому я верю в непреходящую силу еврейского народа. Какими бы ни были силы в его молодежи, они имеются и сейчас, нужно лишь их пробудить. Раньше были люди, знавшие, как их пробудить, куда они подевались?

– Всех заела рутина, все следуют путями унылой посредственности, – продолжал он. – А ведь, как вам известно, нет ничего хуже конформизма. Плыть по течению – все равно, что умереть. Творческие способности просыпаются, когда плывешь против течения. Так что необходимо, чтобы кто-то поплыл против течения. Я не проповедую – избавь Г-сподь – мятеж, я говорю о протесте против устоявшихся конформистских схем. Если нынешняя структура стала тюрьмой, нужно найти способ бежать из нее. Это отнюдь не означает, что надо нарушать закон, нет, с законом надо бороться. Однако все, весь еврейский народ смирился с установленным порядком, и нет никого, кто бы его вывел...

В голосе Ребе звучит глубокая скорбь, но говорит он без патетики.

– Вы никогда не подсчитывали, сколько драгоценных часов юности тратится ежедневно впустую? А используя каждый час для дела, можно творить чудеса. Вместо того чтобы раздавать приказы, лидеры произносят речи, а молодежь идет в кафе и тратит время понапрасну, а оно ведь уходит безвозвратно. Помните, какими они были во время Синайской кампании: они все как один встали к оружию, потому что был командир, который отдавал именно такие приказы, которых они, сами того не подозревая, только и ждали? Дайте им такой же приказ и не думайте о деталях, важно то, что это, как и тогда, высечет искру, и вы увидите, как проснутся скрытые силы...

Это не имело бы такого значения, если бы и в Земле Израиля, и в диаспоре все шло так, как следует. Ни «идеалы», ни «панацеи» ни к чему не привели, и пока что выполнено очень и очень немного. Никогда за три с половиной тысячи лет существования еврейского народа не было периодов без всяких перспектив; порой возможности использовали, порой – упускали. Но за всю историю еврейского народа не было периода, который предоставлял бы столько возможностей, сколько открыто сейчас, и не было периода, когда использовалось столь ничтожно малое их количество.

ТОРЕ ТОЖЕ НУЖЕН КОМАНДИР

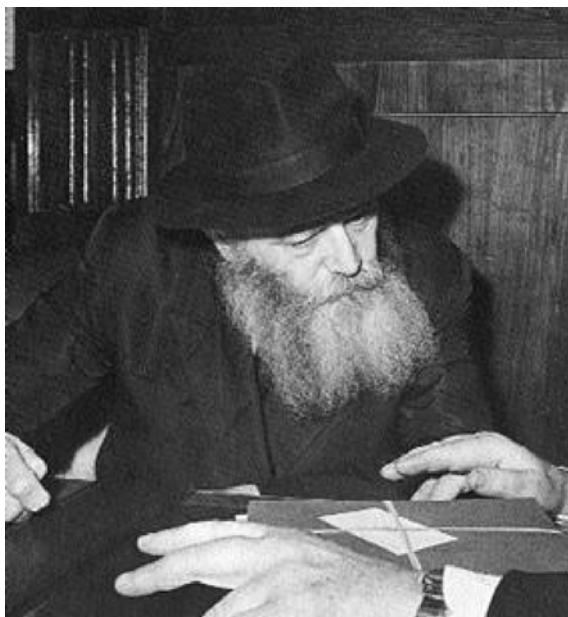
Только услышав пронзительный звонок, я поняла, как тихо было в комнате. Звонок прозвучал снаружи, наверное, из приемной. Я поняла, что время мое вышло. Но мне и в голову не пришло встать, я так и продолжала сидеть. Звонок все звенел, но голос Ребе убедил меня в том, что разговор еще не закончен.

– Каждый прошедший день – это огромная потеря. То, на что в диаспоре требуется десять лет, в Земле Израиля может быть выполнено за десять дней – при условии, что зажглась та самая искра. Огонь может погаснуть, искра – никогда. Наша молодежь, сама того не понимая, дремлет, и те, кто обращается к молодым людям с речами, удивляются, что они их не слышит. Их волнуют лишь собственные слова.

– Каковы именно слова требуются нашей молодежи? Не могу сказать. За словами последует внутренняя сила приказа. Они должны идти из глубины. Главное – это пробуждение, инициатива. Когда появится авангард, будут и знамена. Сейчас знамен много, но чего они все стоят, если нет того, кто идет впереди и несет их? Возьмите тех мальчишек в Израиле, которые кидают камни в людей, оскверняющих Шабос. Я верю, что в них есть дух, есть что-то, что их по-настоящему заботит. Я не говорю, что они должны кидать камни, не дай Б-г, но я чувствую, что им не все равно, у них внутри что-то пылает, и это главное. И я могу попробовать убедить их в том, что они используют не те средства, направить огонь их душ в нужное русло...

С другой стороны, тех молодых людей, которые из Земли Израиля уезжают учиться в заграничные университеты, инициативными не назовешь. Чему из того, чему они могут научиться на Святой Земле, научатся они за границей? Если человек оставляет свой дом, чтобы отправиться на Северный полюс, или, рискуя жизнью, покоряет горы, чтобы удовлетворить свою жажду знания, такого человека можно назвать инициативными. Юноша, который уезжает из Бруклина в Негев и рискует на границе жизнью, – вот его можно назвать первопроходцем. Но из Израиля в университет Бруклина уезжают в погоне за комфортом, и к инициативе это никакого отношения не имеет.

Возьмите, к примеру, учащихся наших ешив – они ведь тоже учатся. Но чтобы учить других, они разъезжаются по всему миру, туда, где есть евреи, но не для того, чтобы сидеть там в ешиве, а чтобы открывать новые учебные заведения. Они стучатся во все двери. Они находят способ общаться и с теми, кто в Израиле живет в нерелигиозных кибуцах, и с теми, кто в диаспоре жил в ассимилировавшихся семьях. Дух иудаизма – это единственный идеал, который, в отличие от остальных, не рухнет никогда. Именно поэтому в отношении него любой конформизм недопустим. Можно делать все для облегчения обучения иудаизму, и ничего – для облегчения соблюдения его законов. Попытки компромисса лишь отвратят нашу молодежь от религии, а не приблизят к ней. Молодежь Израиля не желает компромиссов. Но все равно лидера не найдено, и нет командира, который, как во время Синайской кампании, отдавал бы приказы.

ОН БЛИЗКО

Скоро два часа ночи. Звонок умолк. Наверное – устал. Но у меня в ушах звенит мой вопрос:

– А почему вы не приедете и не отдадите приказ?

– Мое место там, где вероятнее всего будут следовать моим словам. Здесь меня слушают, но в Земле Израиля меня не услышат. Там молодежь последует только за тем, кто вышел из ее же рядов, кто говорит на ее языке. Мессия – человек из плоти и крови, которого можно увидеть, до которого можно дотронуться, человек, за которым последуют остальные. И он придет.

– Очень уж он давно идет, – неожиданно для себя самой сказала я.

– Но он очень близко, и мы постоянно должны быть готовы к тому, что он придет, так как может оказаться – он уже пришел, только что.

Ī adāiā Ā. Ī dīdīāiē

УРОКИ ТОРЫ И РЕБЕ

עֵשָׂא וְרֵבֶכָה

Серия из трех книг Ребе, выпущенная за последние три года издательством «Лехаим», — «К жизни, полной смысла» (составитель Симон Якобсон), «Обретение Неба на Земле» (составитель Цви Фриман) и новая - «Уроки Торы», в которую вошли сихос (беседы) Ребе о недельных главах Торы, адаптированные главным раввином Великобритании лордом Ионатаном Саксом, – работа нелегкая, необходимая и святая. Что еще об этих книгах сказать?.. Восхвалять Ребе, говорить о том, что он великий человек, – бессмыслица, это, слава Б-гу, и так все знают. Но стоит отметить ряд конкретных вещей.

В наше время не так много людей, которые, безоговорочно оставаясь в русле еврейской традиции во всех смыслах – традиционном, культурном, ментальном и т.д., при этом умели бы оригинально мыслить. Оригинальность мышления присуща единицам. И она всегда сопряжена с опасностью для человека: оригинально мыслящий — белая ворона по определению, он неизбежно становится мишенью для очень разных людей, атакующих его с различных позиций. Может быть именно из-за этого, а не потому, что оскудел умом еврейский народ, оригинально мыслящих мы можем перечесать по пальцам: никто не хочет становиться мальчиком для битья.

Ребе никогда не боялся быть мишенью. В израильской армии есть такая легенда — я хотя в армии служил, но в сражениях не участвовал, поэтому не имел возможности ее проверить, — в израильской армии нет команды «вперед», а есть только команда «за мной». Офицер никого не посылает отдельно от себя – впереди он сам. Я не знаю, насколько справедлива эта очень красивая легенда, но в отношении Ребе это верно на все сто. Он никогда никого не посылал вперед, но всегда говорил: «За мной!». Во всем всегда был ведущим, тем, на кого сыпались удары массы недоброжелателей. От тех, которые говорили: «Зачем, если Б-г уже отделил истинных евреев от полуевреев, которые ушли из иудаизма и этим доказали свою еврейскую неполноценность, зачем Ребе затаскивает обратно в еврейский дом всех этих?..» или «Что это за религиозная экспансия, куда он лезет... Мы уже освободились от мрачного средневековья...» Ребе ненавидели и те, кто самодовольно рассматривал себя как хранителей иудаизма, я бы даже сказал, монополистов иудаизма, до тех, которые всю жизнь боролись с религией, а потом, видя, что их дети отращивают бороду, были готовы удушить тех, кто лишил их наследников

«светлого» антирелигиозного будущего. И так по всему диапазону. Ребе никогда не боялся быть мишенью для нападок, насмешек и обвинений.

Ребе – оригинальный мыслитель. В первую очередь, он самостоятелен. Сочетание оригинальности и самостоятельности с безусловной и полной традиционностью – это удивительно интересное сочетание, которое встречается все реже и реже. Оно парадоксально, но жизнь вообще полна парадоксов. Но помимо этого нужно иметь силы. Многие хотели бы, но не многие могут. Ребе хотел и мог.

Есть масса людей, которые эпатируют публику для самоутверждения. Ребе никогда в этом не нуждался. Он был безукоризненно честный человек и делал то, что считал нужным. Его никогда не интересовало, какую придется платить за это цену. Не на уровне физическом, когда ему приходилось выстаивать по двенадцать часов, принимая тысячи и тысячи людей, приходивших к нему, и ни на каком другом. Ребе не жалел себя, потому что считал: он обязан сделать все, что может. Полная беспощадность к себе в сочетании с абсолютной духовной независимостью и убежденностью, что он подотчетен только Всевышнему, еврейскому народу и его будущему, делала его уникальной фигурой. Умных у нас много, у нас высоких мало.

Теперь о сихос, беседах Ребе. Явление это не новое. До Ребе вели беседы по этике, по алохическим проблемам, по мировоззренческим вопросам и т.д. – это все было. Но Ребе мыслил, а не вещал. Каждая его сиха – и вы следуете за ним по мысли, проходите поэтапно ее развитие, возможные варианты отклонения, то, что возникает как бы в скобках, — вы мыслите вместе с ним. Это уникально. Ребе не выдавал конечный результат, он шел вместе с вами и тем добивался удивительного эффекта. Когда вместе с Ребе приходишь до конца сихи, оглядываясь назад, с ужасом не можешь понять, почему ты этого сам раньше не видел, ведь так ясно!.. Это волшебная штука. Любой преподаватель понимает, что именно такая форма взаимоотношений с учащимся — почти недостижимый идеал. Ребе этот идеал тиражировал тысячи раз. В этом подлинное величие.

Тора, как известно, делится на разные уровни понимания: простой смысл; намек; то, что выводится путем логических умозаключений; то, что мы получили как откровение; то, что не было возможно вывести самостоятельно из текста, так называемый тайный смысл Торы... Очень важно сказать о том, что сихос Ребе – уникальный сплав всего этого вместе взятого. В них невероятное по своей силе явление еврейского энциклопедиста, которому одинаково вольготно на всех этих «пастбищах» и который достаточно уважает собеседника, чтобы не говорить с ним как с пятилетним ребенком, — он говорит с собеседником, задействуя самые разные уровни его сознания. И в итоге через сихос ты понимаешь, что все есть одно целое, а то деление, которое мы вводим, – условно, оно техническое и на самом деле не отображает сути. Так и человека можно разделить на психическую, биохимическую, физическую составляющие. На определенном уровне это будет верно, но живого человека не получится, пока все не соберется вместе. Сиха – живая, в ней есть все из-за нерасчлененности ее, из-за того, что это – некое единое, совершенное целое с колоссальным объемом эрудиции.

Ребе нельзя назвать лишь кабалистом, потому что в любой области знания – и в области еврейской традиции, и в различных научных областях – он чувствовал себя одинаково вольготно. Для него Тора была единым целым и передавалась как единое целое. Поэтому если человек сегодня берется читать сиху и ему хватит мозгов и умения по ней пройти, он взаимодействует с Торой во всей ее полноте и цельности, и от этого – удивительное вкусовое ощущение, почти недоступное в других случаях.

В Теилим сказано: «Попробуйте на вкус и узнаете, что хорош Г-сподь Б-г наш». Во все века еврейские дети начинали с того, что пробовали еврейство на вкусовых пупырышках своего языка как что-то родное, и Тору начинали изучать с облитого медом печенья в виде букв, чтобы понимали: еврейство – это вкусно. Тот, у кого хватит ума читать сихос Ребе, поймет, что быть евреем – вкусно. Проблема в том, чтобы побудить человека взять в руки книгу и убедить, что это надо попробовать на вкус. В отличие от ребенка, который инстинктивно тянется ко всему сладкому или к тому, что аппетитно выглядит (а книга бесед Ребе «Уроки Торы» выглядит крайне привлекательно), взрослый, чей организм отравлен неблагополучной духовной экологией, реагирует иначе, с трудом понимая, что есть для него та самая натуральная, здоровая пища. Но если ему удастся эту книгу взять и прочитать до конца, то результатом будет то, ради чего и делают адаптированные издания. Ведь ребенок потом тоже не будет все время жевать книжные страницы, но осознание, что то, чем он занимается, это вкусно, у него будет.

И еще одна аналогия. Все, что человек ест, становится его плотью и кровью. Все, что человек читает, учит (часто к сожалению), тоже становится частью его личности. Поэтому так важно, чтобы наряду с нечистотами, которые на него изливаются со всех сторон, он сумел поесть здоровой еврейской пищи. Это очень оздоравливает организм.

Адаптированные издания бесед Ребе не просто нужны. Если исходить из нашей задачи – дать попробовать – они неизбежны. Надо сделать так, чтобы каждый большой ребенок понял, что еврейские буквы сладкие и полезные. Для этого существуют такие издания. На всех уровнях, от начала до конца, от еврейского брейн-ринга до детских групп по аэробике, мы все пытаемся сделать одно и то же – вернуть евреев к ним самим, друг к другу и корневому наследию. И книга «Уроки Торы» – часть этой колоссальной работы. Попробуйте ее и поймете, что хорош Г-сподь Б-г наш. Наше дело – дать еврею возможность попробовать и почувствовать сладость ощущения себя евреем. А сихос Ребе подходят для этого как никакой другой инструмент.

Я не удостоился того, чтобы за чашкой чая поговорить с Ребе по душам. Этого, к сожалению, не было. А было так. Через полтора месяца после моего выезда из Советского Союза в 1983 году, меня подвели к Ребе. Мне было 23 года, я был шойхетом. Тогда это была редкость – религиозный юноша. Ребе посмотрел на меня, сочувственно улыбнулся и спросил: «Как вы себя чувствуете?» Вопрос был уместен: перед отъездом я ждал, что меня посадят, и было такое сумбурное состояние, глаза были безумные. Я ответил: «Спасибо, слава Б-гу!» Ребе еще раз улыбнулся и сказал: «Пусть этот наступающий год будет для вас удачным во всех отношениях». Это была вторая фраза, и я понял, наконец, что все будет хорошо.

Последний раз я говорил с Ребе в 1992 году – у меня опять был очень тяжелый период в жизни. Ребе посмотрел на меня и неожиданно сказал: «Главное – не будь грустным». Эта фраза мне часто помогает. С тех пор, когда совсем не хочется смеяться, улыбаюсь все равно – и дела постепенно решаются. «Главное – не будь грустным», а то застрянешь в проблемах, прокиснешь, сгорбишься и, не дай Б-г, сдашься. Слова понятны и просты, а сколько над собой работать! Ребе учил не просто понимать, а всегда поступать и действовать.

АПРЕЛЬСКИЕ НОВОСТИ

ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ В ПЕТЕРБУРГСКОЙ СИНАГОГЕ

Несколько месяцев назад в петербургской еврейской общине появилась идея провести городской праздник бар – и бас-мицвы. Причем сами виновники торжества – 13-летние мальчики и 12-летние девочки – должны были принимать непосредственное участие в его подготовке. Сказано – сделано: в еврейских школах № 224 и «Бейт Сефер Менахем», а также в организации «Бейт Хабад» около 50 учеников из разных школ города специально готовились к вступлению во взрослую еврейскую жизнь. Как испечь субботнюю халу? Как правильно надевать тфилин? В чем заключается работа сойфера? С практической стороны этих и многих других важных моментов еврейской жизни ребята познакомились еще до праздника.

«ЕСЛИ ВЫ НЕ ПОЗВОЛИТЕ СВОЕМУ СЫНУ ВЫРАСТИ ЕВРЕЕМ, ВЫ ЛИШИТЕ ЕГО НАСЛЕДСТВА...»

И вот в феврале в большом зале хоральной синагоги собрались 53 бар – и бас-мицва, их родители, учителя, друзья. Но прежде всего гости увидели много света, праздничное убранство зала... Дети появились под торжественные звуки музыки и двинулись прямо к... президиуму. Конечно, ведь это их день!

Словами Любавичского Ребе, обращенными ко всем бар- и бас-мицва, открыл вечер раввин Цви Пински. Кантор Борух Финкельштейн исполнил песню «Шма, бни» – «Слушай, мой сын!» С приветственными и напутственными речами выступили главный раввин Петербурга М.-М. Певзнер, директор школы № 224 и председатель общины М.Д. Грубарг, консул Израиля в Петербурге Ш. Полищук, директор школы «Бейт Сефер Менахем» В.Б. Столов; г-жа Женя Дан прочитала приветственное письмо директора петербургского отделения еврейского агентства в России Орит Катцов. Все гости праздника сошлись на том, что такой день останется в памяти ребят как одно из самых ярких впечатлений юности.

Сюрпризом стал специальный проект: видеофильм, в котором все герои торжества увидели самих себя на экране в процессе подготовки к этому дню. Потом был мини-спектакль по мотивам хасидской притчи в исполнении мальчиков и композиция в исполнении девочек, посвященная женщинам, сыгравшим большую роль в еврейской истории. Из зажженных свечей, как по волшебству, появились розы, которые со словами благодарности дочери подарили своим мамам. Теперь уже совершеннолетние, а значит, полноправные члены общины прочли молитву «Шма Исроэл». И уже никто не сдерживал слез, теплые чувства переполняли и участников, и гостей.

Праздник никогда не обходится без подарков: от имени общины все ребята получили Тору, Сидур, подсвечник для девочек и талис для мальчиков, а благодаря г-ну А. Пекаревскому и фирме «СЕЛА» – красивую форму.

Остается надеяться, что такой праздник станет доброй традицией еврейской общины и будущие бар- и бас-мицва станут участниками таких же грандиозных праздников.

יְאֵדָיָהוּ יְאֵדָיָהוּ

**ВСЕХ НАС, ТАКИХ РАЗНЫХ, ДЕЛАЕТ
ЕДИНЫМ НАРОДОМ ИУДАИЗМ:**

**БЕЗ НЕГО ВСЕ РАССЫПЛЕТСЯ, КАК
КАРТОЧНЫЙ ДОМИК**

На вопросы журнала «Лехаим» отвечает председатель еврейского религиозно-культурного общинного центра Владивостока капитан первого ранга в отставке Владимир Янкелевич.

– Как случилось, что вы, военный моряк, пришли к иудаизму и возглавили еврейскую общину? Явилось ли это результатом длительного духовного пути или в вашей жизни случилось некое знаковое событие, определившее ваш выбор?

– Придется начать издалека. Я родился в Баку в 1946 году. Родители мои не были коммунистами, они были просто, что называется, правильными советскими людьми, абсолютно далекими от религии. Но иудаизм присутствовал в семье как-то незримо, какой-то почти неуловимой еврейской аурой. Дедушка был очень религиозен, он имел свое постоянное место в синагоге. Помню, как я ходил в синагогу, чтобы получить для бабушки разрешение от раввина нарушить пост в Йом-Кипур из-за диабета. Еврейские праздники отмечались, в доме всегда была маца на Пейсах. Однако родители все это считали чем-то вроде старых обрядов, синагогу никогда не посещали.

Но уже в детстве я время от времени возвращался к одному и тому же вопросу... Мой отец с первого дня воевал на фронте, вернулся без ноги и с орденами, дядя тоже воевал, был офицером-танкистом... Да всех родственников, участвовавших в войне, и не перечислишь! Но везде речь почему-то идет о героическом русском народе. Я не против: русский народ – конечно, народ героический. А мы-то как же? Еще школьником я подсчитал, сколько евреев-участников Великой Отечественной войны получили звание Героя Советского Союза (в процентном отношении к численности евреев в СССР). И получалось – героический еврейский народ! Но об этом почему-то никто не говорил. В школьном курсе истории и литературы существовали великие французы, греки, Суворов в Альпах, а нас нигде не было. Конечно, я знал и об Эйнштейне, и о Спинозе, и о многом другом, но «официальный» образ еврейского народа вызывал внутреннее сопротивление, он не соответствовал моим ощущениям. Всегда хотелось узнать подлинную историю евреев, но никаких источников не было.

Во время службы в ВМФ с прямыми проявлениями антисемитизма я не сталкивался, кроме, пожалуй, одного случая, когда меня не приняли в адъюнктуру (аспирантуру), но я воспринял это спокойно. После назначения директором завода – командиром воинской части меня вполне по-советски поздравил замполит. Он сказал: «Поздравляю. Тебя утвердили. Представляешь, ни одного русского хоть мало-мальски подходящего не нашлось».

Родители и сестра с семьей уехали в Израиль во время известных событий в Баку. Я еще служил на флоте, но при первой возможности демобилизовался и уже в 1992 году приехал навестить родителей. Это было чудом. Когда они уезжали, еще не был снят «железный занавес». А я, капитан первого ранга, допущенный к разным не нужным мне «секретам», был твердо уверен, что пересечь государственную границу «кипучей, могучей» не смогу никогда. Мы все знали, что в этой жизни больше не увидимся. Это хуже, чем похороны. Ощущение свершившегося чуда было очень сильным. И тогда, при этом первом моем посещении Израиля, у меня возникла уверенность, что я неправильно понял свое предназначение: укреплял не те вооруженные силы, служил не в той армии, и вообще жил во имя ложных ценностей. У меня родилась убежденность, что я должен многое изменить в своей жизни.

– Как начиналось возрождение еврейской общины во Владивостоке? Помогли ли в этом традиции, оставшиеся с прошлых времен, или вам пришлось начинать с нуля?

– Начинали мы вместе с координатором еврейского агентства в России Людмилой Пестун (она сейчас живет в Ашдоде). Она родом с Западной Украины, выросла в традиционном еврейском окружении. У нее еврейское сердце. Безусловно, пригодился и мой административный опыт. К сожалению, еврейских традиций в нашем городе практически не было. Владивосток – город моряков-рыбаков и военных, многие приехали по распределению.

Первый пасхальный сейдер прошел во Владивостоке в 1992 году. После сейдера произошел перелом: евреи валом шли в наш офис, где оказывались среди своих. Теперь они вместе изучали историю, традицию, иврит, было много молодежи. В 1993 – 1994 годах при финансовой поддержке Джойнта начали работать клубы, состоялся региональный семинар «Евреи диаспоры – евреи ли мы?». Сегодня у молодежи начала появляться тяга к еврейскому образованию. В 2000 году одна девочка поехала учиться в школу Ривки Вайс «Бейт Егудит». А в 2001 году уже трое ребят поехали учиться в «Месивту», три девочки – в «Бейт Егудит» и еще одна – в махон «Хая-Мушка». И это предмет моей особой гордости, так как для города, где нет ни раввина, ни синагоги, – это, как мне кажется, неплохо.

– В вашем интервью на сайте общины вы говорите о том, что еврейский народ вне религии не существует. Какое место занимают иудейские религиозные традиции в вашей жизни и в жизни общины, которую вы возглавляете?

Важнейший вопрос, который, как мне кажется, каждый еврей должен задать самому себе или, быть может, раввину: что делает еврея евреем? Этот вопрос становится особенно актуальным после посещения Израиля, где можно встретить евреев самых разных антропологических типов, говорящих на разных языках, со своими обычаями и взглядами на жизнь. И вот тогда понимаешь, что всех нас, таких разных, делает единым народом только иудаизм. Нет его – и все рассыплется, как карточный домик. Нет веры – тогда для чего отстаивать Иерусалим. Тогда Новая Зеландия гораздо лучше – нет арабов, хорошая экология. А Канада чем плоха? Всем хороша, но не она – Земля Обетованная.

Я глубоко убежден, что вне религии евреи исчезнут, и о них будут вспоминать ученые, как сейчас вспоминают об этрусках. К сожалению, условий (таких, например, как в Москве) для соблюдения традиций в полном объеме во Владивостоке нет. Но мы делаем, что можем, надеемся, в дальнейшем станет лучше. Стараемся кошерно проводить праздники и Шабос, организовали изучение Торы и традиции. Собирается миньян, но, к сожалению, не регулярно.

– Какие процессы, происходящие сегодня в общине, свидетельствуют о необратимости возрождения еврейской жизни? И что порождает у вас тревогу?

– Иногда нам кажется, что все евреи города нам известны, все как-то приобщены к нашей работе, но почти каждый месяц две-три новые еврейские семьи появляются в общине. Концерты нашего клейзмерского ансамбля собирают аншлаги. С приближением праздника телефон в общине раскаляется докрасна от непрерывных звонков. Еврейские праздники стали естественной и в то же время знаменательной частью жизни общины. Во время Пейсаха темнеет поздно, транспорт ходит плохо, но собирается очень много пожилых людей, и все они терпеливо сидят за столом, участвуя в сейдере. Больше никто не пытается превратить Пейсах в Масленицу, как это кое-кто пытался сделать всего каких-нибудь лет пять назад.

В то же время тревожит достаточно сильная ассимиляция среди людей активного возраста. Легче обращаются к еврейской жизни старики и дети, а вот со средним поколением сложно, особенно, когда нет своих помещений, синагоги, раввина.

– Вы не раз отмечали, что одной из важнейших задач владивостокской общины является восстановление синагоги. На какой стадии сегодня находится решение этой проблемы?

– Джойнт с 1998 года обещает помочь с финансированием, Федерация еврейских общин России соответственно – с 2001-го.

– Каким образом осуществляется координация работы еврейских общин городов Приморского края, занимающего огромную территорию на карте России?

– На первом съезде ФЕОР в совет выбрали председателей общин от семи регионов, которые и должны были осуществлять координацию всей деятельности. Я вошел в состав совета от Дальневосточного региона. Затем мне позвонили и сказали, что Биробиджан не согласен и Еврейская автономная область будет координировать свою работу самостоятельно. Потом то же самое произошло с Хабаровским краем. На втором съезде ФЕОР определили, что координационным центром будет Хабаровск, а координатором – председатель Хабаровской общины Марк Оршинский. Об этом объявили и представителям общин Приморского края. Дело в том, что перед губернатором Приморского края все еврейские общины представляю я, но со времени второго съезда ФЕОР я просто не наделен соответствующими полномочиями. Хорошо это или нет? Я думаю, что плохо. Я буду возглавлять владивостокскую общину или кто-то другой – независимо от этого Владивосток останется центром всех приморских общин как благодаря десятилетнему опыту работы, так и своему расположению. Чем скорее это поймут, тем лучше для евреев.

– Какие перспективы сотрудничества с Федерацией еврейских общин России вы видите в будущем?

– Ждем от ФЕОР раввина и надеемся на помощь в строительстве синагоги.

– Искренне желаем вам, Владимир Юдовьевич, успехов в этом большом и нужном деле.

СБОРНИК ЕВРЕЙСКИХ ПОСЛОВИЦ

В Петрозаводске вышла в свет очередная брошюра из серии «Библиотечка газеты «Общинный вестник»». На этот раз – это «Еврейские пословицы». (Предыдущие выпуски – «Азбука иудаизма» Бен Гирша, «Время любить» Д. Цвибеля, «Из еврейской поэзии» И. Гина.) Составитель пишет в предисловии: «Данная брошюра не имеет претензий на какое-либо научное обобщение, а пытается лишь дать людям, не знающим идиша, возможность “попробовать на вкус”, что из себя представляют еврейские пословицы... Пословицы распределены по нескольким совершенно условным разделам и, конечно, не охватывают всего богатства и разнообразия еврейских пословиц». Тем не

менее, сборник получился целостным и интересным. Пословицы, переведенные автором с идиша, опубликованы в оригинале и в русской транслитерации. Первые читатели уже смогли оценить «вкус этого блюда», и есть все основания полагать, что книжечка разойдется за несколько дней и тиража 300 экземпляров не хватит даже ценителям.

Аі єòòєé Őàèáàèèè

ДОМ ИЗ СКАЗКИ

Когда говорят о «доме для престарелых», воображение тотчас рисует безрадостную картину казенного учреждения с выкрашенными темной масляной краской стенами, с бездушным медперсоналом, а в доме – униженных людей, вынужденных влечить свое жалкое существование без надежды на семейный очаг, тепло и заботу. Так вот, ничего этого в доме для пожилых людей Днепропетровска нет. Те, кто в нем живут, – не подопечные, не пациенты, они просто люди. Это их Дом, построенный, словно в сказке, чтобы создать для них радость достойной старости.

«Сказка» – именно это слово чаще всего слышишь, разговаривая с жителями этого удивительного дома. Да и любого человека, который переступает порог красивого здания, расположенного в экологически чистом районе города, охватывает радостное ощущение покоя и умиротворенности. Просторные светлые коридоры, комфортабельные комнаты не более чем на двоих (есть и одноместные), душ, санузел, умывальник в каждой комнате, прекрасная библиотека, тренажерный зал, зимний сад – все это теперь принадлежит нашим ветеранам, людям сложной судьбы, перенесшим тяжелейшие испытания в жизни, потерявшим всех своих близких. Но у них и сегодня есть семья – наша еврейская община. И как в любой нормальной семье, у нас чтят родителей и дарят им всё самое лучшее. И этот прекрасный дом еще одно тому подтверждение.

Сейчас в доме для пожилых людей завершаются работы по оформлению зимнего сада, формированию библиотеки и благоустройству прилегающей парковой территории, но первые жильцы уже переступили его порог. «Мы не могли ждать ни одной минуты, – говорит главный раввин Днепропетровска Шмуэл Каминецкий. – Каждый день, даже каждая минута, прожитая этими людьми в тех ужасных условиях, в которых они оказались, принесла бы им дополнительные мучения. Это их дом, и мы, не мешкая, предложили им переехать сюда».

Реализация этого масштабного проекта стала возможной благодаря совместным усилиям днепропетровской еврейской общины (президент Попечительского совета Геннадий Боголюбов) и Всемирной еврейской организации помощи и утешения (президент Элиэзер Авцон). И результат оказался выше всяких похвал. В каждом уголке, на каждом квадратном метре дома чувствуешь любовь и заботу вдохновителей, авторов и исполнителей этого проекта. Здесь все продумано до мелочей и тем более не забыто о

главном: от синагоги непосредственно в здании до итальянского оборудования в кошерной столовой...

И светлеют морщинистые лица стариков. И наворачиваются слезы на их глаза. И улыбка касается уголков их губ. Они еще не могут поверить в это чудо. Они боятся, что это сон, что они проснутся и снова окажутся в прежних своих квартирах, часто без света и тепла, без друзей... Но это не сон. Это действительно Чудо, одно из тех чудес, в которые еще десять лет назад никто бы не поверил, одно из тех чудес, которые с Б-жьей помощью совершаем, когда мы вместе. Когда каждый еврей знает: он не один, он ответствен за всех, и все ответственные за него.

Рёёй Надея

САМАЯ ПРЕКРАСНАЯ ИЗ ЖЕНЩИН...

Есть женщины-инженеры, есть женщины-врачи, женщины-учителя... И все они – матери, которые заботятся о своих детях, муже, доме, собирают родных и друзей у своего очага. наших современниц увлекает пример женщин нашего близкого и далекого прошлого, матерей еврейского народа. Вечером двадцать второго Швата (третьего февраля) в клубе «Хая-Мушка» собрались представительницы донецкой общины, чтобы отдать дань памяти одной из величайших еврейских женщин нашего времени ребецн Хая-Мушке, жене Любавичского Ребе.

«Айу а даи поу и еда го и ао адие» (а диеау и пеегаеoa).

Праздник начался танцем в исполнении младшей группы ансамбля «Симха» под управлением Ларисы Палагуты. Ведущая вечера Ира Резник рассказала, как тридцать лет назад израильские женщины написали письмо Любавичскому Ребе. В ответ они получили благословение, в котором Ребе писал об огромной роли женщины-матери, ведь она не только дает жизнь, но и воспитывает детей «в настоящем для будущего». Поэтому у нашего народа женщина вознесена так высоко. Песня в исполнении женского хора стала подтверждением этих слов. Концерт продолжила Ольга Рафаиловна Гордон. Она прочитала отрывок «Эшес Хаил» из книги притч царя Шломо, подлинный гимн женщине. Музыкальное оформление Инны Хитряковой усиливало красоту слов. И вновь танец, на этот раз хасидский, в исполнении старшей группы ансамбля «Симха», уже маститых артистов.

Мушка Вышецкая и Хая-Мушка Каминштейн зажигают свечу памяти. Они названы в честь ребецн Хай-Мушки. Имя Хая значит «жизнь», и пока мы будем называть дочерей этим именем, память о ней не исчезнет.

Ребецн Дина Вышецкая рассказала об удивительной скромности этой великой женщины. О ней нет фильмов, очень мало осталось ее фотографий. Она помогала своему мужу – Ребе, посвятив жизнь ему и заботе о евреях.

Двадцать второе Швата – дата юбилейная. Ведь в этот день пять лет назад состоялось первое заседание клуба «Хая-Мушка». Ребецн Дина от имени всех собравшихся поблагодарила организатора клуба Софию Черню, ее добровольных помощниц Ольгу Фоменко, Любовь Писанец, Викторию Грамотенко, всех участниц этого вечера.

А потом зрители увидели сцены из жизни еврейских женщин, которые комментировал главный мозл Украины Яков Гайсинович. Он также рассказал об огромной роли посланников Любавичского Ребе в жизни еврейских общин. А дальше попури из всем знакомых еврейских песен, которым подпевают все сидящие в зрительном зале. После концертной программы – сладкий стол и танцы...

Знаете, что меня поразило на этом заседании клуба? Количество беременных женщин в зале. Никогда не умрет еврейство! Рожайте детей! Пусть их будет много! Пусть детский смех звучит в наших домах и согревает сердца наши!

Í õñò ù áé áá: í î ññí õá

ðéíí éáù áò,

Òáé í í á è áóááò æ è ò ù á ááéáõ

Ñàì áÿ í ðáéðáññ áÿ

èç æáí ù è í -

Æáí ù è í á ñ ðáááí éí î

í à ðééáõ!

Ñèéùáá Ááéí ò áéí

ИСТОРИЯ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

В СЕМЬЕ НЕ БЕЗ УРОДА

В прошлом номере журнала «Лехаим» (№ 3) мы сообщали о тревожной ситуации в ряде городов Костромской области, в том числе в Нерехте, где распоясавшиеся молодчики из РНЕ практически открыто ведут антисемитскую и «антикавказскую» кампанию, запугивают и избивают людей. Мы также опубликовали письмо председателя еврейской общины Костромы Андрея Ошерова губернатору области Виктору Шершунову. В газете «Еврейское слово» №7 (81) была напечатана информация об обращении главного раввина России Берла Лазара и

национального директора Объединения комитетов в защиту евреев в бывшем СССР Майкла Нафталина к губернатору Виктору Шершунову с призывом пресечь антисемитские акции со стороны местных экстремистских группировок.

Вот что нам сообщил Андрей Ошеров в продолжение темы.

«После того как письмо, подписанное Майклом Нафталином и Берлом Лазаром, поступило в областную администрацию, на темы антисемитизма и ксенофобии написала практически вся местная пресса. На прошлой неделе в четверг я был в Нерехте, чтобы своими глазами посмотреть на сложившуюся ситуацию, поговорить с человеком, который сообщил нам неприятные новости об экстремистах-антисемитах из РНЕ и о поджоге в его доме. Мы встретились с Сергеем. Он просил не называть его фамилии, так как, по его словам, если кто-то узнает, что именно он нам предоставил информацию о нерехтском отделении РНЕ, то его “могут посадить в тюрьму, подкинув что-то запрещенное”. Он показался мне очень запуганным человеком. Он поведал о лидере местного РНЕ г-не Хореве, о его связях во властных структурах и органах милиции. Мы объехали город, я видел ксенофобские надписи на стенах домов и стилизованные свастики (эмблема РНЕ), причем антисемитских надписей я не обнаружил. Когда я захотел сфотографировать эти надписи, Сергей меня всячески отговаривал, мотивируя тем, что меня немедленно заберет милиция (велика сила страха). Я не заметил следов поджога входной двери квартиры, где живет Сергей. Но мой собеседник сказал, что их не может быть, так как он тщательно все закрасил...

Когда я вернулся в Кострому, мне сказали, что в синагогу звонили представители РНЕ, предлагали встретиться и обсудить сложившееся положение. Однако никто больше не перезвонил. Вечером позвонили из областной администрации и предложили встретиться.

На встрече с вице-губернатором Сергеем Галицким мне сообщили, что в настоящее время проверкой фактов, изложенных в письме раввина Берла Лазара и Майкла Нафталина, занимается областная прокуратура и ФСБ. При этом вице-губернатор подчеркнул, что “до этого никогда никаких сигналов в эти службы не поступало”. Меня спросили, почему я думаю, что избиение мальчика на вокзале в Галиче – антисемитский инцидент, а не простое хулиганство. Я ответил, что информация получена от самого Димы и его матери, что били его молодчики с повязкой со свастикой на рукаве куртки. Г-

н Галицкий выразил удивление тем, что я “не обратился в администрацию, а написал письмо в Америку и ФЕОР, и информация попала на новостные сайты Интернета”. Я ответил, что во время последнего совещания в администрации области я передал письмо-протест на имя губернатора области г-на Шершунова, на который я не получил никакого ответа. После этого я ознакомил вице-губернатора со статьей “Скины среди нас” в газете “Костромские ведомости”, практически представляющую собой завуалированную рекламу этой организации, и постарался объяснить, до чего может довести попустительство таким “опусам” в официальной прессе, учредителем которой является и администрация Костромы. Сергей Галицкий заверил меня, что еврейская община получит объективный ответ на вопросы, связанные с инцидентами в Костромской области. Меня попросили оперативно информировать администрацию области обо всех антисемитских и ксенофобских выходках экстремистских группировок. “В семье не без урода!”, – сказал вице-губернатор и добавил, что необходимо предпринимать совместные усилия для противодействия этим позорным явлениям».

*Í íáñòè Óáááäöèè ááäéñèè íáùéí íí ì àò áäèèèì ñáñò ááí úõ éíðáñí ííááí ò íá
«Éáñèè à» ííáñ ò íáèèà*

Èðèí à Ðáçáñ áà

– Борух Горин сказал: «Если в России одновременно будет выходить 54 журнала и 85 еврейских газет, все равно этого будет мало. Евреи так соскучились по подобным изданиям, что для каждого найдется свой читатель». И еще отметил ведущий, что журнал «Лехаим» не затрагивает вопросы политики: «Мы видим себя литературным альманахом».

С особой гордостью он говорил о сотрудничестве, редколлегии журнала с писателями Израиля: «К своему восхищению мы узнали, что в Израиле существует тонкая, изящная словесность на русском языке».

В заключение еще процитирую слова Горина: «Изданию “Лехаим” уже более 10 лет, и оно не просто существует, а живет полнокровной, прекрасной жизнью. Наше издание не политизировано и не представляет какую-то политическую группу. Со страниц журнала мы рассказываем о том новом, что появилось в жизни современных евреев России. Публикуем лучшие, на наш взгляд, произведения на еврейскую тему разных писателей и разных времен. Наверно, поэтому в нашем журнале так легко уживаются Лион Фейхтвангер и Григорий Канович, Стефан Цвейг и Асар Эппель, Давид Маркиш и Владимир Корнилов. Надеюсь и уверен, что лучшие номера журнала “Лехаим” еще впереди!»

Или, может, стыдимся мы Торы Учителя нашего, Моисея, в которой, говорят, написано: «Возлюби ближнего своего, как самого себя..», «Если враг твой голоден, поделись с ним хлебом, если жажда мучает его, дай ему воды...».

Может, стыдимся мы нашего Святого Храма, который, говорят, был Храмом для всех народов?

Быть может, за наших царей стыдно нам, за наших царей, которые не только войнами занимались; они, рассказывают, написали удивительные книги и сложили чудесные песни?

Может, стыдимся мы наших пророков, которые шли в народ и учили истине, чести, совести и правдивости. не позволяли обижать бедняка, притеснять слабого, обирать вдову, обворовывать сироту?.. Пророков, которые не стеснялись обличать сильных мира сего, даже самого царя, прямо в лицо говоря им правду?

Или, может, стыдно нам за то, что наши предки, говорят, готовы были, чтоб их резали и кромсали, жарили и сжигали, вешали и топили, готовы были безмолвно наблюдать, как пред их взором младенцев убивают, прыгать в огонь во славу имя Б-жьего, крича «Шма, Исроел!» – вот этого мы стыдимся???

Вот, задал я тебе, папа, два вопроса.

Хочу задать тебе третий вопрос:

Почему ты научил нас всем языкам, древним и современным, но одному языку позабыл нас научить, – нашему собственному еврейскому языку?.. Тому языку, которым написана Тора, тому языку, на котором говорили пророки, языку, на котором существует, говорят, большая, богатая, прекрасная литература?

Почему мы зубрили историю всех народов, древних и новых, только отложили историю своего собственного, еврейского, народа?

Почему мы прекрасно разбираемся в географии всех стран мира, но география Эрец-Исроел чужда нам?

Почему мы знаем детально назубок, в каком году были Гастяг и Гарпаг, Камбиз и Дарий Гистасп, и Иван Калита, и не имеем понятия, когда жил Эзра, а когда – Иеуда Макавей?

Почему мы знаем, кто такие Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Горький и Толстой, и не представляем себе, кто такие Иеуда Галеви, Левензон, Левада, Гордон, Абрамович?

Почему у нас малый ребенок знает, что за праздник Масленица, но когда приходит черед нашей Хануки, он ни в зуб ногой?

Три вопроса, папа, я задал тебе.

Четвертый вопрос хочу задать:

Почему тебе так дорог Иван Иванович, а реб Янкеля так мало ценишь ты?

Почему Иван Иванович трезвонит нам в парадную дверь, а реб Янкель идет с черного хода?

Почему, когда входит к нам Иван Иванович, начинается тарарам, все вскакивают с мест, бегут ему навстречу, забегают все дороги, а реб Янкель, когда приходит, смущенно стоит у входа, боится, что мы его не очень-то хотим видеть?

Почему, когда Иван Иванович кривляется, изображая еврея, перепуганного ружьем, и приговаривает: «Ой вей мир, штреляет!», мы все умираем со смеху, а если реб Янкель хочет что-то рассказать, он заглядывает в глаза – расположены ли мы его послушать?

Почему у Ивана Ивановича хватает наглости направляться напрямик к моей сестрице Матильде, ущипнуть ее за щечку, отпускать в ее адрес комплименты, какие только придут ему в голову, а когда реб Янкель однажды вставил словечко, что Матильда прекрасная бсула^[4], мама излилась желчью: «Фи, жидовщина! Что это за слово такое, бсула?»...

Почему, когда приходит русский учитель, его мы встречаем уважительно, с почетом, боимся его сердитого взгляда, а стоит еврейскому «ребу» один раз в неделю явиться, чтоб мы могли исполнить тяжелую обязанность почитать немного сидур, мы делаем из него посмешище, подшучиваем над ним, слушаем, как нашу кошку, прячем его шапку под кровать или забрасываем калоши на чердак?

Почему мы подписываемся все годы на «Ниву» и «Новое время» месяц загодя, чтоб, упаси Б-г, не пропустить, а когда тебя кто-то спросил, отчего тебе не выписать еврейскую газету, ты был оскорблен до глубины души?

Почему весь мир трезвонит о своих литераторах, пишут о них целые тома, печатают их портреты, отмечают их юбилеи, издают их сочинения, воздвигают им памятники – светопреставление! – а когда к нам недавно приходил еврейский писатель, ты его прекрасно не пустил дальше порога и сказал: «Подать я вам могу, а в книгах ваших не нуждаюсь»?

Почему так часто в прессе пишут о твоих пожертвованиях вкупе с твоими обязательствами и стипендиями на нееврейские начинания, и что-то неслышно, чтобы ты поддерживал какие-то еврейские учреждения?

Почему мама не пропускает ни одного их бала, но когда речь заходит о еврейской «Талмуд-Торе»^[1], говорит, что от евреев спасу нет, так они уже надоели?

Почему ты дал мне имя «Алквиад», а не «Акива», ведь на самом деле я назван в честь дедушки Акивы? Чем это Алквиад был лучше нашего великого мудреца рабби Акивы?

Почему моя сестра пляшет на всех елках, а я сам сколько раз слышал, как за глаза ее кличут «Хайка» и «жидовка»?

Почему суют свои носы Мотл-портной, Берл-сапожник и Хаим-столяр куда не следует, берутся за не свое дело, когда их никто не просит, принимают в штыки любого, кто хочет указать им правильный путь?..

Почему и почему, и почему, и почему?

Вот я тебе, папа, и задал все четыре вопроса.

Теперь, прошу тебя, дай ответ на мои вопросы.

А если не найдешь никаких ответов на мои вопросы, я дам тебе ответ:

Аводим аину... Рабами были мы...

Ī ādāāā nēēēōā Ā. Āīdēī ā

^[1] *Ī ā:āēī ò dāāēōēīī ūō ÷ āò ūdāō āīī dīmā, ēīōīōīā nīī çāāāò īōōō āī
ādāī ŷ ī ānāēūī īāī nēēāādā.
[2] *Āēā ī ŷm īāī nīī ā
[3] *Ī ā Ī āēīāō īīēāāāōnŷ āīōīāēōūā nīāōēāēūī īē, īānāēūī īē, īāāēāā
[4] *ēād: āāāōāāī īēōā
[5] *Ī ā:āēūī āŷ ēēīēā*****

МЕМУАРЫ МОСБИ

Н'е Аае'е'о

Птицы щебетали-заливались. Фьют, фьют, тути-фьют. Прodelывали все, что им, по мнению натуралистов, и положено. Давали выход не знающей пределов агрессивности, которую лишь человек – вот дурак-то – принимает за невинность. Нам все кажется таким невинным потому, что наша порочность – до крайности ужасает. Ух как ужасает!

Мистер Уиллис Мосби разглядывал после сиесты горный склон в городе Оахака – тут все еще предавалось дремоте: рты, седалища, длинные индейские волосы цвета воронова крыла, древняя краса, воспетая кинокамерой Эйзенштейна в «Грозе над Мексикой». Мистер Мосби – вообще-то доктор Мосби; знаток всего на свете, что в его случае не исключало и глубины познаний; много размышлял, многого достиг – отдавался, и нередко, ложным, зато наиболее интересным увлечениям двадцатого века. А теперь приехал в Оахаку писать мемуары. Гуггенгеймовский фонд дал ему на это грант. Если не ему, так кому же?

По склону сбегали бугенвиллии, в воздухе кружили колибри. Мосби было не по себе от мельтешения красок, ароматов – под их напором не долго и рухнуть. Веселость, красота, казалось, таили в себе опасность. Смертельную опасность. Но не исключено, что он выпил слишком много мескаля за обедом (плюс к тому и пива). За зеленью и краснотой природы виделась тусклая чернь, положенная толстым, как амальгама, слоем.

Мосби недомогал; он стиснул зубы, и на его красивых, уже выдающих возраст, загорелых челюстях заиграли желваки. У него были красивые голубые, слегка выцветшие глаза, взгляд – прямой, умный, недоверчивый; волосы, все еще густые, разделял прямой пробор, глубокие, вертикальные борозды пролегали между бровями, вдоль ноздрей и на затылке.

Настала пора приправить мемуары юмором. До сих пор в них было вот что: Фундаменталистская семья в Миссури – Отец, преуспевающий подрядчик – Учеба в школе – Университет штата – Стипендия Родса – Друзья по интересам – Чему меня научил профессор Коллингвуд – Империя и интеллектуальная мощь Британии – Я еретически трактую Джона Локка – Работа на Уильяма Рэндольфа Херста в Испании – Генерал Франко как личность – Дружба с нью-йоркскими радикалами – Служба в УСС во

время войны – Ограниченный кругозор Ф.Д. Рузвельта – Пересмотр философии Конта, Прудона и Маркса – Возвращаясь к де Токвиллю.

Пока что ни крупницы юмора. И вместе с тем не счастье, сколько студентов, да и не только студентов, будут говорить: «У кого было колоссальное чувство юмора – так это у Мосби», будут рассказывать своим детям: «Ох уж этот Мосби, в УСС, он...», или «Уиллис Мосби, мне случилось быть с ним в Толедо, когда пал Алькасар, он такие шутки отмачивал, я чуть не лопнул от смеха», «Никогда не забуду, как он разделал Гарольда Ласки», «Игры вокруг формирования Верховного Суда», «Русские политические процессы», «Гитлера».

Так что – хочешь-не хочешь, а пора принимать меры. Он взялся за дело не сразу – сначала поразмыслил. Он напишет, – когда ему принесут лед из гостиничного бара (его коттедж располагался ниже главного здания, его занавешивали цветущие ветви, и Мосби смотрел на необремененные никакой растительностью вершины Сьера-Мадре не без зависти) и он охладит мескаль: теплый его нельзя взять в рот, – он напишет, что в 1947-м, тогда он жил в Париже, ему довелось познакомиться со множеством поразительных типов. Он познакомился с графом де ля Никожи-Нирожи, который приютил Гэри Дэвиса, гражданина мира, после того как гражданин принародно сжег свой паспорт. С Джулианом Хаксли – он тогда работал в ЮНЕСКО. Обсуждал различные социологические теории с мсье Леви-Стросом, но приглашения на обед не получил – они перекусили в Музее Человека; Сартр отказался с ним встретиться, считая всех американцев, за исключением негров, тайными агентами. Мосби же, в свою очередь, подозревал, что все русские за границей работают на ГПУ. Мосби отлично владел французским, свободно говорил по-испански, недурно – по-немецки. Однако французы не способны разглядеть в иностранце самобытность. Одно из проклятий древней цивилизации. Их планета большей плотности. У них лучшим умам приходится работать в две лошадиные силы, иначе поля тяготения традиций не преодолеть. Лишь немногим дано оторваться от него. Оторваться от Декарта. От допотопных политических идей левых, центра и правых, не сдвинувшихся со своих позиций аж с 1789 года. Французы эти Мосби казались донельзя заурядными. С точки зрения же этих французов Мосби был ум малопродуктивный и узкий. В отлично скроенных костюмах, элегантный, суховатый, свежая кожа жителя Запада, бледно-голубые глаза, сильной лепки нос, красивый рот и мужественные морщины. Un type sec^[1].

У каждой из обеих сторон, а именно у Мосби и у французов, были выработаны свои, и весьма четкие, подходы ко всему на свете. И обе стороны, как он не так давно осознал, ошибались. Возможно, были равно удалены от истины, хотя ошибки их и различались по характеру. Французов было труднее извинить: они ошибались сообща. Его ошибки, так полагал Мосби, по крайней мере, отличала неординарность. Французов приводили в бешенство падение La France Pourrie,^[2] отсутствие у них воли к победе, обилие коллаборационистов, массовые депортации, которые никто не пытался предотвратить (датчане – что датчане, болгары – и те не дали депортировать евреев), а пуще всего унижение: свободой своей они как ни крути были обязаны союзникам. Мосби в УСС имел доступ к информации, подтверждающей такую точку зрения. Кроме того, в государственном департаменте служили его приятели по университету, бывшие студенты и старые знакомые. Он рассчитывал получить после войны большой пост, для которого – как-никак начальник контрразведки в Латинской Америке – он идеально подходил. Однако Дин Ачесон его недолюбливал. Да и Даллес ему не симпатизировал. Мосби, фанатик идеи, был не по душе учрежденческой шатии-братии. Он говорил, что в дипломатический корпус сбавивают отбросы властных структур. Молодых выпускников хороших восточных колледжей, которым не светило стать юристами на Уолл-стрит, брал государственный департамент, чтобы они ратовали там за интересы своего класса. В

иностранных консульствах они имели возможность хамить перемещенным лицам и давать волю столь распространенному среди членов загородных клубов антисемитизму, который даже в загородных клубах уже шел на убыль. Мало того, Мосби еще и разделял взгляды Бернхема на управление: во время войны он заявил, что нацисты теснят нас, потому что осуществили революцию управляющих раньше. Союзникам – кто бы с кем ни объединялся – с их отсталой индустрией не дано одолеть нацию, поднявшуюся на новую историческую ступень и сумевшую поставить себе на службу назревавшие в обществе силы. Дальше – больше, разглагольствуя как-то в Вашингтоне в компании попивающей шотландское виски элиты, Мосби заявил, уже не опираясь ни на какие авторитеты, что концентрационные лагеря, как ни прискорбен факт их существования, по крайней мере показали, что политическая идеология немцев рациональна. У американцев идеологии нет. Они не знают, что творят. Не придерживаются никакого плана. Англичане – немногим лучше. Бомбардировка Гамбурга зажигалками, доказывал Мосби, чеканя слова, однако не комкая повествования, обнажает пустоголовость и расхлябанность западного руководства. А в заключение сказал: если у Ачесона выбить дурь из головы, любому наркоману ее до конца жизни хватит.

В обществе потерпевших поражение французов Мосби говорил, что его галльский петух не клевал. (Шутил он недурно.) И конечно же, сильно закладывал за галстук. Он работал над теориями Маркса и Токвиля, ну и пил. И ум его по-прежнему был упоен борьбой. Граф де ля Никожи-Нирожи (так Мосби переименовал эту благородную древнюю фамилию) снабжал его спиртным из военного магазина и менял ему деньги на черном рынке. Потешал рассказами о своих плутнях.

А теперь Мосби хотел на манер сэра Гарольда Николсона или Сантаяны, или Бертрана Рассела, писателей, чьими мемуарами он искренне восхищался, присовокупить, что Париж в 1947-м, подобно одной половине тварей Ноева ковчега, ждал, когда к каждой из них прибьется ее пара. Там было по одному от всякой плоти. Что-то вроде этого. Среди американцев особенно. Город казался озлобленным, мрачным, Сена и видом, и запахом походила на микстуру. На американской вечеринке студент-романист из Миннесоты, нынче владелец какой-то шарашки, промышляющей подкупом, частными подпольными расследованиями, а также поставкой девочек важным шишкам, завел прочувствованную бодягу о Городе Человека, о значении Европы для американцев, об утере американцами человечности. Не упуская случая вставить, что человек – мерило всего. А также все прочие штампы, которые вынес из рандалловского «Сотворения современного ума, или Лекций по интеллектуальной истории Европы». «Меня подмывало, – вот что намеревался сказать Мосби (лед принесли в стеклянном кувшине, щипцы прилагались: туземцы уже не щеголяли как некогда в замызганных белых подштанниках), – подмывало... – он потер лоб, выдвинутый, как обзорная площадка хвостового вагона, – сказать этому пьянчуге и прохвосту, бывшему пацифисту и вегетарианцу, этому последователю Ганди из миннесотского университета, ныне катящему в роскошном “бентли” к “Максиму” полакомиться уткой с апельсинами. Подмывало сказать: “Все так, но мы прибыли сюда из-за океана, чтобы немножко расслабиться, уйти от современности. Вспомнить, что когда-то сказал Эзра Паунд: мол, мы за здорово живешь построим вторую Венецию в болотах Джерси, стоит только захотеть. Играючи. Чтобы развлечься, пока суд да дело, а там мастерство придет само собой. Скопируем что угодно, смеха ради. Обезьяны, обученные грести, доставят нас в гондолах на дискуссию по астрофизике. Туда, где нынче жгут мусор, откармливают свиней и сваливают старые колымаги, мы приплывем на концерт”».

У Мосби, мыслителя, как и у других занятых людей, не оставалось времени для музыки. И поэзия не входила в круг его интересов. Члены конгресса, кабинета министров,

чиновники организации, партийные лидеры, президенты ничем подобным не увлекались. Не могли они быть тем, кем были, и читать Элиота, слушать Вивальди, Чимарозу. Но они рассчитывали, что других музыка и поэзия может радовать, более того, воздействовать на них благотворно. У Мосби, пожалуй, было больше общего с политическими лидерами, начальниками штабов и президентами. Во всяком случае, его мысли они занимали чаще, чем Чимароза или Элиот. Клопоча от злобы, он размышлял об их промахах, об их верхоглядстве. Читал лекции о Локке, чтобы показать, что они собой представляют. Всякая другая власть, кроме власти, полученной путем недвусмысленно выраженной воли большинства, незаконна. Единственным подлинным демократом в Америке (а, возможно, и в мире, хотя кто их там в мире знает: в мире ведь миллиарды и миллиарды умов и душ) был Уиллис Мосби. При том, что манера вести беседу (точнее сказать, допрос) у него была скупая, отстраненная, нетерпимая, фигура худошавая, осанка надменная, аристократическая. Продолговатые темные дыры ноздрей заставляли подозревать недомогания, на преодоление которых требовалась сила воли, подбородок свидетельствовал, что она у него есть. И, наконец, выцветшие глаза.

В высшей степени необычная, хитроумная, алчущая, жаждущая, горестная тварь, именуя себя Человеком, надеется бежать от того, чем в сущности является. И дело не в том, как человек себя определяет в конце-то концов, а в том, как он существует. Но пусть сам скажет, что ему по душе.

Все царства – прах.

Земной навоз, заслуженная пища

Зверям и людям. Жизни высота

Вот в этом.

В этом – то есть в любви. Впрочем, возможно выбрать и нечто иное, столь же возвышенное. Шекспира-то Мосби, по крайней мере, знал. Что и отличало его от президента. О вице-президенте же он отзывался так: «Я б ему не доверил и пилюлю составить. Он и аптекарь-то был никудышный».

Не пьянея он потягивал мескаль, слуга в грубой оранжевой рубашке, отделанной для шика золотыми пуговицами, напомнил ему, что в четыре придет машина – отвезти его в Митлу смотреть развалины.

– Yo mismo soy una ruina^[3], – пошутил Мосби.

Грузный индеец раздвинул губы в улыбке ровно настолько, насколько положено, и невозмутимо, блюдя достоинство, удалился. А может, я напрашивался на комплимент, подумал Мосби. Хотел, чтобы он сказал: кто-кто, а вы не развалина. Но с чего бы вдруг? Ведь кто я для него, как не развалина.

А может быть, легкий юмор – не его жанр. Вместе с тем сам он считал, что определенные роды комического ему даются. И он во что бы то ни стало должен найти способ разбавить сухой отчет об умственных баталиях, которые ему довелось вести. Вдобавок он ведь помнит – и очень хорошо, – что в ту пору в Париже его знакомые один за другим представляли в комическом свете. Тогда ему все виделось именно так. Улица Жакоб, улица Бонапарт, улица дю Бак, улица де Верней, отель де л'Юниверсите – всюду было полным-полно комических персонажей.

Он начал с того, что наметил имя: Ластгартен. Вот кто ему подойдет как нельзя лучше. Хаймен Ластгартен, марксист или бывший марксист из Нью-Джерси. Точнее из Ньюарка. Торговал обувью, был членом самых разных еретических, фанатических, большевистских группировок. Перебывал ленинцем, троцкистом, затем последователем Хьюго Ойлера, затем – Томаса Стамма и, в конце концов, итальянца по имени Салемме, который отошел от политики и стал художником, абстракционистом. Ластгартен тоже отошел от политики. Задался целью преуспеть в коммерции – разбогатеть. Верил: раз он ночами корпел над «Капиталом» и ленинским «Государством и революцией», то обскочет всех в бизнесе. Мы поселились в одной гостинице. Я поначалу не мог взять в толк, чем они с женой занимаются. Но со временем понял. Спекулируют на черном рынке. Тогда это не считалось зазорным. Послевоенная Европа жила так. Беженцы, авантюристы, солдаты. Даже граф де ля Н.-Н. Европу все еще трясло от перенесенных ударов. Новоиспеченные правительства были ненадежными, неустойчивыми. С какой стати считаться с ними. Американские солдаты подавали пример. Ошеломительные махинации. Машины, да что машины, крали целые фабрики, ценности переправляли домой. Американский полковник, – у него была лесозаготовительная фирма – вырубал Черный лес и пересылал в Висконсин. Ну а нацисты – те, естественно, припрятавали добычу, награбленную в концлагерях. Драгоценности спускали на дно австрийских озер. Произведения искусства укрывали в тайниках. Золотые зубы, вырванные в лагерях смерти, переплавляли и вделывали, заливая цементом, в стены домов наподобие кирпичей. Наживали неслыханные состояния, и Ластгартен задался целью нажить такое же. Увы, у него не было для этого никаких данных.

С первого же взгляда становилось ясно, что хищник из него никакой. При всех его связях с крайними революционными группировками и приверженность кровавым доктринам. Готовности – в теории – уничтожить классового врага. При этом Ластгартен не мог постоять за себя, даже если ему хамили в писсуаре. До странности рыхлый, грузный, темнолицый, добродушный, лиловые губы растянуты в ухмылке, лягушачий, с загнутыми углами рот: от ухмылки к ушам тянулись складки – чистые жабры. Не исключено, думал Мосби, что я вспомнил о Ластгартене из-за его сходства с тольтеками, миштеками, сапотеками: приземистый, черноволосый, кончик носа приплюснут, черные ноздри, если на его приветливую улыбку отвечали улыбкой, робко раздувались. И хотя его отвращали порочность, жуть жизни, он не нахраписто, но упорно преследовал цель – урвать свою долю. Он усвоил деловитую замашку – изображал расторопность, решительность, однако чувствовал свою бездарность и оттого в душе дрожмя-дрожал. Не за то взялся. Не то выбрал. Влип. Однако не отступался.

Его разговоры за обеденным столом забавляли меня. Он гордился своей революционной деятельностью – заключалась она по преимуществу в том, что он торчал у мимеографа. Печатал закрытые бюллетени. Тысячи тысяч страниц маловразумительного анализа всех тонкостей доктрины для членов ячейки. Следует ли американскому рабочему классу оказывать материальную помощь лоялистскому правительству Испании при том, что в нем верховенствуют сталинисты и прочие классовые враги и предатели. Необходимо вести борьбу с Франко и равно необходимо вести борьбу со Сталиным. Никакой материальной помощи они, разумеется, оказать не могли по причине отсутствия материальных средств. А все же, если бы средства имелись, следовало ли оказывать помощь? Чисто умозрительная проблема имела следствием раскол, исключение из рядов. Я всегда старался быть в курсе этих любопытнейших сектантских страстей, писал Мосби. Единственную попытку испанских республиканцев купить оружие в США пресек друг свободы Франклин Делано Рузвельт – он разрешил погрузить одно судно, «*Mar Cantabrico*»^[4], но вслед за ним отправил береговую охрану, наказав вернуть судно в порт. Ответственным за такое решение, думаю, был этот гений дипломатии мистер Корделл

Халл, однако приписывают его, разумеется, Ф.Д.Р. – недаром Хьюи Лонг метко обозвал его Франклин Де Ля Ни ну Ни тпру.

Наиболее заковыристые из дискуссий внутри группировок левее левого, материалы для которых изготовлял на мимеографе этот Джимми Хиггинс, истовый пузан, партийный активист мистер Ластгартен, по всей вероятности, велись о финской войне. Споры, и очень ожесточенные, шли по вопросу: может ли пролетарское государство, пусть даже и разложившееся в результате термидора, который последовал за славной пролетарской революцией 1917 года, вести империалистическую войну, совместимо ли это с нашим учением. Империалистические войны может вести лишь буржуазия. Формально сталинизм не может быть империализмом. По определению. А раз так, что же революционной партии следует посоветовать финнам? Оказывать им сопротивление России или нет? Хоть русские и чудовища, зато они экспроприируют земли маннергеймовских белогвардейцев, и хотя этот путь будет мучительным, зато верным с исторической точки зрения. Такие дискуссии, как исследователю разных сект, доставляли мне удовольствие. Однако большинству сектантов подобные тонкости оказались не по зубам. Как-никак они, в конечном счете, были американцы. Прагматики в душе. Да и для Ластгартена они тоже оказались слишком далекими от жизни. Он после войны задался целью стать (ему же это раз плюнуть) богачом. Забрав все свои накопления и, насколько помнится, так рассказывала его жена, материнские сбережения, отправился за границу – наживать состояние.

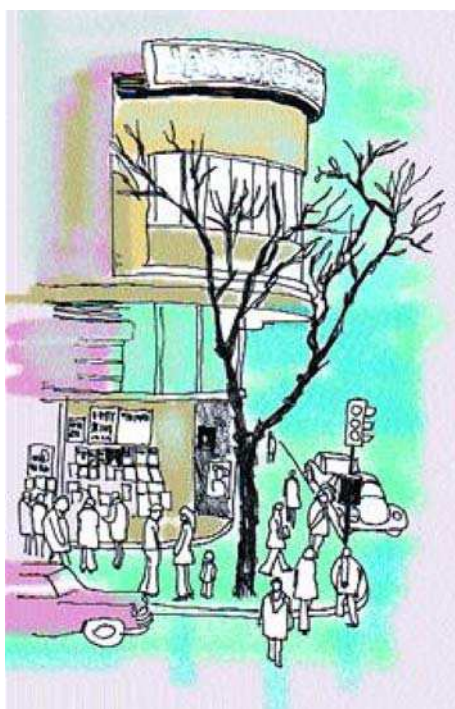
За год потерял все. Его облапошил немец-партнер, этот больше всего. Плюс к тому бельгийские власти поймали его на контрабанде.

Когда Мосби познакомился с ним (Мосби писал о себе в третьем лице, как Генри Адамс в «Воспитании Генри Адамса»), – когда Мосби с ним познакомился, Ластгартен работал на американскую армию, был сотрудником похоронной регистрационной службы. Занимался чем-то связанным с приобретением крестов. Или с уходом за газонами. Благодаря официальному посту Ластгартен имел возможность пользоваться военным магазином. Он поправлял свое финансовое положение нелегальной продажей сигарет. Спекулировал также талонами на бензин – французское правительство нуждалось в долларах, и если ты менял деньги по официальному курсу, выдавало талоны на бензин. Талоны эти сбывались на черном рынке. Ради Ластгартенов, мужа с женой, Мосби раз пошел на это. И обменял доллары в банке, а не у Никожи-Нирожи. Дело, похоже, того требовало. Мосби так понял, что Ластгартену необходимо было немедля выехать в Мюнхен. Он на паях с одним немецким дантистом затеял снабжать зубных врачей материалами, а теперь немец вообще отрицал, что они были партнерами.

Бесконечные переговоры между Ластгартеном (в сидящем на нем, как на корове седло, плаще с погонами – униформе международного авантюриста; голова, шея, плечи по-лягушачьи убегают назад) и его женой, молодой женщиной в блузе английского шитья и черной бумажного бархата юбке, с бархоткой на округлой, пышущей здоровьем шее. Ластгартен втолковывает что-то жене – они стоят друг против друга в круглом зале банка. С него сходит семь потов, пока он разумно обосновывает Трудю одну запутанную подробность за другой. У бедняги Ластгартена терпение на исходе. Он беспомощно разводит руками. Потому что она задает типично женские вопросы или выдвигает возражения, которые он, мучительно сдерживаясь, пытается опровергнуть доводами разума. Беда только, что доводы разума тут ни при чем. То есть по закону Ластгартен не имел права вести дела с немцем. На все договоренности такого рода следовало получить лицензию военных властей.

Партнерство было противозаконным, и, когда оно стало приносить доход, немец кинул Ластгартена. И никакого наказания за это не понес. Германия – от мала до велика – давно уяснила, насколько ограничена в своих возможностях любая цивилизованная карательная система по сравнению с безграничными возможностями преступности. Зал парижского банка, где Ластгартен объяснялся с Труди, был выложен какой-то разновидностью красного порфира. Смахивающего на сырое мясо. Этот цвет у буржуазной Франции, видимо, связывался с представлениями о мощи, мужестве и величии. Во Дворце Инвалидов гробница Наполеона также была из полированного красного камня, колоссальная, затейливых линий, полированная колыбель с жалким зеленым трупиком внутри. (Касательно цвета мы опираемся на свидетельство мсье Ридо, историка бонапартизма.) Что же до живого Бонапарта, Мосби разделял мнение Огюста Конта, что тот был пережитком. Революция была исторически неизбежна. Социально оправданна. С точки зрения политики, экономики – это был шаг на пути к демократизации промышленности. При всем при том драма Наполеона сама по себе – это драма личного честолюбия, феодальных представлений о войне. Более древних, чем феодализм. Более древних, чем Рим. Военачальник впереди войска – ну что тут разумного и как это может служить примером. Обществу, которое стремилось ко все более и более разумной организации, это было ни к чему. Человечество же, напротив, только о том и мечтало. Война – дорогостоящее удовольствие. Стоит понять первую посылку гедонизма, неминуемо признаешь и остальные. Человек не без умысла признает, что в основе современной жизни лежат разумные начала, с тем чтобы отталкиваясь от них, совершать все более непостижимые разумом дикости.

Мосби записывал эти соображения иссиня-зелеными, под цвет местной растительности чернилами – уж не из нее ли их изготавливают. Вот и мескаль изготавливают из зеленых колючек агавы, причудливо-острых, темно-зеленых, мясистых листьев этих растений, покрывающих местные поля.

Доллары, франки, талоны на бензин, банк, смахивающий на залежи бифштексов, в которые вкладывал деньги У.К. Филдс, и робкий, но упорный темнолицый Ластгартен влезал в свой автомобильчик на залитой дождем парижской улице. В Париже тогда автомобили были наперечет. Паркуйся – не хочу. А улицы – уж такие желтые,

серые, выщербленные, унылые. Однако французы и тогда яростно внушали миру, что никто, кроме них, не обладает *savoir-vivre*, тем самым *gai savoir*^[5]. Американцам, скованным протестантской этикой, – вот кому, в первую очередь, следовало это втемашить. Г-споди Ты Б-же мой, да раскинься ты поудобнее, попивай винцо, отломи хлеб, послушай музыку, предайся любви, хватит бежать наперегонки – учись древней житейской мудрости европейцев. Во всяком случае, Ластгартен стянул плащ ремнем, нахлобучил широкополую – такие носили бандиты – шляпу. Скорчился на переднем сиденье. Вцепился изжелта-коричневыми ручками в руль «симки 8» – и какое же отчаяние читалось в его прощальной ухмылке.

– *Bon voyage*^[6], Ластгартен.

Сапотекский нос, зубы белые, как апельсиновые зернышки. Передача взрыгнула, и Ластгартен помчал в разоренную Германию.

Восстановление – дело нешуточное. Уничтожил общество, поистребил население – начинай снова-здорово. Опять наживай состояние. Ластгартен, должно быть, считал, что он, *qua*^[7] – еврей, имеет право обогатиться на немецком буме. Что все евреи – иначе и быть не может – имеют право на всё, что ни есть за Рейном, на землях, утучненных пеплом сожженных евреев. Там на диван не сядешь: а вдруг он набит или обит еврейскими волосами. И немецкое мыло Ластгартен никогда в руки не брал. Мылся – это Мосби узнал от Труды – туалетным мылом из военного магазина.

Труды – она окончила Монтклэровский учительский колледж в Нью-Джерси – знала французский, изучала композицию, лелеяла надежду работать с Надей Буланже или кем-то вроде, но ей пришлось довольствоваться меньшим. Там же, в банке, едва Ластгартен отъехал по мокрой от дождя улице с лихостью, в которой чувствовались и обреченность, и рвущиеся наружу слезы, Труды пригласила Мосби в зал Плейель – послушать чешского пианиста, он должен был исполнять Шёнберга. Пианист с бугристым лысым черепом что есть мочи колотил по клавишам. До слушателей доходило, какую непосильную задачу он на себя взвалил: рожать в муках культуру, сберегать – и ценой каких усилий – искусство в пережившей трагедию Европе, упражняться, не давая себе поблажки, с утра до вечера – и более ничего. Труды очень мило выглядела на концертах. От нее приятно пахло. Она светила. Один ее глаз вечно куда-то убегал с левой половины лица. Жестосердый Мосби насмехался над плотью и кровью, над этими людишками с их небогатым арсеналом добра и зла. Беднягой чехом в блейзере с чеканенными пуговицами, на чьем лбу в укор *tabula rasa*^[8] – голому черепу – взбухали шишки.

В таких случаях Мосби умел отключаться. Не слушать рояль. Продолжать думать о Конте, Бегоуне, старых священниках и ратниках феодальных времен! Вперед с теологией и метафизикой наперевес! А в эпоху полного огосударствления просвещенная женщина выйдет на арену и сыграет свою роль – проследит за тем, чтобы правители нового общества не злоупотребляли властью. Над Трудом, этим Высшим Благом.

Мексиканские пташки, усеявшие деревья, смотрели на Мосби, и колибри, аккуратненькая – перышко к перышку – содрогалась, крохотулечка, в порыве страсти, и ящерка на земле упивалась солнцем, подставив брюшко лучам. Благословить малых тварей – воистину доброе дело, во всяком случае, почитается таковым.

Да, Ластгартен был персонаж комический. В Германии его облапошили, партнер его кинул, в похоронной службе его никак не повышали, и он решил везти во Францию «кадиллак». «Кадиллаки» пользовались большим спросом у послевоенных скоробогачей. Французское правительство раскачивалось медленно и не успело ничего предпринять, чтобы воспрепятствовать ввозу с целью перепродажи. В 1947-м налог на такие сделки еще не ввели. Ластгартен упросил ньюаркскую родню переслать ему новый «кадиллак». Его брат, мать и материнский брат собрали для этой цели тысячи четыре долларов. И переправили ему «кадиллак». На него уже имелся покупатель. Он выплатил аванс. Ластгартен рассчитывал получить за «кадиллак» двойную цену. Вот только в тот самый день, когда машину выгрузили в Гавре, ввели новые правила. Из-за них «кадиллак» нельзя было продать. Ластгартен прокололся. У него не было даже денег на бензин. В один прекрасный день Ластгартены переселились – тому были свидетели – из гостиницы в машину. Миссис Ластгартен ушла жить к друзьям по музыкальным интересам. Мосби предложил Ластгартену пользоваться его умывальником, чтобы тот мог поутру умыться и побриться. Ластгартен явно надломился: побитый, павший духом, в ужасе – наконец-то – от своих афер, по утрам он соскребал щетину с робким, точно стрекот сверчка, скрипом и вздыхал. Такие деньжищи – сбережения матери, пенсия брата. Ничего удивительного, что глаза его обвела синева. И улыбка его смахивала на саше вековухи, положенное в приданое: саше давно выдохлось, а приданое так и не понадобилось. Однако длинный рот Ластгартена, рот земноводного, по-прежнему растягивала улыбка.

Мосби понимал, что должен испытывать сострадание. Однако не мог, не кривя душой, сказать, что когда он проходил ночью мимо закрытого сверкающего автомобиля, где Ластгартен спал, накрытый двумя пальто, скрючившись на роскошном сиденье, как Иона во чреве кита, его вид рождал жалость. Скорее мысли о том, что этот торговец башмаками, в Америке – приверженец завозных доктрин, заявивший в Новом мире свои права на Европу, теперь, в Париже, ночует в «кадиллаке», и прибежищем ему служит роскошный корпус производства детройтской компании, владение клана Фишеров. В Америке – чудик, в Европе – янки как янки. Время его ушло. Он и сам это понимал. И тем не менее, в общем и целом верил, что опередил свое время. Был первопроходцем. К примеру, он говорил не без самодовольства, что французы лишь сейчас повернулись к марксизму. Он-то им переболел много лет назад. Да что они знают, эти люди, – ничего! Спросите их про шахтинских инженеров! Про ленинский принцип демократического централизма! Про московские процессы! Про «социальный фашизм»! Ничего-то они не знают. Когда революцию окончательно и бесповоротно предали, европейцы вдруг возьми да и открой для себя Маркса и Ленина. «Эврика!» – говорил он, и голос его срывался криком. А что за этим стоит – холодная война, вот что. Проиграй ее Америка – французские интеллектуалы тут же перекинутся на сторону России. Победы Америка – они по-прежнему будут пользоваться всеми свободами и могут под защитой Америки позволить себе крайний радикализм.

– Ты говоришь как патриот, – сказал Мосби.

– Что ж, на свой лад я и есть патриот, – сказал Ластгартен. – Но я стараюсь быть беспристрастным. Иногда я говорю себе: «Ластгартен, если бы ты мог посмотреть на этот мир со стороны, если бы ты мог отрешиться от своего человеческого естества, что бы ты думал о том, о сем?»

- Объективная истина?
- Ну да, она самая.
- А что ты намерен делать с «кадиллаком»? – спросил Мосби.
- Отправлю его в Испанию. Мы можем продать его в Барселоне.
- А как ты его туда доставишь?
- Через Андорру. Все улажено. Его поведет Клонский.

Клонский, бельгийский поляк, жил в той же гостинице. Он был одним из сообщников Ластгартена, природный прохвост, по мнению Мосби. Курчавые волосенки, глаза, как греческие маслины, в сетке морщин, низ лица, как у кота. Ходил он в высоких сапогах с отворотами.

Едва Клонский отбыл в Андорру, Ластгартен получил предложение продать «кадиллак» на самых выгодных условиях. Утрехтский предприниматель хотел получить «кадиллак» немедленно – акцизные сборы и хлопоты, с ними связанные, брал на себя. У него были все необходимые *tuiaux*^[9], своя рука везде и повсюду. Ластгартен дал Клонскому телеграмму в Андорру, просил ничего не предпринимать. Вскочил на ночной поезд, забрал свой «кадиллак» и тут же покотился назад. Нельзя было терять ни минуты. Так как Ластгартен сидел ночь напролет без сна на *rapide*^[10], пиренейская теплынь его разморила, и он заснул за рулем. Как рассказывал позже Ластгартен, ему повезло: машина поползла вниз по склону и наткнулась на каменную ограду, а иначе бы как пить дать слетела под откос. Его разбудил грохот – он был всего на шаг-другой от гибели. Машина разбилась. Она не была застрахована.

И тем не менее губы Ластгартена, когда он подходил к столику Мосби в кафе на бульваре Сен-Жермен – одна рука в повязке, в другой палка, – губы его кривила слабая улыбка. Он снял шляпу, обнажив блестящую черную шевелюру. Попросил разрешения положить поврежденную ногу на стул.

- Я не помешаю вашему разговору? – осведомился он.

Мосби беседовал с Аьфредом Раскиным, американским поэтом. Раскин, хоть у него и не хватало нескольких передних зубов, говорил скороговоркой, но притом очень

четко. Прелестный был человек. Неисправимый теоретик. Он, к примеру, говорил, что Франция своих поэтов, сотрудничавших с немцами, расстреляла. Америка, так как поэтов у нее было не густо, поместила Эзру Паунда в больницу Святой Елизаветы. Далее Раскин заявил, – Ластгартен он, можно сказать, не замечал, – что у Америки нет истории, что как общество она вне истории. Доказательства он черпал из Гегеля. Согласно Гегелю история – это история войн и революций. В Америке была всего одна революция да и войн – раз-два и обчелся. Следовательно, она исторически пуста. Практически – вакуум.

Раскин тоже ходил к Мосби в гостиницу – пользоваться его удобствами: брезговал уборной в своем обиталище – оно располагалось в населенных алжирцами закоулках левого берега. Выходя из ванной, он неизменно первой же фразой заявлял тему беседы:

– Я понял, в чем главная ошибка Кьеркегора.

Или:

– Паскаля ужасало безмолвие пространства, Валери говорил, что разница между безмолвием безграничного пространства и пространства в бутылке лишь количественная, а количество, в сущности, ужасать не может. А как по-вашему?

– Мы ведь не в бутылке живем, – отвечал Мосби.

Когда Раскин ушел, Ластгартен сказал:

– Кто этот парень? Он тебя выставил на кофе.

– Раскин, – сказал Мосби.

– Так это и есть Раскин?

– Да, а что?

– Мне рассказали, что моя жена, пока я лежал в больнице, хороводилась с Раскиным.

– Я бы не стал верить сплетням, – сказал Мосби. – Выпили по чашке кофе за компанию, ну там по аперитиву.

– Когда человеку не везет, – сказал Ластгартен, – редкая женщина плюс к тому не устроит из его жизни ад.

– Мне очень жаль, – сказал Мосби.

Затем, – как вспоминал Мосби в Оахаке, отодвигая с солнцепека свой стул, он и так побагровел: как ни дико, но казалось, что его лицо, кости, глаза, все его существо, истомились от жажды, – Ластгартен сказал:

– Что я пережил – не передать.

– Нисколько не сомневаюсь, Ластгартен. Страшное дело.

– Вместе с машиной рухнула моя последняя ставка. Пострадала вся моя семья. Где-то даже жаль, что я не погиб. В таком случае страховка, по крайней мере, покрыла бы потери моего младшего брата. Ну и мамы, и дяди, само собой.

Мосби не любил, когда мужчины плачут. Сидеть смотреть на эти муки – увольте. Неумение владеть собой ему было отвратительно. Хотя, по всей вероятности, сама сила этого отталкивания могла бы сказать Мосби кое-что и о его собственном нравственном складе. По всей вероятности, Ластгартен не хотел обнаружить свое горе. Или пытался совладать с волнением: молчание Мосби, суровое, хоть и не лишнее сочувствия, говорило о том, что такое поведение ему не по душе, Мосби по своим склонностям тяготел к Сенеке. Во всяком случае, его восхищало мужество испанцев – varonil^[11] Лорки. Clavel varonil – дерзкая красная гвоздика, четкая, классически строгая, благородная сдержанность.

– Я так понимаю, ты сдал машину в утиль?

– Клонский обо всем позаботился. Послушай, Мосби, с этим покончено. В больнице я думал, читал. Меня поманила сюда нажива. Что-то вроде золотой лихорадки. Сам не понимаю, что на меня нашло. Мы с Труды всю войну сидели сиднем. Для армии я был уже стар. Так что нам, и мне, и ей, хотелось дать выход накопившейся энергии. Ей – в музыке. Или в жизни. Коловращения. Ты же понимаешь, в Монтклэровском учительском колледже она мечтала, что придет и наш час. Мне хотелось, чтобы у нее все получилось. Чтобы она попала в струю или как там. Но суть в том – и лежа в больнице, я это понял, – что я свернул со своего пути. Я – социалист. Идеалист. Читая про Эттли, я понял, где мое место было и есть. Осознал, что мое призвание, как и прежде, политика.

Мосби хотел было сказать:

– Вот уж нет, Ластгартен. Твое призвание – качать смуглых детишек. Возить их на закорках, играть с ними в лошадки. Няничиться с ними, еврейский ты папашка.

Но ничего не сказал.

– И еще я читал, – сказал Ластгартен, – о Тито. Не исключено, что Тито – это и есть подлинная альтернатива. Возможно, надежда для социализма где-то посередине между лейбористской партией и югославской разновидностью государственного правления. Я, понял, что просто обязан, – сказал Ластгартен, – исследовать этот вопрос. Я подумываю поехать в Белград.

– В качестве кого?

– Кстати, вот тут-то и ты мог бы подействовать, – сказал Ластгартен. – Если б согласился. Ты же не просто ученый. Ты, мне сказали, написал книгу о Платоне.

– О «Законах».

– И другие книги. Но ты вдобавок еще и хорошо знаешь движение. Самых разных людей оттуда. У тебя каналов связи побольше, чем у телефонного узла.

Ох уж эти ходячие фразочки сороковых.

– Знаешь ребят из «Нью Лидера»?

– Я таких газет не читаю, – сказал Мосби. – Я ведь в сущности консерватор. Не из гнилых, как ты их назвал бы, либералов, а махровый консерватор. Я. знаешь ли, пожимал руку Франко.

– Ей-ей?

– Вот этой самой рукой я пожимал руку каудильо. Хочешь ее потрогать?

– С какой стати?

– Давай-давай, – сказал Мосби. – Какой-никакой, а знак. Пожать руку, пожимавшую руку.

После чего Ластгартен вдруг протянул ему пухлую смуглую руку. Видно было, что он и лукавит, и ему не по себе. Ухмыльнувшись он сказал:

– Наконец-то я соприкоснулся с настоящей политикой. Но насчет «Нью Лидера», это я серьезно. Ты, небось, знаешь Бона. Для поездки в Югославию мне понадобится удостоверение.

– Тебе доводилось писать для газет?

– Писал для «Милитанта».

– И о чем же ты писал?

Припертый в угол, Ластгартен врал неумело. И со стороны Мосби было жестоко так забавляться.

– У меня где-то хранятся вырезки, – сказал Ластгартен.

Однако писать в «Нью Лидер» не понадобилось. Мосби встретил Ластгартена два дня спустя на бульваре рядом с колбасной – он снял повязку и практически обходился без палки.

Ластгартен сказал:

– Еду в Югославию. Получил приглашение.

– От кого?

– От Тито. От правительства. Они разослали приглашения своим сторонникам – посетить Югославию в качестве гостей, поехать по стране, посмотреть, как они строят социализм. Знаю, знаю, – поспешил добавить он, предвидя, что Мосби уличит его в отступлении от основного положения доктрины, – социализм в одной стране не строят, однако ситуация изменилась. И я, ей-ей, верю, что Тито сможет возродить марксизм, преобразовав диктатуру пролетариата. А это возвращает меня к моей первой любви – радикальному движению. По натуре я не предприниматель.

– Похоже на то.

– У меня появилась надежда, – робко сказал Ластгартен. – Ну и потом скоро весна. – Помимо тяжелой мохнатой шапки грязно-коричневого колера, с которой он никогда не расставался, на нем было напялено множество других примет нескончаемой зимы. Он ждал воскрешения. Предоставлял возможность милосердию жизни явить себя. Однако не исключено, думал Мосби, что такому человеку, как Ластгартен, и не суждено – разве что сверхъестественные силы вмешаются – найти себя.

– К тому же, – добавил Ластгартен, растрогав Мосби, – это даст Трудю возможность передумать.

– Так вот как у вас обстоят дела? Извини.

– Я хотел бы взять ее с собой, но югославов не уговорить. Приглашают лишь известных людей. Сдается мне, они хотят произвести впечатление на радикалов. За рубежом. Планируются семинары по диалектике и тому подобное. Я такое люблю. Но это не для Трудю.

На патио Мосби недрогнувшей рукой ухватил щипцами кусок льда, подлил мескаля, приправленного *gusano de maguey* – изысканного вкуса то ли червем, то ли улиткой. Он остался доволен тем, как написал о Ластгартене. На этом этапе очень важно открыть новые, более глубокие пласты. Предыдущие главы страдали тяжеловесностью. Он высказал много идущих вразрез с общепринятыми соображений о современном состоянии политической теории. Об изъянах доктрины консерваторов, о нехватке в Америке консервативных альтернатив, противовеса натиску либерализма. Как человек, лично положивший немало усилий на то, чтобы отягчить жизнь нерадивых интеллектуалов, отучить их работать спустя рукава, четче обосновать различные категории политической мысли, он сознавал, что результатов как на правом, так и на левом фланге, практически нет. Возвращенные в американских колледжах остолопы рвались – ничего бредовой и придумать нельзя – создать заправское левое движение по европейскому образцу. Они и сейчас о нем мечтают. И у правых идиотов замыслы ничуть не менее бредовые. На асфальте розу не вырастить. В собственных же учениках правых воззрений Мосби давно разочаровался. Красоваться на телеэкранах – единственное, на что они годны. Работать крутых парней в программах Саскинда. Стиль учителя – элегантная язвительность, безупречная логика, скрупулезная точность, аргументы, беспощадно разящие противника, – у них обернулся довольно-таки поверхностными приемчиками в духе Ноэля Коурда. Неподдельная же, самобытная манера Мосби вызывала ненависть к Мосби, стоила Мосби увольнения. Принстонский университет предложил Мосби немалый куш с условием, что он выйдет на пенсию за семь лет до срока. Сто сорок тысяч долларов. А все потому, что его способ вести беседу нарушал – и как! – спокойствие ученых мужей. Мосби, в отличие от них, ни в какие телевизионные программы не приглашали. Он был как партизан времен гражданской войны. Застигал врасплох и разил всех подряд. Мосби внимательнейшим образом изучал мемуары Сантаяны, Мальро, Сартра, лорда Рассела и других. Как ни прискорбно, ни один из них не всегда и не во всем велик. Люди мысли, посвятившие жизнь мысли, люди, изо всех сил старавшиеся побороть бестолковщину общественной жизни, подчинить ее хоть в какой-то мере власти интеллекта, выдвинуть идеи, которые могли бы спасти человечество или оказать ему помощь путем разумных советов с тем, чтобы оно само спасло себя, ни с того ни с сего превращались в полных оборотов. Предлагали убивать всех подряд. Сартр, к примеру, призывал русских бросить атомные бомбы на американские базы в Тихом океане, потому что Америка в это время вела себя, по его мнению, безобразно. Мало того, он еще подбивал чернокожих резать белых. И это философ, посвятивший жизнь этике! Или взять Рассела – пацифист во время первой мировой войны, после второй мировой призывал Запад уничтожить Россию.

Вдобавок порой в своих мемуарах – может быть, у него тогда уже был маразм – он до странности непоследователен. Когда над Лондоном сбили «цеппелин», из него попадали немцы, и жестокие люди на улицах бурно радовались, Рассел плакал, и не утешь его в ту ночь в постели красивая женщина, он бы просто не пережил такого бессердечия человечества. Опустил Рассел лишь одно: эти самые немцы, попадавшие из «цеппелина», прилетели бомбить Лондон. С тем, чтобы стереть с лица земли жестоких прохожих, уничтожить влюбленных. От Мосби это не укрылось.

Имелись все основания уповать – мескаль клонил его к высокому стилю, – что Мосби не постигнет обычная участь интеллектуалов. Вставная новелла – история Ластгартена – должна помочь. Обуздание гордыни смехом.

У него в запасе еще двадцать минут, потом приедет шофер – повезет туристов в Митлу, смотреть развалины. А пока Мосби может дальше рассказывать о Ластгартене. Добавить, что в сентябре, когда тот объявился вновь, вид у него был – хуже некуда. Он похудел килограммов на двадцать пять, не меньше. Обуглился от солнца, весь пошел морщинами, костюм его обтрепался, покрылся пятнами, глаза гноились. Он сказал, что все лето маялся животом.

– Чем же они кормили знатных иностранцев?

И Ластгартен, устыженный, разо

биженный, – осунувшиеся лицо и воспаленные глаза были материализовавшимся свидетельством духовного опыта, который у Мосби доньше отнюдь не связывался с Ластгартеном, – сказал:

– Каких там знатных иностранцев – кандальников. Нас использовали на каторжных работах. Я попал впросак. Решил, что мы будем их гостями, как я тебе и говорил. Оказалось, мы едем в качестве иностранных добровольцев на стройку. Из нас сформировали бригаду. Для работы в горах. Побережья Далмации я и в глаза не видел. Даже ночи мы, по большей части, проводили под открытым небом. Спали на земле, ели всякую дрянь, жаренную на прогорклом масле.

– Почему же ты не убежал? – спросил Мосби.

– Как? Куда?

– Вернулся бы в Белград. В американское посольство хотя бы.

– Как я мог? Они же меня пригласили. Я приехал за их счет. Обратный билет хранился у них.

– А что, денег у тебя не было?

– Шутишь? Ни гроша. Маке

дония. Неподалеку от Скопье. Клопы кусают, живот подводит, ночь напролет бегаешь в сортир. День-деньской надсаживаешься на дороге, к тому же глаза залеплены гноем.

– Что ж, у них и первой помощи не было?

– Первая может и была, только помощи от нее никакой.

Мосби счел за благо не говорить с ним о Труды. Она развелась с Ластгартеном.

Из сострадания, из чего же еще.

Мосби качает головой.

Отощавший Ластгартен с достоинством, дотоле ему не присущим, удаляется. Похоже, Ластгартена самого забавляли его сшибки как с капитализмом, так и с социализмом.

Конец? Нет, еще не конец. Был и эпилог: композиция у этой истории – лучше не придумать.

Ластгартен и Мосби встретились вновь. Пять лет спустя. Мосби входит в Нью-Йорке в лифт. Скоростной лифт поднимает его на сорок седьмой этаж, в банкетный зал фонда Рейнджли. В лифте, кроме него, еще один человек – и это Ластгартен. Рот растянут в ухмылке. Такой же, как прежде, снова в теле.

– Ластгартен!

– Уиллис Мосби!

– Как поживаешь, Ластгартен?

– Лучше не бывает. Преуспеваю. Женат. Дети.

– Живешь в Нью-Йорке?

– Ни за что бы не вернулся в Штаты. Это ж ужас что такое. Страна не для человека. Приехал ненадолго.

Лифт, где были лишь мы с Ластгартеном, ровно, плавно, мощно – ни свет ни разу не гас, ни кабину ни разу не потрянуло – возносил нас ввысь. Ластгартен ничуть не изменился. Сильные выражения, слабый голос, сапотекский нос, под ним – лягушачий оскал, добродушные складки-жабры.

– Куда направляешься?

– В «Форчун», – сказал Ластгартен. – Хочу продать им одну тему.

Он сел не в тот лифт. Этот в «Форчун» не поднимал. Я ему так и сказал. Возможно, и во мне не произошло особых перемен. Голос, уже много лет указывающий людям на их ошибки, произнес:

– Тебе придется спуститься. Твой лифт в другом отсеке.

На сорок седьмом этаже мы вышли вместе.

– Где ты обосновался?

– В Алжире, – сказал Ластгартен. – У нас там прачечная самообслуживания.

– У вас?

– У нас с Клонским. Помнишь Клонского?

Они вступили на путь закона. Стирали бурнусы. Ластгартен женился на сестре Клонского. Он показал мне ее фотографию. Вылитый Клонский, лицом – кошка и кошка, курчавые волосы нещадно прилизаны, глаза, как на картинах Пикассо: один выше, другой ниже, острые зубы. Такие зубы должны бы видаться в кошмарах дремлющим в утесах рыбам, мучь их кошмары. Детки тоже – более юные копии Клонского. Ластгартен носил их карточки в сафьяновом бумажнике. Он расслаился, и Мосби понял, что гордость успехом была для Ластгартена наркотиком, суррогатом блаженства.

– Мне пришло в голову, – сказал Ластгартен, – что «Форчун» может заинтересовать статейка о том, как мы добились успеха в Северной Африке.

После чего мы снова протянули друг другу руки. Я – руку, пожимавшую руку Франко, он – руку, выпустившую во сне руль «кадиллака». Двери залитой светом клетки открылись. Он вошел в лифт. Двери закрылись.

Потом, как и следовало ожидать, алжирцы выставили французов, вышвырнули евреев. И еврейскому папашке Ластгартену пришлось выметаться. В отцовство он вкладывал всю страсть души. Он обожал своих детей. Платон такого рода чадолюбие считал низшей формой творчества.

Так-то оно так, думал Мосби под воздействием мескаля, и тем не менее мое рождение можно считать результатом взаимодействия друг с другом членов комитета в составе двух человек.

Обособясь от всего, он хоть и отдавал себе отчет в том, что машина пришла, лоснящийся экипаж готов отвезти его в Митлу, не преминул, созерцая полуденные горы, записать вот что:

Покуда он не вырос,

Его нянчили,

Песенки пели, дули на кашу,

тетешкали,

Раздевали,

Уносили, сонного, в спальню,

Ему вспоминается на берегу пруда

Солидный пупок отца,

Его соски выглядывают из мохнатой

поросли, точно глаза собаки,

Материнские ляжки оплели,

точно лианы, синие вены.

А когда они ушли на покой –

вечный покой,

Он стал самостоятельным

И кое-чего – хоть и не слишком

многого – добился

И тем не менее он сидит себе

в Мексике,

Покуривает и глядит на темные горы,

Чьи тучные ущелья

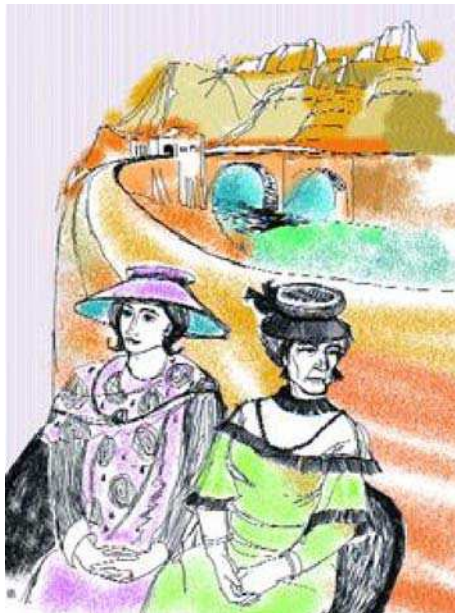
Скатываются

По черепам череды поколений.

В машине с ним ехали две валлийки. Одна совсем дряхлая, сухопарая. Этаким Веллингтон путешествующих дам. Было в ней что-то и от С. Обри Смита, актера, неизменно командовавшего полками гуркхских стрелков в фильмах об Индии. Крупный нос, волевой подбородок, сложенная гармошкой губа, внушительные усы. Вторая была помоложе. У нее намечался второй подбородок, но щеки круглились, а в темных глазах искрилась насмешка. Обе – дамы что надо. Достойные – точнее не скажешь. Типичные англичанки. Как многие американцы, Мосби был не прочь походить на англичан. Да, валлийские дамы пришлись ему по душе. А вот гид не понравился. Много о себе понимает. С пухлыми кирпичного цвета, цвета керамики щеками. И машину он гнал слишком быстро.

Первую остановку они сделали в Туле. Вышли обследовать пресловутое Тульское древо в церковном дворе. Этот памятник растительной силе – зеленый кипарис с причудливо изогнутым стволом двух с гаком тысяч лет, чьи корни уходили в дно исчезнувшего озера, был старше святынь этого маленького бугорка – сплошь белизна и сумрак, – этой прелестной сельской церквушки. В пыли уютно прикорнул пес. Кошунственно. Но непредумышленно. Дама постарше, повязав голову косынкой, бестрепетно, но не дерзостно, вошла в церковь, ее затрудненное коленопреклонение было исполнено подлинным чувством. Надо полагать, христианка. Мосби пронизал взглядом Тульское древо. Да это же целый мир! В нем могла бы расположиться не одна община. Вообще-то, если он не забыл Джеральда Херда, в идее существовало некое изначальное древо, где жили наши пращуры – эти людские орды селились на таких вот приманчивых,

пестрых, поместительных, прекрасных без изъяна растительных организмах. Факты, похоже, ни в коей мере не подтвердили золотой миф о всеобщем рае. Первый человек, по всей вероятности, носился по земле до жути буйный и убивал все и вся на своем пути. И тем не менее эта мечта о благодати, тяга к ладной жизни на древе – уже немалое достижение для потомков стольких поколений убийц. Древо, подумал Мосби, для меня может быть святыней, церковь – нет.

Ему не хотелось уезжать. Он мог бы поселиться на этом древе. Поближе к кроне, конечно. Ниже на тебя будут падать нечистоты. Однако валлийские дамы уже сидели в машине, и настырный гид давил на клаксон. Ждать по такой жаре тяжело.

Дорога на Митлу пустовала. Над землей струилось марево – пейзаж красиво волнился. Водитель знал геологию, археологию. Безжалостно закидывал информацией. Уровень грунтовых вод, карстовые пустоты, триасовый период. Довольно сведений, помилосердствуй! Хватит донимать меня подробностями. Мне и те, что я знаю, вряд ли пригодятся! Но вот и Митла. Правая развилка вела в Теуантепек. Левая – в Город Душ. Старая миссис Парсонс (Элси Клуз Парсонс – у Мосби был безотказный способ извлекать факты из памяти) практиковалась здесь в этнографии, изучала на этих прокаленных солнцем улицах – саманные домишки и гниющие фрукты – обычаи индейцев. В тени стоял густой – не продохнешь – запах мочи. Долговязая свинья рвалась с привязи. Свиноматка. Она стояла к нему задом и приметливый Мосби различил розовую женскую дырку. Земной навоз, заслуженная пища зверям и людям.

При всем при том здесь сохранились потрясающие храмы, можно сказать, в полной целости. Этот город испанские священники не разрушили. Прочие, все без исключения, они сравняли с землей, построили на их же месте церкви, из их же камня.

Рынок для туристов. Грубые бумажные платья. Индейские вышивки, развешанные под мучнистыми брезентовыми навесами, пыль, оседающая на местной керамике, черных саксофонах, черных подносах муравленой глины.

Идя следом за английскими путешественницами и гидом, Мосби не в первый раз предавался диковинной, замысловатой игре воображения. Представлял, что он умер. Уже давно. Тем не менее продолжает жить. Обречен прожить жизнь до конца, как Мосби.

В воображении это значило пройти сквозь чистилище. Когда же он умер? Да в автомобильной катастрофе, много лет назад. Он тогда подумал: чудом пронесло. Обе машины разбились. Реальный Мосби погиб. Однако другого Мосби вытащили из машины. Полицейский спросил:

– Уцелел?

Да, уцелел. И пошел прочь от искореженной машины. Но ему еще предстояло пережить все – шаг за шагом, минута за минутой. Сейчас же он слышал, как болботит попугай, и дети клянчили у него подачки, и женщины навязывали свой товар, и ботинки его покрывала пыль. Он работал над мемуарами и разбавил их занятными эпизодами из жизни комического персонажа – Ластгартена. В манере сэра Гарольда Николсона. Куда менее отточенными, отрицать не приходится, однако написанными согласно определенным правилам – дипломатично, с высокомерной иронией. Впрочем, кое-какие подробности он опустил. Мосби подстроил, к примеру, так, чтобы Труди видели в обществе Альфреда Раскина. Потому что, когда Ластгартен пересекал Рейн, Мосби ублажал Труди в постели. В отличие от прекрасной подруги лорда Рассела, она не вознаградила Мосби за те бедствия, которым он (интеллектуал как-никак) противостоял. Но Мосби не склонял Труди оставить Ластгартена. С какой стати он будет вмешиваться. Тем не менее, его отношение к Ластгартену, комическому для Мосби персонажу, передалось Труди. Быть женой комического персонажа – ну уж нет. Но он же комический, ей-ей, комический персонаж! Ластгартен, подобно Наполеону, по мнению Конта, был пережитком. Недотепа, он силился стать гигантом, Наполеоном – ни больше, ни меньше, заработать миллионы, покорить Европу, нажить большие капиталы на крахе Гитлера. Непродуманные, банальные перепевы старых идей, вдобавок начисто бесперспективные, Б-г знает зачем Ластгартен появился на свет. А уж комичен он был донельзя. Впрочем, Труди тоже была комичная. Один ее огромный живот чего стоил. Бывают – чего только не бывает – особи, родившиеся от двойного оплодотворения, так вот, в них содержится то ли недоразвитый брат, то ли сестра в зародышевой форме, зачастую всего-навсего в виде добавочного органа, рудиментарного глаза в ноге или почки, а то и ноздри где-нибудь на спине, поэтому у Мосби нередко закрадывалась мысль: уж не сестричка ли у Труди в животе. Он трактовал Труди как шутиху. При этом он ее не презирал, вовсе нет. Напротив, она ему нравилась. Один ее глаз, казалось, куда-то убегает с левой половины лица. Душиться она не умела. Ее атональные композиции были дурацкими.

В ту пору Мосби имел привычку выставлять людей в смешном виде.

– Почему?

– Да потому, что испытывал в этом потребность, – вот почему.

– Почему?

– Да потому!

Гид объяснял, что здания возводились без применения цемента. Математические расчеты жрецов были безупречны. Каменные глыбы вытесывали с абсолютной точностью. Сколько веков уж прошло, а и сегодня между ними не просунуть даже лезвия бритвы – так плотно они пригнаны. Геометрических форм глыбы уравниваются собственным весом. Здесь жили жрецы. Стены были окрашены. Краску добывали из кошениля, иначе говоря червеца, что живет на кактусах. Вот и алтари. Публика сидела там, где ты стоишь. Жрецы орудовали обсидиановыми ножами. Красивые

юноши играли на флейтах. Потом флейты ломали. Окровавленный нож вытирался о голову палача. Волосы, должно быть, слипались. А вот и гробницы знати. Ступени уходят под землю. Сапотеки переняли такой ритуал жертвоприношения уже в поздний период у ацтеков.

Однако до чего же боевая старуха, эта валлийка. Любо-дорого посмотреть. Спускались ли они в подземелья, поднимались ли наверх – она обходилась без посторонней помощи.

Разумеется, легким человеком, любезным всем и каждому, тебе не стать. Нельзя себя к этому понудить, не взвесив, на что идешь. На выполнение поставленных задач – и не думай отказаться, на забвение своих правил – и не думай заартачиться, на чудовищные – калечащие – тиски долга. Такие обязательства уродуют людей. Этот руководит шпионами. Тот – заказной убийца.

Мосби воскресил – надо же как-то облегчить тяжеловесность мемуаров – этакого Ластгартена, который Б-г весть зачем появился на свет. Но сам-то он, Мосби, тоже особь статья, готовый продукт, – вот он стоит, палимый солнцем, на каменных глыбах, на ступенях, ведущих в подземелье, – сложившийся субъект. Он все сделал, чтобы сложиться таким вот – дальновидным, угрюмым, жестоковымым, несообразным. Отрешившись от всего человеческого, он должен был бы обрести Б-га.

Станется ли это?

Но когда от такого отрешись – что за Б-га ты обретешь?

Меж тем, их уже вели в подземелье, к гробницам. Путь к ним преграждала массивная решетка – ворота. Каменные глыбы угнетали своей величиной. В склепе стояла духота. Мосби был подавлен. Напуган. Пахло сыростью. По искусному зигзагообразному орнаменту стен тянулись тоненькие трубочки дневного света. Там-сям стояли плоские ящики с известью – впитывали сырость. Сердце не хотело биться. Легкие отказывали. Г-споди! Я задыхаюсь. Что если здесь заточат! Что, если здесь умрешь! Допустим, так и будет! Притом, не как в тех несчастных случаях, что обрывали, хоть и не вполне, твои дни. Умереть – так умереть. Нагнувшись, он поискал глазами, не просачивается ли дневной свет. Да, вот он тут. Милосердие жизни все еще тут. Ну а не милосердие, так хотя бы воздух. Следуй, пока в силах, своим путем.

– Мне надо выйти, – сказал он гиду. – Дамы, мне очень трудно дышать.

Í áðíáñ ä ñ áí äëëéñéíã È. Ááññ äëí äí é

Èç ñáí ðí èëá

«Mosby's Memoirs and Other Stories»

^[1] *Çáññé ññáðñí (òðáí ö.)*

^[2] *Í ðí ä éáóáé Òðáí öèè (òðáí ö.)*

^[3] *B é ñáí ðáçáñééí á (èññ.)*

^[4] *Èáí ðááðééñéí á í ðá (èññ.)*

^[5] *Çáññé èñéóññóáñí æéòü.. äññéñí èñéóññóáñí. (òðáí ö.)*

^[6] *Áíáðñã í óòè. (òðáí ö.)*

^[7] *Èáé (éàò.)*

^[8] *×éñòíé äññéá (éàò.)*

¹⁰⁹ Çããũ ñãê èíòí-íèè èíóíòí àòè.

¹¹⁰ Çããũ ñèíòí (ííàçã) (òðáí ò).

¹¹¹ Çããũ ààçíòù (èñí).

ОППЕНГЕЙМЕР

Ī ādēōī Ēāī āī

Āēāā i'ādāy

Ādāō ē īāīō dā

Веселая музыка гремела в просторном празднично убранном зале. По блестящему полу скользили в танце десятки разодетых пар. Вся знать города Гейдельберга, включая придворных и августейших особ, была приглашена на этот грандиозный бал, проходивший во дворце начальника штаба герцога Гейдерсдорфа. Само собой, командующий не преминул пригласить и своих офицеров. Военные в летах явились в сопровождении жен и детей. Среди прочих женщин особенно выделялась своей красотой и великолепием супруга начальника штаба – прекрасная Фиола.

Двое офицеров, чьи раны, не так давно полученные в турецкой кампании, мешали им принять равное участие в общем веселье и танцах, оперевшись на подоконник, с завистью разглядывали танцующих со стороны.

— Ко всем чертям! – воскликнул один из них. – Что ты думаешь о головокружительном взлете нашего начальника штаба? Ты только погляди, какую красотку он себе отхватил! Такой еще молодой и уже в таком чине, да мало того – провидение послало ему прекраснейшую среди жен! Не знаешь, случайно, дружище, кто она, откуда?

– Сие весьма деликатный случай, обсуждение которого здесь отнюдь не поощряется, – отвечал второй предостерегающим тоном. – И если ты хочешь быть у герцога в фаворе, лучше свое любопытство поумерь.

– Пока что ты его только излишне разжигашь! Скажи мне, наконец, каково ее происхождение?! Я слышал, герцог привез ее из Италии и что она дочь какого-то графа.

– Гм... Я тоже слышал эту сказку. Как тебе, вероятно, известно, жывал я там и довольно недурно выучился по-итальянски. Так вот, недели две назад попытался я заговорить с герцогиней на ее родном языке, и она не поняла ни слова. Я был в смущении и растерянности и не знал, куда деваться от стыда. Такой конфуз! Тем не менее, я принялся довольно пристально выяснять и разнюхивать и докопался до вещей весьма пикантных!..

– Сгораю от нетерпения! Говори же!

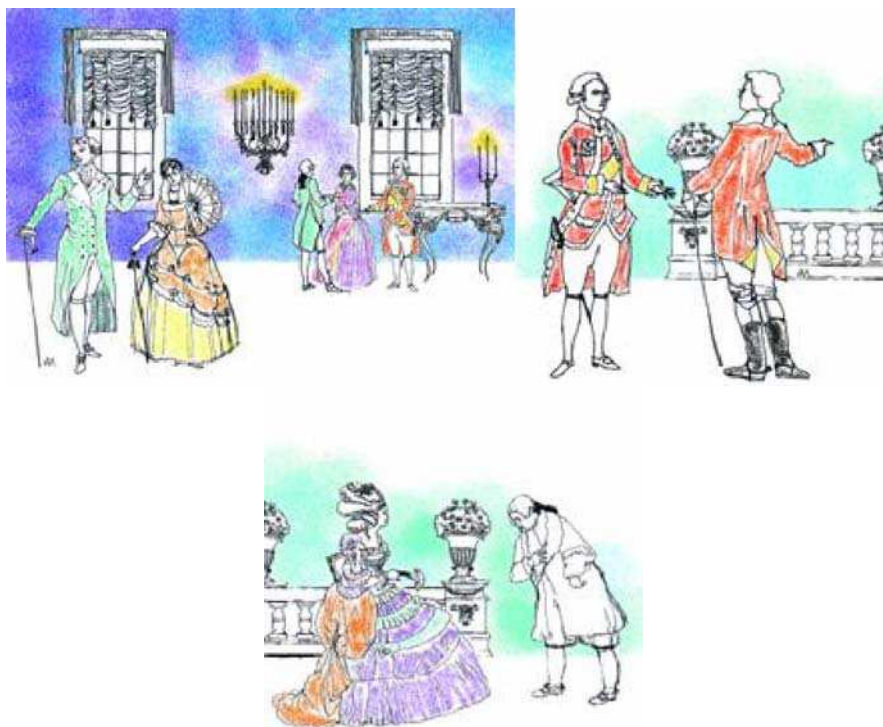
– Расскажу тебе, но под строжайшим секретом! При условии, что ты не скажешь никому ни слова! Обещай!

– Слово чести!

– Говорят, герцогиня вовсе не жена герцогу, и зовут ее не Фиола, а Бела, и она – еврейка!

– Еврейка?!

– Да не ори же ты, как резаный! Мы оба вмиг можем потерять благосклонность герцога, если хоть слово из нашей беседы дойдет до его ушей!

В этот момент оркестр умолк, и танцы приостановились. Благородные господа вернулись на свои места в сопровождении дам. Герцогиня тоже присела передохнуть, как вдруг к ней приблизился слуга и шепнул:

– Госпожа герцогиня! В прихожей ждет некий незнакомец, он хочет с вами поговорить.

– Скажи, что я не могу оставить гостей, – отвечала герцогиня.

– Я говорил ему, но он настаивает. Он утверждает, что у него до вас дело чрезвычайной важности.

– Ну так пусть придет завтра или пусть обратится к герцогу!

– Это я также ему говорил, но он стоит на своем и твердит, что должен видеть именно герцогиню и немедленно!

– Ну так принеси свечу в голубую гостиную и проводи его туда! Я тотчас буду.

Слуга вышел в прихожую, где его нетерпеливо ожидал молодой человек, бледный, взволнованный и скромно одетый.

– Пойдемте со мной, сударь! – объявил слуга. – Герцогиня сейчас выйдут. Они миновали череду узких коридоров, прежде чем войти в комнату с голубыми стенами. Слуга поставил свечу на стол и вышел, пожимая плечами и бормоча себе под нос:

– Хотел бы я знать, какое дело у этого бродяги к герцогине. Я бы и не подумал ее беспокоить, не сунь он мне золотой!

Юный незнакомец опустил на драпированный стул и ожидал в задумчивости и волнении. Он потирал руками лицо и время от времени выпускал глубокий вздох. Послышались шаги и шуршание бального платья, и, когда герцогиня вошла в комнату, у него перехватило дыхание.

Возглас удивления вырвался из уст графини, едва она увидела юного незнакомца. Лицо ее побледнело, все члены охватил трепет.

– Симха! – воскликнула она наконец не своим голосом. – Симха, ты ли это?

Юноша поднялся, сделал несколько шагов навстречу герцогине и вперил в нее суровый, пронизывающий взгляд.

– Да, это я, Симха, твой брат! – процедил он сквозь зубы, сдерживая гнев. – Ты, воплощение Белиала^[1], распутное и заблудшее! Срам и позор на седины нашего бедного отца! Из-за тебя наша несчастная мать сидит дома затворницей и выплакивает свои глаза, ослабевшие от горя! Да воздаст тебе Всевышний по деяниям твоим и да падет проклятие на твою голову!

– О брат мой! Не кляни меня так! Пожалуйста! Присядь и расскажи мне про наших любимых родителей!

– Любимых родителей!.. Ты еще смеешь так говорить! После того как ты своими руками вылила на их старые головы ушат позора и неизбывного горя! Горе мне и глазам моим, которые видели мою сестру, дочь моего отца и матери, сбросившую с себя обличье благопристойности, отдавшую честь на поругание, предавшую свой народ, ставшую блудницей, наложницей!

– О брат мой! Не суди меня, не выслу

шав! Тебя ведь не было дома, когда все это случилось! Герцог прибыл в наш город, Бенцлау, по делам службы, и остановился у нас в доме. На меня, юную и неопытную, возложили обязанность прислуживать важному гостю. И он, такой важный и благородный, у кого все домочадцы чуть ли не валялись в ногах, был добр со мной, выказывал свою симпатию и уважение. Я была ослеплена его громким именем, высоким положением, и его доброе отношение было мне так лестно! И перед столь сильными и многочисленными соблазнами я не устояла! С приближением срока его отъезда я потеряла покой и сон. Я страшилась гнева нашего строгого отца и не смела открыть правду нашей доброй и благочестивой матери. Я пребывала в совершенной растерянности! Да и что я могла тут поделать! Отец, без сомнения, выгнал бы меня из дома, и какой была бы тогда моя судьба? И вот, в этом безвыходном положении герцог предложил мне уехать с ним. Я согласилась! Просто я не видела другого выхода!

– О! – зарычал Симха, скрипя зубами. – Если бы я только был в ту пору дома! Я не допустил бы, чтобы это зашло так далеко! Я берег бы тебя как зеницу ока!

– О да! Если б только ты был дома! Все бы, конечно же, было бы по-другому! Ты не допустил бы этого безобразия! Чтоб я прислуживала герцогу! А теперь, брат мой, расскажи, что происходило в нашем городе с тех пор, как я его оставила, и как поживают наши родители.

– Едва дошла до меня весть о твоём неожиданном исчезновении, я тут же оставил пражскую ешиву и поспешил домой. Никто не мог мне ничего толком объяснить. Я искал и выспрашивал со всей возможной дотошностью, но ничего не добился. В конце концов мне попался еврей-путешественник, который рассказал, что видел еврейскую девушку в компании герцога Гейдерсдорфа в Вене. Я поспешил туда, но герцога в Вене уже не было. Мне сказали, что принц Пфальц назначил его начальником штаба своих войск. Я не медля отправился в путь, нелегкий и очень опасный вследствие чрезвычайного положения, и вот я нахожу тебя, одетую в шелка и бархат, украшенную золотом и жемчугами, танцующей и веселящейся на балах, в то время как наши родители сидят на полу в трауре и оплакивают свою несчастную судьбу! О Г-сподь Всемогущий! Как вынести мне этот удар?! Свою сестру, которую оставил дома в скромности и благочестии, я нахожу всем доступной блудницей!

Закрыв лицо руками, он разрыдался.

– Симха! – воскликнула девушка. – Разве ты предпочел бы видеть меня законной женой герцога?

– Что ты хочешь сказать?

– Для герцога я дороже всего на свете и если бы я только согласилась принять его вероисповедание, он тут же женился бы на мне.

– А ты не соглашаешься?

– О брат мой! Неужели столь низко я пала в твоих глазах, что и в этом ты будешь меня подозревать?

– Но как же можешь ты оставаться верной дочерью Израиля, когда ведешь столь распутную и безбожную жизнь, изо дня в день преступая заповеди нашей Торы?

– Да, – глубоко вздохнула она, – мне это известно. Но вместе с тем я не предаю веру отцов и не отвернусь от нашего Б-га. И полно вам сидеть на полу в трауре по мне, как это делал наш сосед Файбиш, когда его сын перешел в другую веру. Даже сыну, которого я родила, я сделала обрезание в соответствии с Законом.

– Как? У тебя есть ребенок?

– Да. Я назвала его Зис. Теперь ты опять будешь меня проклинать, Симха?

– Нет, не буду более тебя проклинать, но благословлю от всего сердца, только согласишься вернуться со мной домой, в лоно семьи.

– Вернуться с тобой в отчий дом? А разве отец не выгонит меня? Или ты думаешь, что я не понимаю, как будут смотреть на меня соседи?

– Отец с матерью простят и раскроют тебе свои объятия. Ты еще не знаешь, сколь велико и милосердно сердце еврейских родителей!

– А ребенок?

– Про ребенка они ничего не знают. Но я думаю, что смогу все так устроить, что и ребенка твоего они примут с радостью.

– Но, Симха! Как смогу я вернуться домой? Ведь мне придется похоронить себя заживо до конца жизни от стыда и позора! Разве не станут соседи показывать на меня пальцами? Нет, Симха, я не могу вернуться домой!

– Так, значит, ты людей страшишься больше, чем Б-га! Разве твоя теперешняя жизнь не полна греха и бесчестия? Подумай об этом, сестра!

В эту минуту распахнулась дверь, и в комнату вошел герцог.

– Фиола! – воскликнул он, еще не заметив юного незнакомца. – Куда ты исчезла так надолго? Гости уже чувствуют твое отсутствие. Чего стоит наш праздник без тебя, его царицы!

– Генрих! – ответила Фиола. – Ко мне приехал брат.

– Твой брат? Тот самый, что учился в пражской ешиве, когда я был в Бенцлау?

– Ваше высочество! – произнес Симха с горечью в голосе. – Вы воздали черной неблагодарностью моему отцу за проявленное по отношению к вам гостеприимство! Вы покрыли его единственную дочь позором и бесчестием, превратив ее в блудницу!

– Но разве я тому виной? Я бы давно женился на ней законным образом, дав ей герцогский титул, если бы она только согласилась сделать это возможным, перейдя в нашу веру!

– Об этом лучше и не говорить, – ответил Симха, – что было, то было, и сделанного не воротишь. Я хочу лишь забрать свою сестру. Родители простили ее и готовы вновь принять ее в своем доме.

Что?! – задрожал герцог. Чтобы я расстался с моей Фиолой? А ты, Фиола, что ты думаешь об этом?

Фиола, опустив глаза, пребывала в молчании.

– О, не поступай со мной так, Фиола! – взмолился герцог. – Как буду я жить без тебя!

Бела! – воскликнул Симха. – Вспомни горе и боль наших престарелых родителей! Вернись со мной и постарайся исправить содеянное раскаянием и примерным поведением!

– Симха! – обратился к нему герцог. – Оставайся с нами и ты! Я дам тебе богатство и положение. Не так давно умер придворный еврей принца, и пока никого другого на эту высокую должность не нашли. Я обещаю выхлопотать для тебя эту должность, и через короткое время ты станешь самым богатым и счастливым евреем! Тогда ты сможешь привезти ваших престарелых родителей к нам!

– Да оградит меня Г-сподь от подобного счастья! Взирать равнодушно на падение сестры да еще и использовать его к своей выгоде!.. Бела! Тебе выбирать между нашими родителями и твоим совратителем! Знай, сестра моя, что негде укрыться от ока Всевидящего. Избери же верный путь!

Герцог посмотрел на Фиолу жалким, заискивающим взглядом и взмолился:

– Неужели ты оставишь меня погибать, Фиола! Подумай о всех укорах и унижениях, которые ждут тебя в родительском доме, и о всех радостях и наслаждениях, которые принесет жизнь со мной!

– О наслаждениях распутства и о радостях греха! – воскликнул Симха. – Помни, помни, Бела, ты приблизишь кончину отца и матери, если не пойдешь со мной!

– А если ты оставишь меня, – подхватил герцог жалобно, – то положишь конец моей жизни! Ты ведь знаешь, я только ради тебя и живу. Всякое твоё желание всегда

исполнял я с готовностью. Ради тебя я над сыном своим позволил даже совершить обряд обрезания! Без тебя нет для меня жизни. Если ты меня оставишь, мне придется покончить с собой. Иди же, Фиола, и пусть кусочек свинца освободит герцога Гейдерсдорфского от непосильной ноши!

Фиола, не в силах более сдерживаться, упала в объятия герцога.

– Я останусь, останусь с тобой, – повторяла она всхлипывая, – я не оставлю тебя!

– Ты спасаешь меня от смерти, Фиола! – воскликнул герцог ликующим голосом. – Никогда не забуду я твою доброту. Вечно буду тебе благодарен. Всю свою будущую жизнь посвящу исключительно тебе. И умножу твое богатство, радость и великолепии!

Симха взирал на влюбленную парочку гневным и горестным взором, голос его дрожал, чеканя слова:

– Да обратит Г-сподь ваше веселье в траур, ваши развлечения – в горестный плач! Запах гнили и разложения придет на смену душистым благовониям, как сказал пророк Иешая: «гниль вместо благовоний и лохмотья вместо красоты». А ты, дочь блудная, жалкая и несчастная, будешь брошена и унижена в горе и в прахе!

Повернувшись, Симха стремительно вышел из голубой комнаты.

Āēāā āō ī dāy

Ēī ī āō āēōāī ī ē āī-āde

По берегу реки Рейн петляет железная дорога, ведущая из Магнца в Вормс, огибая городки, знаменитые своим добрым вином. В числе прочих достопримечательностей проходит эта дорога и мимо древнего еврейского кладбища, где хоронили евреев оппенгеймской общины. Множество надгробий возвышается там немymi свидетельствами жизни крупной еврейской общины, протекавшей в городе Оппенгейме то счастливо и безмятежно, то в бедах и горестях, а ныне принявшей вид последнего приюта всего живого.

Оппенгейм считается одним из древнейших городов Германии. В свое время древние римляне основали на этом месте поселение и построили большую крепость, носившую название Бойкония. В средние века город Оппенгейм насчитывал десятки тысяч жителей, среди которых было множество евреев. В последние годы население Оппенгейма сократилась, а евреи исчезли почти начисто.

Во времена описываемых событий в Оппенгейме еще существовала довольно значительная еврейская община. Во главе ее состоял раввин, славившийся своей праведностью, Б-гобязненностью и ученостью, и жизнь текла себе своим чередом.

Не кто иной, как известный нам Симха занимал в ту пору пост раввина Оппенгейма. Уже многие годы прошли с того дня, когда его сестра Бела отказалась оставить своего возлюбленного герцога Гейдерсдорфа и вернуться под родительский кров. В тот день Симха отправился домой один, огорченный и раздраженный. Его престарелые родители, не вынеся своего горя и стыда, вскоре умерли. Да и сам Симха

чувствовал себя в Бенцлау не лучшим образом, не находя места из-за позора, который навлекла его сестра на всю семью. Он распродал все доставшееся в наследство имущество и переехал во Франкфурт, где собирался посвятить свою жизнь Торе и служению Всевышнему. Через несколько лет слава о нем как о выдающемся мудреце распространилась по миру, и оппенгеймская община предложила ему пост раввина. Он с радостью принял предложение. В Оппенгейме он женился и жил с женой в праведности и страхе Б-жьем.

В один прекрасный день к нему пришел общинный служка:

– На ближайшем постоялом дворе, – сказал он, – лежит в тяжелой болезни, а возможно и на смертном одре одна несчастная еврейская женщина. С нею малолетний сын. Она умоляет раввина навестить ее!

Симха тут же откликнулся на просьбу больной и отправился на постоянный двор. Войдя в комнату, он увидел на бедном соломенном ложе не по возрасту состарившуюся женщину с бесцветным лицом. Он приблизился к ней, и она взглянула на него тусклым, болезненным взором. Затем она заговорила слабым голосом:

– Симха! Я сразу тебя узнала. Еще когда мне сказали, что здешнего раввина зовут Симха и что он родом из Богемии, я сразу подумала, что это ты. Горе мне, ибо я предстаю перед тобой в столь бедственном положении. Хотя все, что случилось со мной, воздано мне по справедливости. Прямые пути Г-сподни, и хоть он долготерпелив и милосерден, но в конце концов ни один грешник не избежит наказания!

От удивления и неожиданности рабби Симха стоял, словно окаменелый. Язык его онемел, а колени тряслись и подгибались от волнения. Не веря глазам своим, он уставился на представшее перед ним зрелище не в силах отвести взор. Такая бедная и несчастная, такая иссохшая и измученная – после столь совершенной красоты ее юности! Да и вправду ли это его сестра? Да, как ни ужасно сознавать, это она! Только голос остался узнаваем. Наконец, он через силу пробормотал:

– Бела! Ты ли это? В таком ужасном состоянии!

– Да, Симха, это я, твоя несчастная сестра! Твое проклятье исполнилось, брат! Радость моя обратилась в горе, и веселье – в траур. Твой горький укоряющий голос до сих пор звенит у меня в ушах. Помнишь, как обрушил ты свои укору на голову блудной сестры? И вот настиг меня суд Б-жий. Гниль вместо благовоний и лохмотья вместо красоты дал он мне, и вот теперь я погибаю, несчастная и одинокая в целом мире, гасну, как свеча, без надежды и упования.

– Сестра! Как же все это случилось?

– Не зови меня сестрой, я того недостойна. Я погубила мать и отца! Горе мне и горе душе моей, ибо на мне вина за смерть наших родителей!

Она закрыла лицо руками и завывала в горьком плаче, полном отчаяния. Рабби Симха смотрел на нее, и сердце его сводила судорога боли. Глаза наполнились слезами. Он обратился к ней самым мягким и ласковым голосом:

– Бела, сестра моя, единственная, любимая! Не нужно столь сильно предаваться отчаянию. Г-сподь долготерпелив и милосерден, Он простит все твои прегрешения, только

обратись к нему! Добро тебе, и завидна доля твоя, ибо за свои грехи получила ты воздаяние в этом мире, дабы смогла раскаяться во всех своих дурных делах и чтоб было полным твое искупление! Я твой брат, как и прежде. И я прощаю тебе искренне всю горечь и боль, которые ты мне причинила, и родители наши в небесах простят тебя, и они тоже, нет сомнения. Я возьму тебя и твоего сына в свой дом, и жена моя будет о вас заботиться, пока ты не поправишься.

Несчастливая женщина схватила руку своего любящего брата и лихорадочно покрывала ее горячими поцелуями. От волнения она не находила слов.

Белу и ее ребенка тут же отправили в дом рабби Симхи. Ребецн заботилась о них с лаской и усердием, как родная сестра. И уже через несколько дней Бела оправилась от болезни.

Когда Бела встала с постели, ее брат рабби Симха обратился к ней с такими словами:

– Теперь, Бела, расскажи мне, пожалуйста, как ты дошла до такого ужасного состояния. Неужели герцог Гейдерсдорф бросил тебя на произвол судьбы, без всякой поддержки и помощи?

– Так ты ничего не слышал о той жестокой беде, которая с нами приключилась?
– удивилась Бела.

– Я знаю только то, что французы захватили Гейдельберг.

– О брат мой! От всего произошедшего кровь стынет в жилах! Но я должна рассказать тебе и о предшествовавших событиях, дабы не судил ты не по справедливости строго несчастного герцога, как судит его весь свет. После того как ты ушел от нас в тот памятный вечер, моя душа исполнилась скорби и неизбывной тоски. Твои суровые слова звучали в ушах эхом денно и ночью. Герцог делал все, что было в его власти, чтобы помочь мне развеяться. Балы и рауты следовали один за другим, и я окунулась с головой в пучину увеселений и развлечений, лишь бы забыться, лишь бы не думать о том, что точило мое сердце. Лишь бы заглушить не желавший ни на минуту умолкнуть голос совести и не ощущать, как грызет меня раскаяние изнутри. Образ наших родителей всегда стоял у меня перед глазами. Я отправила нарочного в Бенцлау, чтобы он узнал, как они живут. И он вскоре вернулся, принесся убийственное известие, что и отец, и мать мои умерли, не вынеся выпавших на их долю горя и бед. Симха, я не знаю слов, которые могли бы передать мое состояние в тот момент. Даже в самом разгаре балов и увеселений я часто слышала твой голос, пробиравший до костей, проклинавший меня как отступницу, сведшую своих родителей в могилу...

Ее душили рыдания, и она на мгновение умолкла.

– Успокойся, Бела, – прервал ее ласково Симха, – сегодня не надо больше рассказывать. Ты еще слишком слаба, чтобы так волноваться.

– Нет, мой дорогой брат! Моя исповедь приносит мне облегчение, освобождая от невероятной тяжести, что лежит на сердце. Дозволь мне продолжить. Так вот, все эти непрерывные развлечения стоили герцогу огромных денег, в несколько раз превышающих его доходы. Он начал влезать в долги. Ему приходилось занимать колоссальные суммы на совершенно невыгодных условиях. Мне он не говорил ни слова, и я наивно предполагала,

что его богатство безмерно. Тем временем в страну вторглись французы. Они захватили Вюртемберг и пленили правившего там принца Фридриха-Карла, старшего брата герцога. После этого к герцогу явилось тайное посольство от французов с предложением осторожной сделки. Герцог был в смятении, почти сломлен и потому стал легкой добычей для искусителей. Вот так и случилось, что французы заняли Гейдельберг без единого выстрела. Потом именем принца герцога привлекли к суду, обвинив в предательстве. Не вынеся позора, он застрелился. После чего появились его многочисленные кредиторы и забрали все. Все! Я с ребенком очутилась на улице, бездомной и нищей. Мы несомненно погибли бы, если бы не ты, мой дорогой брат!

– Велики были страдания твои, сестра моя! – сказал раби Симха. – Пусть же будут они твоим искуплением!

– Брат мой, я чувствую, что близок мой конец. Лишь одного прошу я у тебя: будь моему сыну за отца, вырасти и воспитай его как родного, чтобы был он хорошим евреем, верным и преданным наследию наших отцов.

– С Б-жьей помощью я это сделаю. Посвящу этому столько сил и труда, сколько будет необходимо, сделаю все ради этой цели.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

וְיָשׁוּב עָלֵינוּ

ИНКВИЗИЦИЯ

Nàì óèè Ì àððàé

(Ì àì yòè Â.Â. Nò àm̃àì)

Выступая на юбилейном творческом вечере нашего журнала, московский писатель и переводчик Асар Эппель среди прочего вспоминал, как в первые «перестроечные» годы тайком в библиотеках заглядывал в дореволюционные книги, поступившие из спецхранов в так называемый «открытый доступ». Асар Исаевич заметил, что одним из главных достижений нынешней России считает именно этот, открытый доступ.

Однако тысячи книг, журналов, газет конца XIX – начала XX века и сегодня доступны в лучшем случае узкому кругу специалистов. А ведь на их страницах, подчас только на них, появлялись замечательные творения знаменитых мастеров.

Мы решили открыть в «Лехаиме» рубрику «Открытый доступ» (А. Эппелю за подсказку – низкий поклон), в рамках которой будем публиковать подобные материалы. Уверены, это даст им вторую жизнь.

Dàààì è y

Ì à Ì àm̃ó, àm̃ò ðà: ày ñàíé ì ðàçàí èé ñàí àí àú,

Ì í à í èçèè à ñàí àú

Nì àm̃ò èèè ñí í é.

Èàçàéí ñí çàò: àèè ø àãè à î ò ààé àí ùà

È àèóòí àðí æ àèè èðò ù à ñò óí àí è...

È ò óí èé ì à ðàèè í à é.

Nàì ùy ì ðè ò àèè à ñí çà ñè ò àðò ùp à àéí é...

Ì í àm̃: èé è m̃ àèúé, èè ø ù í í í à àðí æ àè...

È àm̃ò àé í í ì ðí ðí èí ì

Á ì í è: àí ùà àèóòí èí ì

È àçí ðí ì í èé í óé ì í ààè.

È ò èóí í í í à: àè: «Dàààì è ì ú áú èè!»

Ì í à ò àì í í é ì í àè á

Á i i tãããéá í ai î i

Î ú ãðãî i îãò íðè i : i ú áúèè! i ú áúèè!

Òãî áðü i ú ò ýæãéíá èã çãú

èè -

È äúøèi ñãèi ò íðæãîðãî i !

Î óñéé i ú íðãã ñ ãðò ùþ, i óñéé i ú á i i tãããéá -

Á i ð ý ù è á äãèè

Í á ñèðüè ýò í ò ñããá!

È í àøéé ñãíáíáü í èè ò í í á í ò í è i ã ò ...

Î óñò ü ñ è í á ò è àæ äúé i í á ú í ó á i í á ü i ã ò -

È ñ ã ð è áãñò ðãí ã ò í í æ äã ò !»

«Î ú áúèè ðãããì è! i ú áúèè! i ú áúèè!..»

È äãðãã i í çãúúèè

Ñãí é øæãñ í í è:

Í í è í á ñèüðãèè á i è í ó ð í î i çãããáí üá

È àè ãé ó ó á ñ è üü á é çããðíæãèè ñ ò ó i á í è ...

È äðíã ó è ðíáéí í í è ...

Áñéí : è è è ... Ñ ò í é i è è è ñü .. Ñ è ä ò æ à i í ñ ü ä ..

È à è i ã ð ã ã ý ã ð ü á ,

Çãñò ú è è è æ ä ó ò ...

È í ò i á ð è è ñ i ä ä ã ð è -

È : á ð í ú á çãúðè

Í í èãñò í è ó á ò á i í í é è á ó ò !

È ñ i ò ú é è ã ð ä ú é ,

È ñ i í ñ ò ó i ù þ ò á ä ð ä í é ,

Á á á á ò á ú ñ ò ó i æ è á i á ð ä è .

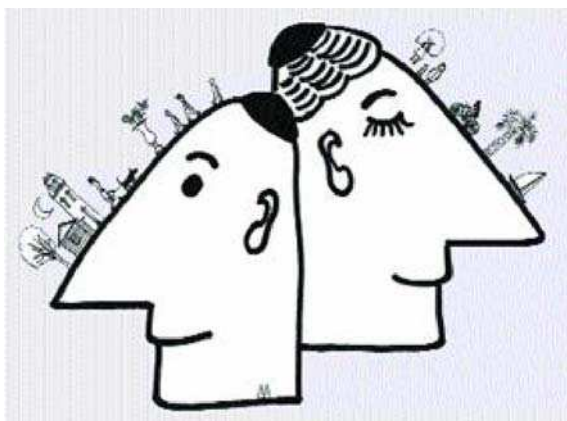

ЛЮДИ НАШЕГО ПРОФИЛЯ

יְהִי עִוְאֵי עִוְיָא

*וְאֵי יְהוֹשֻׁעַ עֲבָדֵי אֱלֹהֵי אֲדָמַי יֵאָדָּב: נְעוּבֵי עֵי יוֹי יִנְעוּ אֶיִשׁ יִי אֵלֵי וְיִדְבֹר נַפְשׁוֹ בְּאֵלֵי יְהוָה...
כִּי יִי? עֲבָדֵי עֵי אֵלֵי יִי?..*

אֵלֵי אֲנִי עֲבָדֵי יְהוָה

1. Ребе и Пастернак

Чтоб понапрасну не забивать память, приведу цитату без выходных данных.

Есть проповедники, глубокие знатоки Талмуда, «острые умы», которые, по оригинальному выражению, способны сводить «стену со стеной».

Такой проповедник обыкновенно начнет с какого-нибудь библейского текста и загромоздит его множеством вопросов. Затем перейдет к другому тексту, который, казалось бы, никакого отношения к первому не имеет, и тоже облепит разными загадками, указывая, что в нем нет ни логики, ни здравого смысла. После этого остановится на третьем тексте и снова найдет массу несообразностей, недоразумений и т. д.

Но вдруг, ссылаясь на какое-то изречение, выскажет рогатый силлогизм – и глядь, все тексты согласны между собой, все противоречия сняты, все вопросы разрешены. И Святое Писание опять засияло в Б-жественном свете.

Перечитайте для ясности еще раз, и пойдём дальше.

Речь Пастернака была неслыханно содержательна, и потому мысль его нередко кружила запутанными ходами в неожиданном ответвлении. Казалось, он безнадежно забыл, с чего начал, увлекшись случайными частностями или попутными находками.

Но нет! Все ненужные вроде бы объяснения, перескакивания, отступления – все обретало вдруг свое назначение. Густое ветвистое дерево обнаруживало внутреннюю стройность, превращая плоскую схему в объемный живой организм, существующий по

своим неписаным законам (З. Масленникова. Портрет Бориса Пастернака., М., 1990. стр. 7).

СЮДА ЖЕ

...после молитвы устраивали общую трапезу, а затем рабби просил каждого припомнить какой-нибудь священный текст. Эти отрывки, взятые из разных мест, он связывал воедино, и всякий находил ответы на те вопросы, которыми мучился.

И чуточку ниже:

...в ешивах употреблялся метод «пилпула» – умение при помощи головоломных построений сблизить самые отдаленные понятия и уловить, стало быть, скрытый смысл.

Такой способ можно, наверное, считать национальным. Ибо евреев величали издревле «народом книги». Но люди книги имеются, несомненно, во всякой стране.

Например, Ломоносов и Пушкин с их идеей «далековатых сближений».

Или французский классик Мишель де Монтень. Вроде как дворянин, христианин... Да который уж век гуляет по свету байка об иудейском происхождении. Принадлежал, дескать, к семейству Лопесов, не по своей воле покинувших Испанию...

А Лопес – это же латинское *lupus* (волк). И большинство пиренейских выкрестов (маранов) назывались в аккурат Лопесами.

2. Девичья фамилия

Юрий Валентинович Трифонов обладал среди прочего одной изначальной способностью: писать всегда на высшем уровне дозволенной правды.

Так, «Студенты» (1949) – для своего времени – очень живая книга. Плюс Сталинская премия. «Утоление жажды» (1963) – в момент выхода – формально-изошренная. Плюс Туркменский канал. Документальная повесть – не помню названия (об отце и дяде... «Отблеск костра»?) – достаточно смелая. Плюс – под маркой Политиздата...

Я прочитал в первой Литературной энциклопедии, что Валентин Петрович Катаев – мещанский писатель. Сама по себе заметка вульгарно-социологическая, вызывает протест и рвоту... Но «мещанский писатель» – запало.

Как так случилось, что из неверных посылок, по ложному методу, а заключение правильное? Вероятно, неприятие шло по чувству. И чувство не обмануло.

Тут приبلудилась строчка из соседнего автора. Что, мол, когда в город ворвутся враги, вас не расстреляют. Не за что будет расстреливать! А тех – было.

Разумеется, по зрелом размышлении, выбирая меж теми и Катаевым, мы предпочтем последнего. Но писатель он все-таки мещанский. И применив к нему вышеозначенную формулу, скажем: поздние свои книги стремился писать на высшем уровне дозволенной злости и дозволенного цинизма.

Возвращаясь к Трифонову ...

Меня поразили «Старик». Не вхожу в оценку, но повеяло смертью. Хоть звони по справочнику Союза писателей: мол, Юрий Валентинович, накликаете!

Там есть герой – очень живая фигура. И вечно хлопочет: дача, поездка за рубежи... А может, Трифонов сам такой? Все делает до упора.

Набрано, помню, курсивом, и невольно представилось, как подчеркивал в рукописи. Особенно в той сцене, с возлюбленной. Где плещутся в душе посреди московской жары. И Трифонову, похоже, завидно. Так и залез бы в ту емкость. С руками и ногами. До упора.

После – любовь. А девушка не желает. И герой вынуждает ее. До упора.

Вот тут и почудилось, что Трифонов скоро умрет.

Как все же трудно уйти от себя!

У Икса, в очень плохом фильме, женщина говорит: «Мой первый муж знал, что делал: в 26 лет уже был лауреатом Государственной премии!»

В 26 лет лауреатом той премии стал Иксов сокурсник – Трифонов.

По отчеству – сын Катаев

а. Но на самом деле – Паустовского. Как все мы вышли из «Шинели» Гоголя, так Трифонов – из рассказа Паустовского «Телеграмма».

Я видел его в редакции. Крупный, черноволосый. В больших очках... Очень похож на девичью свою фамилию – Левин.

В какой тишине его схоронили! Раз-раз – и туда. Чтоб не отсвечивал, не маячил. С какой быстротой и тайным ликованием!

Тогда я прочел «Другую жизнь», перечитал «Обмен», «Предварительные итоги»...

СЮДА ЖЕ

Почему, интересуетесь, Левин? А потому, дорогие, что кроме отца и дяди – казаков Трифоновых, была у Юрия Валентиновича еще и бабка с материнской стороны. Вроде бы – Левина.

К счастью, не репрессированная подобно родственникам по мужской линии. Напротив, будто бы процветающая. Которой лично товарищ С подарил свою книжку – «Вопросы ленинизма» или «Краткий курс», или очередной отчетный доклад на каком-нибудь съезде...

Да вдобавок с посвянительной надписью. Несгибаемой, положим. Такой-то. Твердокаменной, допустим. Этакой. Верной, к примеру, и преданной...

Вот под сенью, болтают, того автографа маленький Юра и хоронился. Сам-то про себя знал, чей сын и племянник, – «врагов народа». Зато внук...

Так и существовал до поры до времени. Покуда не взялись космополитов искоренять. Тут и оборотился, как прежде, Трифоновым.

Доказательства? Никаких!

Просто слухи.

3. Памяти Соломона Михоэлса

Его дочь рассказывала, что отец

умел совершенно сознательно впасть в беспечность. А на опыте всей дальнейшей жизни я убедилась, что в те минуты, когда от нас уже ничего не зависит и мы не в силах что-нибудь изменить, ничто так не спасает, как легкомыслие.

Кого, извините, нас? Обыкновенных, разъясняю, людей, которые на практике, в процессе существования, с внезапностью прозревают, что «не в силах что-нибудь изменить».

Но такому, как Соломон, открыто оно сызмала, изначально. Он чует душой и телом (стало быть, и ногами), что все мы ходим под Б-гом.

Просто нам, умникам, чудится, что поводок длинный. А Соломон ближе к Небу. Каждую секунду натягивает тот волосок... И что ж ему, бедному, остается, кроме легкомыслия...

Женщина, которая обмывала его, с уди-влением обнаружила, что он улыбается. Художник, снимавший посмертную маску, говорит о «горькой усмешке».

Что же случилось веселого в последнюю или предпоследнюю минуту? Когда он с ясностью понял, что нельзя уклониться от того грузовика... не пустить того посетителя...

А вспомнилась Соломону эвакуация, восточный солнечный город (Ташкент), где каждое утро приезжал за ним мусульманин-возница, стучал кнутовищем в окно и кричал:

– Сулейман! Моя пришла!

Смерть, по-русски, (набираю вразрядку) – женского рода.

Страсть познания, – говорил он, – самая сильная. Даже постель есть, в сущности, разновидность познания.

То же примерно утверждает словарь, где «познать» – в одном из значений – «получить истинное представление». Хорошо помню старушек, которые шептались в нашем дворе, кто с кем спознался.

Адам же, – сказано в древней книге, – позна Еву, жену свою.

Но если любовь – вид познания, что же, спрашивает Соломон, дано нам любить? То, отвечает, чего мы не знаем. Неведомое, неизвестное. Только оно возбуждает желание. А знакомое – никогда.

Вот откуда у нас, чернявеньких и носатых, неизбывная страсть к беленьким да курносым.

О ТОМ ЖЕ

Есть люди, которые воплощают национальный тип. Они настолько евреи (как Михоэлс) или настолько русские (как Есенин), что интересуются женщинами исключительно соседних народов. Формулируя предельно, всякая Катя – сестра Есенина, а всякая Рива – Михоэлса.

Правда, в силу разных причин (восточных обычаев, малочисленности и замкнутости) евреям разрешалось брать в жены двоюродную сестру. И мои, в частности, мама с папой – кузен и кузина.

Говорят, 1/16-я такого потомства имеет психические отклонения. И оттого – по науке – так много среди нас гениев и сумасшедших.

Конечно, Есенин с Михоэлсом – продукты, как бы сказать, эволюционного развития, мирного течения истории, когда происходило накопление, росли-громоздились богатства... И взрыв, между прочим, начала (и середины) XX века демонстрирует нам, какая могучая гора составила из припасов. Трать – не хочу!

В результате уничтожили шесть миллионов евреев – едва ли не половину. И приблизительно треть русских. Плюс 10% немцев...

После чего перед народами встали другие задачи – охранительные, что ли, восстановительные. И жена Аркадия Исааковича Райкина – народного артиста – целую жизнь отваживала блондинок. А Мария Илларионовна Твардовская оберегала суженого от брюнеток.

Но Михоэлс с Есениным – представители, повторяю, предыдущей эпохи. И потому супруга Соломона Михайловича зовется Анастасией. А подруги Сергея Александровича – как бы сказать – наоборот.

– У-у, какой жид! – воскликнул поэт, глянувши на грудничка-сына. – Есенины черными не бывают!

Зато черными бывают возлюбленные. Это те самые, по словам Есенина, еврейские девушки в Харькове – единственные на всю страну, кто без ума от русских стихов и русских поэтов.

просматривая свои выписки из периодических изданий, которые мы делали в свое время, мы видим, что в 1906 году он был среди организаторов Еврейской народной группы, после 1910 года он был деятельным членом Общества для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ). В 1915 – 1918 гг. избирался в состав его комитета, в 1920 году участвовал в его возрождении, в 1916-1917 гг. состоял в комиссии ОПЕ по реорганизации Курсов востоковедения им. барона Д.Г. Гинцбурга с образованием Высшей школы еврейских знаний, не раз участвовал в обсуждении программы ее деятельности, предлагая свои варианты. Весной 1917 года его избрали участником Всероссийской еврейской конференции, на которой он выступал (и, кажется, трижды), в середине года включен в состав Государственного совещания (среди восьми евреев – по числу мест, предоставленных им Временным правительством), в декабре этого года был избран в совет Петроградской еврейской общины по списку Еврейской демократической группы, а потом и в ее исполком. Кстати, в 1917 году он на собрании Общества по изучению еврейства сделал доклад о необходимости демократизации еврейской общины Петрограда. В мае 1918 года его избрали в комиссию по созыву в Москве съезда представителей еврейских общин России. Заметим, он был в составе организационного комитета Еврейского комитета помощи жертвам войны, учрежденного в 1914 году.

Как нам кажется, определенный исторический интерес представляют многочисленные статьи Г.А. Ландау, особенно опубликованные в 1916 – 1917 гг. в еврейской печати: «Первая Дума», «Европа и евреи», «Заклинание», «Ступени еврейской общественности», «Снятие вопроса». Нельзя не отметить статью «Л.И. Каценельсон» – лучшую среди посвященных памяти этого выдающегося врача, еврейского литератора на иврите и общественного деятеля (не забыть бы: в 2002 году будет 85-летняя годовщина!). Весьма плодотворной была его деятельность в редакции книг научно-популярной библиотеки, издававшейся Еврейским литературно-художественным обществом им. Л. Переца на идише.

Думаем, что не погрешим против истины, если скажем, что Г.А. Ландау до своего бегства из России был в гуще еврейской литературной и общественной жизни Петрограда. Может быть, поэтому нас весьма удивляет утверждение И. Петрова, что Г.А. Ландау «не так чтобы сильно радел о читателе». И это без всяких конкретных обоснований, хотя опять упоминается комплекс «наследного принца» – прямо у него это рок какой-то, вроде тени Гамлета. Скажем прямо: просматривая публицистику Г.А. Ландау за указанные годы, мы этого как-то не заметили. Может быть, плохо смотрели? Или в ней он «радел», а в других произведениях наоборот?

И. Петров, критикуя Г.А. Ландау, пишет, что тот «не отработал стиль», «точно в забор уперся в проблему». Ну, о стиле ладно. Но вот о заборе... Это уже похоже на стиль А.И. Солженицына (как и слово «противительное»), о котором мы недавно писали в рецензии для Польши. Так что повторяться не хочется.

А теперь о конце жизни Г.А. Ландау. Об этом мы подробно написали в «Вестнике Еврейского университета в Москве», № 3 за 1994 год (статья «Г.А. Ландау: необходимые уточнения». С. 189-192). Потом в кратком виде это попало в нашу статью об этом человеке для «Российской еврейской энциклопедии» (Т. 2. С. 120). Так вот, И. Петров списал концовку статьи, не сделав по забывчивости или в соответствии со своим стилем ссылку на наши публикации. Все материалы об аресте и смерти А.Г. Ландау были нами получены в основном из архива МВД Латвии, а также из управления МВД Пермской области, в 1991 году. Из них к сказанному добавим, что в постановлении на арест он характеризовался «человеком буржуазной установки, слышшим в кругу знавших его лиц как единственный из евреев “русский монархист”». Указывалось, что он в своих статьях

неизменно проводил антисоветскую линию, что «уже после установления советской власти, будучи антисоветски настроенным, клеветнически отзывался о советской действительности. Читал лекции в белоэмигрантских обществах». Все имевшиеся у него ценности его заставили сдать в НКВД, всю мебель поручили соседу – известному еврейскому деятелю Петербурга А.И. Каминке (друг и соратник И.В. Гессена; И. Петров почему-то считает его родственником Г.А. Ландау.) – реализовать в 10-дневный срок. Никакого суда в нашем понимании не было. Просто сочинили постановление за подписью наркома госбезопасности ЛССР о выселении с женой из Риги. Но оказался Г.А. Ландау не в ссылке, а на Урале, в концлагере – Усольлагов Молотовской области, где умер и был похоронен вблизи поселка Сурмог недалеко от города Соликамска. (Кстати, сколько раз мы бывали в командировке в тех местах, но ничего об этом не знали. Даже участвовали в проектировании Сурмогского водохранилища, под которым, возможно и скрылись ямы, куда бросали умерших зеков. Вероятно, там же был захоронен видный журналист Б.И. Харитон – отец отца атомной бомбы Ю.Б. Харитона, редактор газеты «Сегодня» в Риге, так как в этом лагере было много рижан. Заметим, что там же умер в 1942 году Г.Д. Каценеленбоген – сын ленинградского раввина Д.Г. Каценеленбогена.) Странно, вроде все это зная, И. Петров пишет о каких-то вариантах ареста и смерти Г.А. Ландау, даже бросает его 64-летнего в безнадежную атаку на немцев!

И. Петров пишет, что у Г.А. Ландау рост был невелик, что был он светлоглазый – последней его характеристике уделено немало внимания, даже слишком. Однако в акте о его смерти говорится о среднем росте, о том, что глаза были карие. Конечно, от такой жизни, а может быть и от смерти, они могли и потемнеть. Наконец, если считать Г.А. Ландау чьим-то агентом, то, конечно, не Милюкова, как это делает И. Петров, а И.В. Гессена – редактора газеты «Руль» в Берлине, так как Милюков в эти годы редактировал совсем другую газету в Париже. Но это уже мелочи.

Сетует И. Петров на отсутствие портрета Г.А. Ландау. Его и у нас нет. Но Г.А. Ландау виден на групповом фотоснимке, сделанном в редакции газеты «Руль» в Берлине в 1930 году, когда отмечалось ее 10-летие. Это фото было помещено в нашей книге «Жизнь и деятельность И.В. Гессена – юриста, публициста и политика» (СПб., 2000). Там воспроизведение оставляет желать лучшего. Поэтому посылаем копию, сделанную с электронного изображения с привлечением специалиста. Само фото получено из Нью-Йорка от Дмитрия Романовича Штейна – сына пасынка И.В. Гессена Романа Исааковича Штейна, погибшего в Освенциме.

«ЕВРЕЙСКИЙ ФАШИСТСКИЙ ЦЕНТР» НА БОЛЬШОЙ БРОННОЙ

Nai ai xadi ue

Á iadeia «áieüiá óaðíða» 1937 - 1938 áia i íia ec íeáiaòáe ÍEÁÁ ððai eëüü íeáaòü eáðüðó íà íçáieë äüííáü íðéðüüó iðüáüíá Íiaíáüá iðüáüü iðüeë ááá eë íá íáá áüí e íüeáeüüüíe e yúie-áüeíe äüííáí e íaíeáiey NNND. Áááe íá ðàeë eíeëp-áieáí. Óí-íáí áüí eá ðàeë, íí íðííáü íá á íü üíeá áieáá áeááííeó-ííe íüáüü. Óáe, íüá üp 1937-á äáçòü íáüýáeë í ðaíeðüüeë á Í íüeá «áááeíeíá óàeíüíeíá óáí óð», ðaáíòááeá íá ííeüüeðp ðaçáieé.. Èóí eá í íá áíçáeáeýüü óáeíe óáí óð? Áüðáüáí íí, íí eíáeá ÍEÁÁ, yúí áieáeíá áüeá áüüü eðüíáü e íáüðáíáððóíáü óeáüðá (íááí íeáçòüü e yúíí óí íí áí óó á Í íüeáá óáeëó íá íüðáeíüü). Áíóí-áí, íáò, íáíá eðüíáü óeáüðá, óáíeáòáí ðyüüáü áííáòeðáí ÍEÁÁ, áüí eá íáeáüü - áeíüðáüíüe íüðáááeëéü á Í íüeáá íðeëáeüüüe ðááeí, Í ááeüü, íðeááeáí áü Óáááá.

Однако, чтобы иметь возможность провести именно открытый процесс, который мог вознести его организаторов на вершину карательной иерархической лестницы той поры, требовались как минимум подготовленные соответствующим образом свидетели, способные дать в отношении Медалье «правильные», без осечки, показания, не допуская тех ляпов, что бывали на других больших открытых процессах. В поисках таких свидетелей (выбор был весьма ограничен еще и потому, что большинство религиозных активистов были высланы, а оставшиеся благоразумно «легли на дно») в Ростокинское отделение милиции, что находилось в одном из сел, примыкавших с севера к Москве, был вызван 55-летний кантор синагоги на Большой Бронной М. Гуртенбергер.

Родившийся в 1882 году в древнем (первое упоминание в 1099 году), но к тому времени совсем захолустном городке Дубно, Мошко-Хаим (по официальным документам, в которых, как это часто бывало, царит путаница, – например, в некоторых местах, последственного именуют Гуртенбергом, а в других – Гуртенбергером), как и многие его сородичи, едва достигнув совершеннолетия, уехал из родных мест. Счастья он решил искать близ Москвы и поселился в селе Останкино. Оттуда вскоре еврейская судьба привела его в синагогу на Большой Бронной, где, начиная с 1904 года, он и начал трудиться, а со временем занял и должность кантора.

Надо сказать, что в 1920-е годы тихое село Останкино, где поселился Гуртенбергер, стало одним из центров расселения евреев, приезжавших в Москву из разоренных местечек в поисках лучшей доли. К концу 1920-х здесь собралось и множество мелких и средних торговцев, спасающихся от преследований ГПУ после сворачивания нэпа. Останкино, наряду с Марьиной рощей, Мытищами, Лосиноостровским и Пушкино, поселками Перловка, Тайнинка и Мамонтовка, было местом, где проживала наиболее приверженная национальным традициям часть еврейского населения страны, лучше других сохранившая особенности быта прежних местечек бывшей черты оседлости.

Население пригородов и Останкина в том числе еще более возрастает после введения в 1933 году института прописки, сделавшего доступ в Москву крайне ограниченным и нормированным. Многие из евреев, в том числе и сам Гуртенбергер, числившийся еще и иностранцем, поскольку его родина по итогам советско-польской войны 1920 года оказалась под властью Польши, в 1929 – 1936 годах стали так называемыми «лишенцами», то есть людьми, лишенными избирательных и некоторых других гражданских прав. В 1936-м после принятия новой, «Сталинской», Конституции СССР понятие «лишенец» было отменено... — и все жители страны стали равными перед приближающейся волной большого террора.

Тем не менее, в 1939 году еврейское население Москвы выросло до 250 тысяч человек — почти на 92% по сравнению с аналогичным показателем 1926 года, когда оно составляло всего 131 тысячу. Наиболее значительная в количественном отношении часть еврейского населения проживала на севере города. Так, численность евреев в Ростокинском районе составляла 24 тысячи человек, в Дзержинском, где располагалась марьиноороцинская синагога, — 18 200, в Октябрьском — 10 800.

После революции синагоги на Б. Бронной и Арбате не были хасидскими. В 20-е годы хабадникам удалось завоевать здесь определенные позиции, хотя большинство посетителей, по-видимому, по-прежнему составляли миснагдим. К середине 1930-х на новой волне переселения евреев в Москву из черты оседлости число приверженцев Хабада в этих синагогах значительно возросло, так что большинством прихожан были уже они.

После того как московские раввины либо умерли, либо под разными предлогами были высланы из города, Гуртенбергер в отсутствие единственного оставшегося раввина Медалье, которому было трудно разрываться между четырьмя «обезглавленными» синагогами, фактически возглавил свою общину.

Не сказать, чтобы работа обогащала Мойше-Хаима, особенно в 1930-е! В 1937-м он получал 300 рублей в месяц. Хотя в общем-то на более-менее сносное существование этого должно было хватить даже семье с тремя детьми, как у Гуртенбергера. А было у него трое сыновей: Евсей (1910 г.р.), Давид (1919 г.р.) и Абрам (1922 г.р.). Однако почти треть заработанных денег «съедали» налоги. Так что без помощи еврейской благотворительности о сносном существовании говорить не приходилось.

Следователи НКВД учли все эти обстоятельства и предложили Гуртенбергеру негласное сотрудничество. В обмен на его показания против Медалье и согласие стать «глазом и ухом» НКВД в среде религиозных евреев ему сулили официальный пост главы общины синагоги на Бронной или даже кресло председателя московской общины!.. На размышления были отпущены три недели — с тем он и вышел из НКВД.

Все это время он провел в тяжелейших раздумиях. Было понятно, что р. Медалье непременно арестуют, согласится или не согласится Гуртенбергер на условия НКВД. Кроме того, проклятое сотрудничество давало надежду, что таким путем удастся сохранить религиозную жизнь в Москве. Наконец, все сомнения разрешил один из неофициальных хабадских раввинов, к которому кантор обратился за советом. Тот сказал, что поскольку «люди смотрят на тебя», пример сотрудничества с НКВД может оказаться заразительным, и это скажется на общине весьма плохо.

Решение Гуртенбергера было predetermined, как и его судьба. Когда 20 ноября 1937 года он вновь переступил порог Ростокинского отделения милиции и ответил на предложение о сотрудничестве отказом, то тут же был арестован. Его первый и единственный допрос как обвиняемого проводил лично начальник отделения Кисенков, сразу же заявивший, что следствию якобы известно о недовольстве Гуртенбергера советской властью и проводимой им «среди рабочих и жителей Москвы» контрреволюционной агитации. Мойше-Хаим оказался по-еврейски упрям: признать себя виновным отказался наотрез, стоял на том, что никакой агитации не проводил и ни с кем по такому поводу не разговаривал, а на предложение рассказать о своих знакомствах заявил, что в синагоге-де мелькает слишком много лиц, потому он никого и не помнит.

Понятно, следствие по большому счету не интересовало, признает себя Гуртенбергер виновным или нет. Для сотрудников НКВД он был битой картой, человеком, которого следовало убрать с глаз долой и поскорее. Для начала его поместили в Таганскую тюрьму, но менее чем через две недели после ареста уже было готово обвинительное заключение. Согласно ему Гуртенбергер обвинялся в антисоветской агитации террористического характера. Все обвинение было построено на показаниях его соседей супругов Бакулиных, Б-г знает из-за какой корысти согласившихся свидетельствовать против него. Согласно их заявлению Гуртенбергер группировал вокруг себя жителей села Останкино, проводил контрреволюционную агитацию, говорил, что «советскую власть ненавидит, потому что она эксплуатирует народ» и «скорее бы война, тогда советская власть наконец кончится». Такое обвинительное заключение было мгновенно утверждено начальником управления НКВД по Московской области Якубовичем.

5 декабря 37-го года дело Мошко-Хаима Айзика-Гершоновича Гуртенбергера в числе десятков, если не сотен других, было рассмотрено «тройкой» НКВД по Московской области, в состав которой входили тогдашний первый секретарь Московского обкома ВКП (б) Н.С. Хрущев, в будущем лидер страны, осуществивший десталинизацию и массовую реабилитацию, Якубович (вскоре снятый с должности и расстрелянный) и прокурор Московской области. Рассмотрение дела длилось не больше, чем требовалось на прочтение приговора, а приговор был обычный для той поры – расстрел. В тот же день он и был приведен в исполнение.

Вскоре, в 1938-м, та же судьба постигла и р. Медалье, как и многих религиозных активистов. С той поры синагога на Б. Бронной мстительным НКВД была закрыта, как они думали, навсегда. Многочисленные просьбы хасидов долгие годы оставались без ответа. Но так устроен мир, что после ночи встает заря. При перестройке, в 1991 году, синагогу наконец-то вернули законным наследникам веры. Вот уж 11 лет, как кипит в ней еврейская жизнь.

ЕВРЕИ 100 ЛЕТ НАЗАД.

ЗИМА 1901–1902 ГОДОВ

Аֶעֱרִי אֶדָּא אִיִּדְאִי

«Восход», февраль

«Союз немецких граждан иудейского исповедания выработал десять положений против антисемитизма, которые предполагается отпечатать и распространить в возможно большем количестве экземпляров во всей Германии».

Примечание. Вот некоторые из них:

– антисемитизм идет в разрез с основной заповедью любви к ближнему – общей и христианской, и иудейской религиям;

– антисемитизм судит и действует в ослеплении ненавистью, он отрицает право и ведет к анархии;

– хранить веру предков – дело чести каждого человека, безразлично, христианин он или еврей.

«Новое время», февраль

«"Восход" с величайшим негодованием встретил десять тезисов против антисемитизма. Эти тезисы при всей их невыгодности для тех простаков-христиан, которые бы их приняли, все же кое к чему, хотя бы на словах обязывают и еврейских "патриотов". Но "Восход" не признает никаких обязательств и не знает другого отечества, кроме того еврейского отечества, которое имеет быть куплено сионистами в непродолжительное время в Палестине. Пока же евреи "Восхода" никаких обязательств в отношении гоев не желают признавать... Вопите! Не давайте никому покоя! – такова программа русских евреев, предложенная распространеннейшим их органом: еврей есть еврей и только еврей... Одним словом, еврейское государство в русском государстве. Откровенно, хотя открытия в этом никакого».

«Восход», февраль

«Надо сознаться, с крайней неохотой отвечаем мы "Новому времени" с тем отвращением, с каким делаешь работу совершенно ненужную. В самом деле – зачем? Для чего мы будем класть свою жизнь, бесчисленные кровавые жертвы для блага нашей русской родины, а "Новое время" будет утверждать, что мы куем измену. И при этом оно, конечно, нисколько не смутится тем, что еврейское государство в русском государстве находится как будто в противоречии с еврейским государством в Палестине. Ни доводы, ни кровь наша для него не убедительны».

«...К бою евреи неспособны»

«Новый президент Соединенных Штатов Теодор Рузвельт при всех своих прекрасных качествах оказывается тем не менее энергичным противником свободы иммиграции. В своем выпущенном в начале года президентском послании он высказывается против допущения в страну лиц “недостаточно развитых, чтобы оценить по достоинству американские учреждения, и недостаточно богатых материальными средствами, чтобы начать новую жизнь в этой стране”».

«Новое время»,

20 декабря 1901 года

«Все решительно страны Европы, где евреи живут не разрозненными личностями, а поселились большими или меньшими массами, то молча, то с сильным ропотом переносят существование среди них еврейской народности, и убыль на одного еврея обещает прибыль на двух христиан».

«Восход», январь

«Если раньше русская печать относилась к сионистскому движению с предубеждением, то в минувшем году появились в некоторых передовых органах русской прессы более или менее полные очерки сионистского движения, дающие более правильную и беспристрастную его оценку».

Примечание. В январе 1902 года еврейская печать публикует подробные отчеты о V сионистском конгрессе (26 – 30 декабря 1901 года, Базель).

«Восход», январь

«Сионистская организация обнимает тех евреев, которые объявляют свое согласие с сионистской программой и вносят шекель» (из устава новой организации сионистов. – А.Г.) .

«Программа сионистского конгресса гласит: сионизм стремится к созданию гарантированного публичного правомочного убежища в Палестине. Главным органом сионистской организации является конгресс, составляющийся посредством выбора делегатов от местных выборных групп».

Примечание. Из отдельных изменений заслуживает внимания увеличение «срока созыва конгресса (двухгодичный вместо годичного)», решение «О свободе создания новых федераций, имеющих непосредственные сношения с исполнительным комитетом».

В интервью корреспонденту «Восхода» д-р Герцль сказал: «Руководящая идея этого устава та, что каждая организация тем успешнее может развивать свою деятельность, чем она самостоятельнее в своих действиях, чем менее она связана по рукам общими постановлениями и предписаниями...»

«Новое время», январь

«На одном из еврейско-христианских митингов в Англии г. Н.В. слышал такие речи: “Недаром евреи стали хлопотливо собираться на сионистские съезды. Недаром еврейские раввины стали читать публичные лекции о Б-жественном человеке. Это братья – неясный гул приближающегося трубного гласа”».

«Восход», февраль

«Д-р Герцль на прошлой неделе уехал в Константинополь. “Munchener nachrichter” сообщают, что чартер уже получен... и что евреям разрешено свободно селиться в Палестине. Некоторые венские газеты также приводят сообщение, что Герцль вызван в Константинополь обер-церемониймейстером турецкого двора и что дело идет о получении чартера (документ на получение полномочий для еврейского колониального общества. – А.Г.). Правдоподобным во всех этих сообщениях является пока факт отъезда д-ра Герцля по сионистским делам».

«Новое время»,

декабрь 1901 года

«Признаемся, что при всем “благом споспешествовании” делу сионизма мы не ожидаем, чтобы оно кончилось чем-нибудь, кроме мелочей. Хотя евреи и рассеяны по всему миру, но они все время множились, и Старая Палестина решительно не в силах принять в себя не только всего еврейства, но даже сколько-нибудь значительных его частей. Сверх того, чем менее у Турции шансов на твердое будущее в Европе, тем более она озабочивается укреплением и сплочением своих азиатских частей. Палестина и Сирия, лежа между Малою Азией и Аравией, составляют, конечно, чрезвычайно ценную соединительную страну во владениях султана, и ни в коем случае никому он ее не уступит без боя. А к бою евреи неспособны... Таким образом, для европейцев есть все опасности думать, что сионистское движение немногим превзойдет в результате аргентинское колониационное движение, т.е. сведется к шуму, к словам, которые ничем не разрешатся».

«На переговорах, состоявшихся в феврале 1902 г., первых настоящих переговорах Герцля с Турцией, стало ясно, что попытки добиться хартий для Палестины в обмен на финансовую помощь по крайней мере временно провалились».

Примечание. Краткая еврейская энциклопедия: «Пятый сионистский конгресс включил в программу движения пункт о национальном воспитании. В соответствии с этим решением сионистские организации ряда стран (Восточной и Центральной Европы) приступили к созданию собственных школ и так называемых “реформированных хедеров” (хадарим метукканим), где изучались иврит и различные светские предметы, причем значительное внимание уделялось истории еврейского народа, географии Эрец Исраэль, ивриту, новой еврейской литературе».

«Восход», январь

«В январе 1902 г. Министерство просвещения постановило применить к средним и низшим техническим училищам свое циркулярное предположение от 10 июля 1887 года, согласно которому число учащихся-евреев в средних учебных заведениях, прогимназиях и реальных училищах не должно превышать 10 % в черте оседлости, 5 % в губернских городах, 3 % в Петербурге и Москве».

«Новое время», декабрь

«Евреи до того давно исторически умерли, а последние два тысячелетия их талмудического и кагального существования до того безотрадны и серы, что в них нет живого зерна, которое могло бы возродиться».

Примечание. Активизируется деятельность Общества для распространения просвещения между евреями в России.

«Восход», январь

«Ростовскому раввину Айзенштадту разрешено устроить при главной еврейской синагоге библиотеку-читальню. В настоящее время приводятся в порядок выписанные, а также пожертвованные для библиотеки книги. Прием пожертвованных книгами продолжается в канцелярии раввина. Библиотека вскоре откроется для пользования читателей. Открытая тем же раввином вечерняя школа для взрослых евреев в настоящее время насчитывает 130 человек. По роду занятий учащиеся разделяются: портные – 17 человек, заготовщики и различные ремесленники – 31, мелких торговцев – 21 человек, воспитанников различных учебных заведений, приходящих специально для изучения еврейских предметов, 25 человек».

«В Вильне по инициативе молитвенного правления открыта вечерняя бесплатная школа для женщин. Деятельность субботних школ в Минске, Варшаве, Николаеве успешно развивается, привлекая все большее число учащихся и учащихся добровольцев... В Одесское отделение Общества для распространения просвещения между евреями в России поступает записка, где предлагается “ходатайствовать перед начальством об увеличении числа уроков по еврейским предметам в субсидируемых Отделением училищах,.. назначить комиссию для составления новых программ и учебников по еврейским предметам,.. поощрять их издание путем премий... Как отрадное явление можно отметить возникновение в некоторых городах так называемых образцовых хедеров... Несмотря на все отрицательные стороны Талмуд-Тор в теперешнем их виде, необходимо сохранять эти популярные и единственно доступные бедным детям учебные заведения, подвергнув их только коренным преобразованиям”».

«Восход», февраль

«22 и 23 февраля в Берлине происходил IX съезд “Союза немецко-еврейских общин”, собирающийся раз в четыре года. В съезде приняли участие представители 252 общин. Важнейшей заботой союза было введение в элементарных школах обучения Закона Б-гия для еврейских детей. Эту цель союз успел достигнуть без особого труда, так как ходатайство шло навстречу желаниям самого министра исповеданий и просвещения, покойного Боссе. Министр распорядился даже о выдаче пособий на содержание еврейских законоучителей из особого фонда (правительственного) на тех же основаниях, на которых выдаются пособия законоучителям христианских исповеданий большинства населения. Ходатайство союза об обязательном преподавании еврейского Закона Б-гия как в начальных, так и в средних учебных заведениях пока не удовлетворено».

«В Вене предполагается устройство народного еврейского университета. Главным инициатором этого учреждения является д-р Бирнбаум при содействии небольшого кружка других сионистов».

«Корреспондент “Краја” сообщает интересные сведения о еврейском народном университете во Львове. “Отдельный народный университет для своего пролетариата и среднего класса основали евреи под названием “Таунбееhall”. Поле деятельности этого учреждения весьма обширное. В Львове около 40 тыс. евреев, из которых для 35 тыс. разговорной речью служит жаргон или плохой немецкий язык. Учреждение, основанное 3 месяца тому назад, делает только первые шаги. Некоторые лекции читаются на польском языке, другие на немецком, но больше всего на жаргоне. Лекторами выступают молодые адвокаты, врачи, студенты. Львовский “Таунбееhall” основала молодежь, дав ему официальное название “Общество для распространения просвещения среди евреев”. Из деятельности университета исключены всякие партийные тенденции. Единственная программа, которая значится на его знамени, – это культура. Слушателям “Таунбееhalla”, кроме лекций, преподносят еще пение, музыку и чай... “Какая публика собирается у вас?” – спрашиваю я молоденького председателя “Таунбееhall”. По преимуществу ремесленники, мелкие купцы, приказчики. Последние составляют около 70%».

«Под различными углами взглянув на мир»

«Новое время», январь

«В книжных магазинах “Нового времени” продается “Палестина”, сочинение А.А. Суворина... Большой том на роскошной бумаге. Карта Палестины. План Иерусалима в красках... Все рисунки отпечатаны в несколько тонов каждый. Акварели А.Д. Кившенко, изображающие “Святой Гроб Господен” и “Пещеру рождения Христова”, и акварель В.И. Навозова “Тип арабской деревни”. “Обряд Священного огня в Великую заутреню в Храме Гроба Господня”, страница Евангелия, подаренная храму Св. Гроба Борисом Годуновым».

«Восход», февраль

«В среду 16 февраля в заседании историко-этнографической комиссии прочитан был доклад Н.П. Аксакова “О еврейском эпосе”.

Аксаков доказывал весьма убедительно, что арийцы и семиты, благодаря духовному различию природного склада, под различными углами взглянув на мир как на совокупность бытия, под различными же углами глядят и поныне, содействуя через свое различие полному и правильному уразумению мира. Но при этом референт не находит, однако, возможным субъективизм семита и объективизм арийца считать безусловными. Нет вовсе народов безусловно субъективных и безусловно объективных (отсутствие эпоса у евреев приводилось в доказательство еврейского и семитского “субъективизма” в противоположность арийскому “объективизму” и даже в доказательство того, что семитская раса в сравнении с индо-европейской представляет в действительности низшую форму человеческой природы). Так, говорят, еврей не останавливается на описании природы. Не дал ландшафтов. Но с другой стороны, весь классический мир не останавливался на описании природы... Именно на страницах Библии природа живет с изумительной полнотой...»

Примечание 1. Н.П. Аксаков, племянник С.Т. Аксакова, литератор, богослов, поэт.

Примечание 2. Согласно получившим большое распространение в Европе XIX века мистическим теориям Фабра Д. Оливе и Эдуара Кюре в религии и культуре народов семитского и арийского происхождения наблюдается ряд различий. Если у евреев

наблюдается приверженность к абсолютному, не имеющему форму, невидимому Б-гу, то для арийцев характерно многобожие, мифотворчество, страстная любовь к природе.

«Новое время», февраль

О юбилее Гоголя: «Патриоты еврейского отечества в “Восходе” по-своему чествовали память великого юмориста (пятьдесят лет со дня смерти). В пространной статье они заявляют, что гоголевское торжество вызывает в душе их сложное ощущение. Они чувствуют себя “кровно близкими” и “обидно чуждыми” этому торжеству. В то же время они объявляют Гоголя “нашим неотторжимым духовным достоянием”... Мы однако предпочли бы в этот день “культурные гибриды”, не справляли восторженный шабаш перед блеском своего бесстрашия, а скромно и честно дали бы себе слово сделать в пределах своих сил все, чтобы в еврейском народе стало поменьше типов, выведенных добрым и честным Пушкиным, искренним Лермонтовым, правдивым Тургеневым, и явилось в нем побольше добрых, честных, правдивых и усердных русских граждан, каких и он способен давать и дает общей родине, и, к сожалению, пока много реже, чем она имела бы право рассчитывать».

«Восход», январь

«Пресловутый down town в праздничном настроении. Всю неделю только и толков, что о небывалом еще торжестве среди обитателей восточной части города – дело идет о любимом драматурге Якове Михайловиче Гордине.

Кто не знает в Нью-Йорке господина Гордина! Его портрет красуется чуть ли не в каждой афише еврейского театра... Чуткий к потребностям массы, отзывчивый на ее нужды, Гордин... задался целью поднять еврейскую сцену на должную высоту. В пьесах Гордина затрагиваются животрепещущие вопросы, здесь изображается реальная жизнь, рисуются живые типы, выражаются неподдельные чувства. И не только здешний народ оценил достоинства Гордина, но и лучшие представители здешней интеллигенции считают своим долгом присоединиться к народному торжеству и выразить свою признательность Якову Михайловичу Гордину как еврейскому драматургу. Они дружно праздновали юбилей в течение пяти дней. К юбилею, между прочим, была издана брошюра, обзор деятельности Я.М. Гордина».

Примечание. Гордин Яков Михайлович (1853, Миргород, Украина – 1909, Нью-Йорк) – драматург, публицист, реформатор еврейского театра. Писал на русском языке и идише. До отъезда в Америку в 1890 году сотрудничал в русских и петербургских газетах, возглавлял созданное им в 1880-м на основе религиозных взглядов Толстого и народнических идей «Духовное библейское братство». В Нью-Йорке после встречи с антрепренером и актером Яковом Адлером (1855 – 1926) Гордин обратился к драматургии. Вульгарной буффонаде и «историческим» опереттам эпигонов Гольфадена Гордин противопоставил мелодраму с ее эмоциональными диалогами, острыми коллизиями и резко очерченными характерами, что произвело настоящий переворот на еврейской сцене. Наибольшей популярностью пользовались написанные на идише «Еврейский король Лир», «Б-г, человек и черт» (1900), «Клятва» (1900). Сюжеты своих пьес Гордин заимствовал у Гоголя, А.Н. Островского, Шиллера и Гюцкова. В течение многих лет его пьесы исполнялись в оригинале и переводе на другие языки в различных театрах мира.

ЛЕХАИМ АПРЕЛЬ 2002 НИСАН 5762 – 4 (120)

אִי דאָעוֹנְעֵעַ אַי בּוֹי אַאֹוֹ

2 АПРЕЛЯ

80 лет со дня рождения физиолога, академика РАН, выполнившего исследования в области биомеханики и механизмов регуляции движений человека, физиологических основ протезирования, автора трудов по космической и авиационной медицине, лауреата Государственной премии СССР

Виктора Семеновича Гурфинкеля (р. 1922, с. Оксы, Одесской обл.).

3 АПРЕЛЯ

75 лет со дня рождения спортсменки, пловчихи, обладательницы золотой олимпийской медали 1952 года и серебряной 1956 года, установившей 10 мировых и 5 олимпийских рекордов, **Евы Секей** (р. 1927, Будапешт).

4 АПРЕЛЯ

230 лет со дня рождения (1 нисана 5532 года) духовного лидера хасидской общины, основателя брацлавского направления хасидизма, автора сказочных историй, вошедших в сборник «Сипурей маасийойс», **рабби Нахмана** (1772, Меджибож, Польша – 1810, Умань).

10 лет со дня смерти шахматиста, международного гроссмейстера, восьмикратного чемпиона США **Сэмюэла Решевского** (1911, Озюлков, Ленчицкого уезда Калишской губ. – 1992, Спринг-Вэлли, США).

10 АПРЕЛЯ

40 лет со дня смерти кинорежиссера, поставившего фильмы «Хижина в хлопчатнике», «Капитан Блад», «Приключения Робин Гуда», «Ангелы с грязными лицами», «Морской ястреб», «Касабланка» и др., **Майкла Кёртица** (наст. имя и фамилия Михай Кертес; 1888, Будапешт – 1962, Лос-Анджелес).

75 лет со дня рождения биохимика, члена Национальной академии наук США, автора основополагающих исследований по расшифровке генетического кода, лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине (совм. с Р.У. Холли и Х.Г. Кораной) 1968 года **Маршалла Уоррена Ниренберга** (р. 1927, Нью-Йорк).

50 лет со дня рождения политического и государственного деятеля, экономиста, руководителя Центра экономических и политических исследований (ЭПИцентра), председателя общероссийского объединения «Яблоко» **Григория Алексеевича Явлинского** (р.1952, Львов).

15 АПРЕЛЯ

5 лет со дня смерти химика-органика, академика РАН, Героя Социалистического Труда, развившего химию фосфорорганических соединений: открывшего новые классы веществ, новые методы синтеза практически важных соединений, создателя теории таутомерного равновесия, открывшего новые виды таутомерии, в том числе в химии свободных радикалов (т.н. явление блуждающей валентности), разработавшего представление о двойственной реакционной способности, развившего корреляционный анализ, решившего ряд

стереохимических проблем, синтезировавшего ряд физиологически активных веществ и комплексов, лауреата трех Государственных премий СССР **Мартина Израилевича Кабачника** (1908, Екатеринбург – 1997, Москва).

80 лет со дня рождения физикохимика, члена-корреспондента РАН, автора трудов по кинетике химических реакций в условиях высокоэнергетического воздействия, применению физических методов в химии, созданию химических лазеров, лауреата Государственной премии СССР **Виктора Львовича Тальрозе** (р.1922, Тула).

16 АПРЕЛЯ

80 лет со дня рождения театрального режиссера, народного артиста России, главного режиссера Екатеринбургского театра оперы и балета, доцента Уральской консерватории **Марка Львовича Минского** (р. 1922, Москва).

17 АПРЕЛЯ

5 лет со дня смерти военного и государственного деятеля, президента Израиля в 1983-1993 годы **Хаима Герцога** (1918, Белфаст, Сев. Ирландия — 1997, Иерусалим).

18 АПРЕЛЯ

5 лет со дня смерти экономиста, члена-корреспондента РАН, главного редактора журнала «Вопросы экономики», автора трудов по методологическим вопросам политэкономии и научно-технического прогресса **Льва Марковича Гатовского** (1903, Минск – 1997, Москва).

19 АПРЕЛЯ

130 лет со дня рождения общественной деятельницы, основательницы и первого президента первой школы подготовки социальных работников впоследствии преобразована в институт ее имени), одной из основательниц и вице-президента Международного конгресса женщин **Алис Саломон** (1872, Берлин – 1948, Нью-Йорк).

22 АПРЕЛЯ

80 лет со дня рождения Героя Советского Союза, старшего лейтенанта **Бориса Савельевича Левина** (р. 1922, Рославль Смоленской губ.).

24 АПРЕЛЯ

60 лет со дня рождения режиссера, певицы и киноактрисы, снявшейся в фильмах «Смешная девчонка» (премия «Оскар» за лучшую женскую роль 1968 года), «Хэлло, Долли!», «Что нового, доктор?», «Сова и кошечка», «Такими мы были» и др, поставившей фильмы «Ентл», «Принц приливов» и др., автора песен к фильмам **Барбры Стрейзанд** (р. 1942, Нью-Йорк).

27 АПРЕЛЯ

70 лет со дня рождения киноактрисы, снявшейся в фильмах «Веронские любовники», «Монпарнас, 19», «Сладкая жизнь», «Восемь с половиной», «Мужчина и женщина», «Трагедия смешного человека», «Жюстина» и др., **Анук Эме** (наст. имя и фамилия Франсуаза Сория; р. 1932, Париж).

29 АПРЕЛЯ

95 лет со дня рождения кинорежиссера, поставившего фильмы «Эти матери могли жить» (премия «Оскар» за лучшую режиссерскую работу 1938 года), «Седьмой крест», «Ровно в полдень», «Отныне и во веки веков» (премия

«Оскар» за лучшую режиссерскую работу 1953 года), «Оклахома!», «Человек на все времена» (премии «Оскар» за лучший фильм и лучшую режиссерскую работу 1966 года), «День шакала», «Джулия», «Пять дней летом» и др., **Фреда Циннемана** (1907, Вена – 1997, Лондон).

ИЗ НАШЕЙ АПРЕЛЬСКОЙ ПОЧТЫ

Уважаемый главный редактор!

Не хочу повторять все похвалы журналу «Лехаим», с каждым номером он действительно все интересней. Читаю все, от корки до корки. Все разделы хороши: и воспоминания о жизни наших предков (Глюкель фон Гамельн), и художественная проза (Сол Беллоу, И. Башевис-Зингер, Г. Канович и др.), и статьи о евреях в мировой культуре и о выдающихся людях, чьи имена оказались незаслуженно забыты.

В связи с последним – очень хорошо, что к 85-летию со дня смерти поэта С. Фруга в «Лехаиме» (№ 10, 2001 года) появилась статья Матвея Гейзера «Жажда свободы и доля раба». Но позволю заметить: в предисловии сказано, что это первая публикация после долгих лет молчания. Так вот, после действительно долгих лет молчания первая публикация о Фруге появилась в журнале «Советиш Геймланд» («Советская Родина») в 1988 году (№ 3, «С. Фруг») на идише, а в 1997-м она была переведена на русский язык и опубликована в журнале «Корни» (главный редактор С. Августович). Это глубокое исследование жизни и творчества С. Фруга было сделано доктором филологических наук, професором З. Либинзоном. Так что замечательного поэта вспоминали, о чем, наверное, небезынтересно узнать М. Гейзеру.

Передо мной сочинения С. Фруга в трех томах (Одесса, 1916). Исследователи его творчества сделали все возможное, чтобы читатель смог составить как можно более полное представление об этом прекрасном поэте. Он много страдал, что, конечно, запечатлено в его поэзии, но есть у него и прекрасные остроумные стихи.

Ñîçàíí èá Ááí

(Èááíí áú è ñéàçàí èÿ)

Á áí áðí ò á ñáí áé ááèèéíé,

Á áéáááàòè í áèçì áí í íé

Ñí ò áí ðèé í ðàí à ò áðí Ááó

Ñááí ó, ðáí ðáó

áíéáí í íé,

Í á èç ò áí áí è Áááí á

× ò í áú ñò ðáí ðèé í á í è ò áéà

È áéáí ò í é þ á é þ, á ðáú í á

È ò ù áí é á á èÿ í á çí á é á;

*Í á èç ðíò áá Í í ñçääë,
× ò í á ú í á á ú è à á í è ò è è à à;
Í á èç äáç, äááú í á ñò à è à
È æ á á í à, è í í ò í ò è è à à;
Í á èç ðé, ÷ ò í á á ñ ú
Í á ñ á ò á
Í ä ä ä ä ò ú í á í í æ á è à è à;
Í á èç í í ñ ÷ ò í á ÷ à ñ ò í
í è ð í ú é
Ñ á é í ÷ á á í á í í è è ä à è à
È ç ð á á ð à Í í á á ñ ç ä ä è, -
È ç á á ç ä ä í ó í í é,
á á ç ú í ð á ÷ í í é
È í ñ è ñ ý ú á ä Á á á í à
Ñ í ò á í ð è è á á Í ð á á á ÷ í ú é.
Í ò ò í ä - ò í, è à è í á ñ ó ÷ è ò
Í ä ä ð í ñ ò ú ä ð á á í è ò (á ú á í ä
ý ñ í ú é), -
Ò à è á á ç ä ä í ó á í,
á á ç ú í ð á ÷ á í,
È ð í ò í é Á á ú ð í ä
í ð á è ð á ñ í ú é.*

Ñ á í á ð ú í è í í æ á è á í è ý í è,

Á è à ò á ð è í à È è á è í ç í, á á í á à ç È è á è í ç í à

Í. Í í á ä ð í ä

Уважаемая редакция!

Два года регулярно читаю «Лехаим» и хочу предложить вам новую рубрику – о генеалогии еврейских фамилий. Считаю, что каждый человек должен знать историю своего рода, тем более еврей, на долю которого выпали гонения, погромы, массовые убийства, Холокост, ассимиляция. И те, кто вышел живым из этого кошмара и сохранил если не религиозность, то хотя бы любовь и уважение к еврейским традициям, должен оставить своим потомкам в память об умерших и погибших родственниках хотя бы веточку на генеалогическом древе своей фамилии. Заглянуть глубоко в прошлое одному человеку не под силу, нужны архивы, если они сохранились, и коллективная память. Вот для этого-то и нужна в журнале такая рубрика. В ней помещались бы объявления тех, кто хочет найти своих родственников, истории еврейских родов и фамилий. Уверен, открылись бы невероятные родственные связи с, казалось бы, совершенно незнакомыми людьми!

Лет 15 назад я с помощью своей бабушки составил генеалогическое древо по фамильной линии, которое включило в себя шесть поколений – 104 «веточки» (к сожалению, не все именованные). Мне очень бы хотелось заполнить пустые места и дополнить седьмым поколением – жизнь ведь не стоит на месте.

Теперь коротко об истории моей фамилии. Примерно в 1850 году в крепости Грозная, которая в 1870-м получила статус города и окружного центра Терской области, родился мой прапрадед Файвел Рахильский. От первой жены, которая рано умерла, у него остались дочь Елена и сын Моисей. У Моисея и его жены Голды было семеро детей: Григорий, Неся, Аарон, Эстер, Иосиф, Хана-Рива и Пиня.

В Грозном же родились мой дед Иосиф (22 апреля 1903 года), бабушка Лоджевская Ревекка Григорьевна и 15 июля 1927 года – их сын и мой отец Рахильский Моисей Иосифович.

После окончания ленинградского института (ЛИАП) отец по распределению приехал в Новосибирск, где познакомился с моей мамой, Комарковой Тamarой Алексеевной. Так прервалось алохическое еврейство его потомков: меня, родившегося в 1952 году, и в 1957 году – моего брата Игоря. У нас с ним по двое детей, так что, думаю, фамилия наша не исчезнет. На подходе седьмое поколение Рахильских!

Не могу не написать о своем двоюродном дяде. Я никогда его не видел, но, кроме меня, уже никто не помнит, что у дедушкиного брата Аарона и его жены Лизы был сын Борис Аронович Рахильский, который юношей ушел на фронт и погиб в бою под Москвой в 1941 году. Почему его имени нет в книге памяти жертв Катастрофы?

А теперь, дабы ликвидировать белые пятна на нашем генеалогическом древе, хотел бы поместить в нашем журнале ряд объявлений, если, конечно, позволите.

Итак, я, Рахильский Виталий Моисеевич, проживающий по адресу: 630051, Новосибирск, пр. Дзержинского, 81, кв. 64, ищу:

1. Всех своих однофамильцев или людей, у кого в родне были Рахильские.
2. Ирину (р. 20.01.19?) из Грозного, дочь Ревекки Григорьевны и Сергея Севастьяновых, или ее дочерей Анну и Маргариту.

3. Анатолия Вениаминовича Молдавского, сына Анны и Вениамина Лазаревича Молдавских, его родную сестру Розу Вениаминовну или его сына Вениамина Анатольевича Молдавского.

4. Геннадия Львовича Щеголя (р. 22.02.1949), сына Нелли Львовны и Льва Щеголей, или его жену Людмилу, или его детей – Максима и Еву.

5. Леонида Аркадьевича Кравчука (р. 11.10.19?), сына Ольги Львовны и Аркадия Кравца.

6. Юрия Викторовича Длугого (р.06.10.194?) из Грозного, сына Пини Моисеевны и Виктора Исаевича Длугих, или его жену Валентину; Евгения Викторовича Длугого (р. 20.11.1947), сына тех же родителей, или его жену Елену, или дочерей – Ирину и Кристину.

7. Олега Круглова, сына Генриетты Исаевны (в девичестве Рахильская).

8. Элеонору Львовну, дочь Лилии Исаевны и Льва Кулявчинских, или ее сына Вадима; Ольгу Львовну, дочь тех же родителей, или ее дочь Роксану.

Если мое предложение заинтересует редакцию журнала или кого-либо из его читателей, буду рад помочь в поисках ваших родственников.

С уважением и наилучшими пожеланиями.

Àèò àëëé Ðàðëëüñëëé,

Í Ì àíñë àëðñë